ОТТО БИСМАРК

ВИЛЬГЕЛЬМ II

ВОСПОМИНАНИЯ И МЫСЛИ

Перевод с немецкого А. Н. Карасика
с предисловием Мих. Павловича

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ПЕТРОГРАД
1923

Гиз № 4325. Облит. № 1556. Тир. 15.000.
Госуд. тип. имени тов. Зиновьева, Петрогр., Социалистическая, 14.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ.

Третий том „Воспоминаний“ Бисмарка, пресловутого „железного канцлера“, одного из создателей „великой германской империи“, в отличие от первых двух томов, представляющих громадный интерес для изучения внешней политики Германии до и после франко-прусской войны 1871 г., дает мало материала по истории взаимоотношений немецкой империи с другими державами. Ценность этого последнего тома лежит в другой плоскости. Здесь перед нами проходят, как живые, вершители судеб Германской империи послебисмарковского периода. Обиженный старик, возмущенный тем, что его великие заслуги перед отчизной не были оценены новым императором и окружающей последнего кликой карьеристов, не имел оснований идеализировать императора и государственных деятелей Германии. Все же Бисмарк был монархистом, „верным слугой“ трона и поэтому понятно, что его оценка своих преемников и самого императора нуждается в существенных дополнениях. Однако, при всей сдержанности Бисмарка перед нами ярко встают отталкивающие портреты изображаемых им персонажей. Мы видим этого будущего императора, который уже в качестве принца увлекается мечтой о том, как бы одурачить рабочих с помощью немецкого полу-Зубатова, полу-Гапона, придворного пастора Штеккера, старающегося пропагандой идей христианства, прикрашенного антисемитизмом

и жалкими подачками, отвлечь рабочих от влияния „тлетворных“ идей. Мы видим, как „наследник престола“ еще при жизни своего отца ждет с нетерпением смерти последнего и составляет письмо, которое Бисмарк советует сжечь, дабы избегнуть дурного впечатления, какое произведет на верноподданных факт составления этого документа еще при жизни „царственных особ“. Император Вильгельм II рисуется в „Воспоминаниях“ Бисмарка как развратный, неискренний, неустойчивый, легкомысленный человек, невероятно болтливый и крайне самонадеянный. Нет сомнения, что если бы в Германии не произошло глубокого сдвига в самих широких слоях населения, и не только пролетариата, но также мелкой и средней буржуазии, 3-й том „Вспоминаний“ не мог бы появиться в свет. Культ императора Вильгельма, как в высокой степени даровитого и умного человека, великого государственного деятеля, был до войны распространен не только в Германии, но отчасти даже в некоторых кругах французской, английской и американской буржуазии. Вообще республиканская пресса Франции, Швейцарии, С. Штатов в самом почтительном тоне писала об Эдуарде VII, Вильгельме II и изображала их как выдающихся людей и по уму и по силе характера. Воспоминания Бисмарка ясно показывают, что Вильгельм II был в моральном и умственном отношении совершенно ничтожной личностью, по своему удельному весу немногим выше стоящей, чем Николай II, Франц-Иосиф и другие царственные кретины.

Что касается самого Бисмарка, никто, конечно, не будет отрицать его блестящих дарований и силы характера. Но эти таланты были направлены исключительно на дело милитаризации Германии и борьбы с внутренними врагами, прежде всего с рабочим классом. Бисмарк сам рассказывает о

себе, что он был противником всяких послаблений по отношению к рабочим, как то: ограничения женского и детского труда на фабрике, ослабления репрессий против социал-демократии и т. д. Он скорбел о невозвратном прошлом, когда „неограниченная воля монарха покоилась не на добровольном и капризном желании народа, а на здоровом еще в то время монархическом духе всех сословий и на готовой к отпору в защиту ее военной и полицейской власти, не нуждавшихся ни в парламентах, ни в прессе, ни в избирательной системе“. Фридрих Вильгельм I отправлял всякого, кто ему противодействовал, на каторгу, а Фридрих II посадил Верховный Суд в Шпандат. Вот о чем мечтал старый юнкер на закате своих дней.

Для характеристики той атмосферы лицемерия, которая царит в придворных кругах, крайне любопытна обстановка, которая сопровождала отставку Бисмарка. Заставив упрямого канцлера против его воли уйти с своего поста, распорядившись о немедленном выселении Бисмарка с казенной квартиры („выселение до срока“, как жалуется Бисмарк), Вильгельм одновременно приказал выставить почетный караул на вокзале по случаю отъезда Бисмарка („похороны по первому разряду“, согласно выражению Бисмарка) и издал два приказа, из которых один начинается следующими лживыми словами: „Любезный князь. С глубоким волнением я усмотрел из Вашего прошения от 18-го числа сего месяца, что Вы решили удалиться от дел... Приведенные Вами основания для отставки Вашей убеждают меня, что дальнейшие попытки побудить Вас к отказу от нее не будут иметь успеха“...

Такой приказ был адресован человеку, к которому Вильгельм II несколько раз посылал различных лиц с категорическим требованием немедленно подать в отставку!

Интересны страницы III тома „Воспоминаний“ Бисмарка, посвященные русско-германским отношениям и вообще внешней политике Германии. Противники Бисмарка и сторонники теснейшего сближения с Австрией обвиняли железного канцлера в руссофильской политике. Бисмарк стоял на той точке зрения, что даже при счастливой войне с Россией Германии не удастся окончательно уничтожить боевые силы России. В то же время Бисмарк полагал, что в случае несчастной войны Россия вследствие внутренних политических неурядиц окажется более бессильной, чем всякое другое европейское государство. Бисмарк предвидел, что неприязненная политика по отношению России ускорит сближение последней с Францией и высказывает опасение, что оба государства сообща атакуют Германию, когда признают свои силы достаточными.

В „Воспоминаниях“ Бисмарка отмечается, что царское правительство питало особое доверие к Бисмарку, как стороннику русской ориентации, и что русский посол Шувалов, уполномоченный подписать с Германией договор (о взаимном нейтралитете) отказался начать переговоры, как только Бисмарк перестал быть имперским канцлером. Однако, сам Бисмарк признает, что он желал остаться у власти, чтобы провести, наряду с возобновлением закона против социалистов, новые военные законопроекты, направленные одновременно и против России и против Франции. Таким образом, очевидно, что оставление Бисмарка на посту канцлера не могло бы содействовать в тот момент улучшению русско-германских отношений, а, наоборот, дало бы сильнейший толчок к новым вооружениям и лишь обострило бы еще более отношения между соперничающими европейскими державами.

Мих. Павлович.

ПРЕДИСЛОВИЕ К НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ.

Обязательство, принятое в свое время по договору издательством Котта перед наследниками государственного канцлера князя Отто фон-Бисмарка, не опубликовывать третьего тома его „Мыслей и воспоминаний“ при жизни императора Вильгельма II потеряло, по мнению издательства, сейчас всякое значение, в силу изменившихся, в силу переворота, обстоятельств.

Наследники канцлера не сочли возможным принять правовую точку зрения издательства и протестовали против немедленного опубликования этого труда.

Вполне отдавая должное их побуждениям, издательство тем не менее, идя навстречу настоятельным желаниям самых разнообразных общественных кругов, не смело отказать в опубликовании рукописи, которая в течение целого ряда лет находилась в его распоряжении.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

СЫНОВЬЯМ и ВНУКАМ ДЛЯ
ПОНИМАНИЯ ПРОШЛОГО и В
НАЗИДАНИЕ ДЛЯ БУДУЩЕГО.

Patriae inserviendo
consumor.

Автограф Бисмарка на рукописи его „Воспоминаний и Мыслей“: „Patriae inserviendo consumor“ („На службе отечеству силы свои полагаю“).

I.

ПРИНЦ ВИЛЬГЕЛЬМ.

При старом императоре я долгое время добивался, чтобы внук его получил надлежащую подготовку для предстоящего ему высокого назначения. Прежде всего, я считал полезным извлечь его из круга ограниченных интересов полковой жизни в Потсдаме и привести в соприкосновение с другими течениями того времени. У меня не было намерения возлагать на него какие-либо обязанности гражданской службы,—ландрата или окружного президента,—приставив к нему с этой целью опытного чиновника; я ограничил свои домогательства только переводом принца в Берлин для того, чтобы он мог вступить в сношения с более широкими кругами общества и различными центральными ведомствами.

Моим стараниям, главным образом, препятствовали соображения министерства двора, которое опасалось расходов, связанных с переездом в Берлин, в частности, с устройством замка Бельвю. Таким образом, местом пребывания принца остался Потсдам, где ему читал лекции обер-президент фон-Афенбах. В 1886 г., по настоянию принца, я добился разрешения его величества допустить его к обозрению актов и дел иностранного ведомства, несмотря на решительное сопротивление со сто-

роны кронпринца, который писал мне по этому поводу 28 сентября из Портофино, около Генуи, следующее:

„Мой сын, принц Вильгельм, выразил его величеству, без моего ведома, желание в течение предстоящей зимы ближе ознакомиться с деятельностью наших министерств, и, как я узнал, в Гастейне предполагают предоставить ему занятие в ведомстве иностранных дел.

Так как я до сих пор ниоткуда не получал об этом официального уведомления, я вынужден, прежде всего, обратиться к вам доверительно, сперва, чтобы узнать, что было решено, а затем, чтобы заявить, что, несмотря на мое принципиальное согласие на ознакомление моего старшего сына с вопросами верховного управления, я решительно против того, чтобы он начал с иностранного ведомства. В виду важности предстоящих принцу задач, я считаю целесообразным, чтобы он прежде всего ознакомился с внутренними условиями его собственной страны и не раньше того, как он изучит их, он сможет заняться политикой, в особенности, если принять во внимание его склонность к слишком поверхностным и поспешным выводам.

В его знаниях имеются существенные пробелы, ему не хватает еще необходимых основ; поэтому, во всяком случае, требуется пополнить и усовершенствовать его образование. Этой цели могло бы содействовать руководство опытного в гражданских делах лица и одновременно с этим или позднее—занятия в одном из министерств.

Но, в виду недостаточной зрелости, а также неопытности моего сына, которые связаны еще с его склонностью к преувеличениям и переоценкам, я должен признать, что допущение его к вопросам внешней политики является прямо опасным.

Я прошу вас принять это сообщение, как адресованное Вам лично, и расчитываю на Вашу поддержку в этом чрезвычайно волнующем меня деле".

Я пожалел о недовольстве отца своим сыном, проглядывавшем из этого письма, а также об отсутствии между ними солидарности, на которую я расчитывал; но подобные же расхождения существовали в течение ряда лет между его величеством и кронпринцем. Я же в то время не мог разделить взглядов последнего, потому что принцу было уже 27 лет, между тем как Фридрих Великий вступил на престол 28 лет, а Фридрих Вильгельм I и III в еще более юных летах. Ответ свой я ограничил сообщением, что принц прикомандирован к министерству иностранных дел по повелению императора, и что в семьях царствующих особ авторитет отца отступает перед авторитетом монарха.

Против перевода принца в Берлин император выдвинул не соображение об издержках, а то обстоятельство, что принц слишком молод для повышения по военной службе, которое и должно было послужить поводом для перевода его в Берлин. Мне нисколько не помогли упоминания о том, что сам император поднимался по лестнице военных чинов значительно быстрее принца.

Сношения молодого принца с нашими центральными учреждениями ограничивались подведомственным мне министерством иностранных дел. Он знакомился с более интересными актами, но не обнаруживал при этом склонности к усидчивому труду. Чтобы ознакомить принца с внутренним делопроизводством и чтобы ввести в его обычное общество, наряду с товарищами по военной службе, гражданский элемент, я просил императора прикомандировать к его высочеству одного

из высших чинов с научной подготовкой; с своей стороны, я предложил младшего государственного секретаря министерства внутренних дел, Герфурта, который, благодаря знакомству с законодательством и статистикой всей страны, казался мне особенно подходящим ментором для наследника престола.

В январе 1888 г., по моей инициативе, сын мой пригласил к обеду принца и Герфурта, чтобы познакомить их друг с другом. Но это знакомство не повлекло за собой сближения между ними. Принц заявил, что с такой нечесаной бородой он в детстве представлял себе Рюбецаля, и по моей просьбе, сам указал как на подходящее лицо, на правительственного советника и офицера в запасе фон Бранденштейна из Магдебурга.

Последний, действительно, оказался подходящим во всех отношениях человеком. По моей просьбе, он вступил в указанную должность, но уже в середине марта стал просить об освобождении от обязанностей и об откомандировании на место прежней деятельности. Принц обходился с ним чрезвычайно милостиво, приглашал на все обеды, как желанного гостя, но тот не смог прихотить принца к сознательной деловой работе, а сам тяготился праздностью придворной жизни. На время он согласился, однако, остаться, (впоследствии, когда принц—в июне месяце—вступил на престол, он был назначен в Потсдаме на высший пост, несмотря на возражения заинтересованных ведомств, что таким образом нарушаются права старшинства).

Мои старания добиться перевода принца в провинцию, главным образом в целях устранения влияния потсдамской полковой жизни, оставались безуспешными. Размер расходов на содержание двора принца в провинции представлялся министру еще более значительным, чем в Берлине. Кроме того, этому плану противилась и принцесса.

Правда, в январе 1888 г. принц был произведен в бригадные, но быстрое развитие болезни отца лишило его возможности ознакомиться до восшествия на престол с внутренней стороной государственной деятельности, и ему пришлось ограничиться взглядами, усвоенными в полковой среде. Наследник престола, вращающийся в ограниченном кругу полковых товарищей, из которых наиболее одаренные помышляют лишь о личной карьере, может только в исключительных случаях рассчитывать, что такая среда способна подготовить его к будущей деятельности. Я глубоко сожалел об ограниченности кругозора, на который был обречен теперешний монарх вследствие бережливости министерства двора, но изменить это я был уже бессилен, и принц взошел на престол со взглядами, которые были несвойственны нашим прусским традициям и которые не были испытаны нашей правительственной системой.

С 1884 г. принц поддерживал со мной переписку, временами оживленную. Вначале замечалось в ней некоторое неудовольствие, вызванное тем, что я убедительными аргументами, хотя в чрезвычайно почтительной форме, отсоветовал ему два предприятия; одно из них связано с именем Штеккера.

28 ноября 1887 г. состоялось у генерал-квартирмейстера графа Вальдерзее собрание, в котором приняли участие принц Вильгельм и его супруга, придворный, проповедник Штеккер, некоторые депутаты и другие известные лица. Целью собрания было изыскание средств для берлинской городской миссии. Граф Вальдерзее открыл собрание речью, в которой подчеркнул, что городская миссия лишена политической окраски, что ее принцип только верность королю и воспитание патриотического духа в народе, что единственное действительное средство против анархистских влияний— это забота о духовной жизни масс наряду с ма-

териальной помощью им. Принц Вильгельм выразил свое согласие со взглядами графа Вальдерзее и, по словам „Kreuzzeitung“, высказывал при этом „христианско-социальные“ мысли. По возвращении с собрания принц посетил моего сына, рассказал ему о происходивших там разговорах и между прочим заметил: „У Штеккера есть что-то от Лютера“.

Мой сын, который об этом собрании услышал впервые от принца, ответил, что Штеккер, конечно, имеет свои заслуги и несомненно хороший оратор, но он слишком пылок и не всегда может положиться на свою память. Принц возразил, что Штеккер тем не менее завоевал императору много тысяч голосов, оторвав эти голоса от социал-демократов. Мой сын ответил, что с выборов 1878 г. социал-демократические голоса постоянно возрастают; если бы Штеккер действительно завоевал некоторую часть голосов, было бы заметно уменьшение последних. В Берлине участие населения в выборах ничтожно, но берлинец любит собрания, шум, перебранку, и иной политически индифферентный человек, который обыкновенно в выборах не принимал участия, поддался на агитацию Штеккера и голосовал за предложенных им кандидатов; но чтобы Штеккер и его агитация обратили значительное число социал-демократов,—это заблуждение.

Во время обеда, состоявшегося после охоты в Лецлингене, принц показывал собравшимся газету со статьей, излагавшей задачи этого собрания. В беседе, которая завязалась между спутниками принца, мой сын высказал мнение, что к Штеккеру надо относиться не как к пастору, а как к политику; в качестве последнего он слишком односторонен, чтобы можно было допустить его сближение с принцем.

Из Лецлингена мой сын направился через Берлин прямо в Фридрихсруэ; между тем я прочитал

уже ряд статей, посвященных собранию у Вальдерзее, и спросил, какого он мнения о значении этого собрания. Он рассказал, что произошло в Лецлингене. Я одобрил его взгляд и заметил, что до поры до времени все это меня не касается. Между тем шумиха, поднятая прессой, росла, благожелательные принцу люди посещали моего сына и горько жаловались на то, что принц ввязался в историю, из которой он сейчас не может выпутаться. Люди, окружавшие его, которым пришлось с ним беседовать по этому поводу, были поражены его резкостью и рассказывали, что сын мой оклеветан перед ним. Канцлер Мирбах заверил принца и принцессу, что мой сын напечатал в декабре месяце резкие статьи в „Norddeutsche Allgemeine Zeitung", которые послужили сигналом для занятия блоком и либеральной партией враждебной позиции против принца и его увлечения Штеккером. В действительности статья эта была написана Роттенбургом [1]); сын мой никогда ее не читал и я также.

Влияние этой травли мой сын заметил на ближайшем и всех последующих придворных торжествах: принцесса, которая обыкновенно относилась к нему благосклонно, стала его намеренно игнорировать и впервые обратила на него внимание лишь накануне от'езда в Петербург, когда ей представлялись все чины министерств.

У меня не было оснований заняться этим делом, пока принц не обратился ко мне с следующим письмом:

Потсдам, 21 декабря 1887 г.

„К сожалению своему, я узнал, что Ваша светлость не согласны с делом, начатым мною в интересах бедных классов нашего народа. Я опасаюсь,

---

[1]) Начальник государственной канцелярии.

что мои намерения были неправильно истолкованы под влиянием сообщений социал-демократических листков, к сожалению, перепечатанных многими другими газетами. При тех дружеских отношениях, которые Вашу светлость так давно связывают со мной, я каждодневно ожидал, что Ваша светлость обратится за раз'яснениями непосредственно ко мне. Потому я до сих пор молчал; но чтобы положить конец недоразумениям и кривотолкам, я счел теперь своим долгом изложить Вашей светлости действительное положение вещей. В прошлом многие высокопоставленные лица, в Берлине и вне Берлина проживающие, неоднократно выражали мне пожелание, чтобы в интересах бедного населения Берлина время от времени устраивались большие празднества, доходы с которых должны были оказывать постоянную поддержку берлинской городской миссии. С соизволения его величества было предположено устроить рыцарский праздник под моим покровительством. Но тогда от него пришлось отказаться. Осенью снова вернулись к тому же плану, но вследствие тяжелой болезни моего отца он не был осуществлен и на этот раз. Тогда обратились к моей супруге с просьбой принять покровительство над большим благотворительным базаром, но так как принцесса была слишком потрясена тревожными известиями о состоянии кронпринца, она просила отказаться от устройства базара и от всяких иных предположенных торжеств. Вместо этого она предложила обратиться с призывом о денежных пожертвованиях ко всем друзьям городской миссии и неимущего населения. С этой целью предполагалось образовать более многочисленный комитет, в состав которого я повелел пригласить всех друзей дела из провинции и особенно представителей различных политических партий и вероисповеданий. Во главе комитета встали, по моему предложению,

граф Штольберг, министр фон-Путкаммер, министр фон-Гесслер, граф Вальдерзее и граф Гохберг с супругами. 28 ноября моя супруга и я пригласили для предварительных переговоров к Вальдерзее около 30 лиц. Я изложил этим господам свои планы, причем особенно подчеркнул, что мне чрезвычайно важно, чтобы в этом деле христианской любви об'единились люди различных политических партий для того, чтобы устранить всякую мысль о политическом характере начинания и чтобы воодушевить на общую работу во имя Христа возможно больше благомыслящих людей.

Само собой разумеется, что, при моем тяжелом, ответственном и щекотливом положении, я меньше всего предполагал придавать этому делу политический оттенок. Но, с другой стороны, я глубоко убежден, что об'единение этих элементов для указанной цели есть задача, достойная осуществления, и что она является действительным средством для решительного подавления социал-демократии и анархизма. Существующие в отдельных крупных городах государства миссии являются, на мой взгляд, подходящим для этого орудием. Поэтому я с радостью приветствую сделанное на собрании с различных сторон, особенно со стороны либералов фон Бенда и других, предложение распространить предположенную деятельность в одинаковой степени на все крупные города монархии. Таким образом берлинская городская миссия стала бы лишь равноправным звеном в ряде многих других подобных же миссий и не имела бы никаких преимуществ перед магдебургской или штетинской миссиями.

Таким образом, надо надеяться, будет снято возбужденное злонамеренной прессой подозрение в том, что затевается дело в специфически штеккеровском духе. Кроме того, предполагается об'единенные городские миссии поставить под надзор и

руководство выдающегося духовного лица, но ни в коем случае не Штеккера, причем и это лицо останется членом Комитета подобно вышеуказанным министрам. Благодаря этому, берлинская городская миссия с ее пресловутым Штеккером оказалась бы на одном уровне с остальными миссиями, и его участие в деле, руководимом комитетом, не было бы больше, чем участие главы городской миссии Лейпцига, Гамбурга или Штетина.

Городская миссия есть учреждение, существующее на регулярные церковные сборы и освященное на последнем генеральном собрании синода единогласным вотумом, даже со стороны либералов. Самые знатные и влиятельные лица из всех провинций в течение ряда лет состоят участниками благотворительных ферейнов городских миссий. Поддержка этих организаций и привлечение их к этому делу окажет, благодаря сотрудничеству в них стольких благородных сил, лучшую помощь в деле морального под'ема масс.

Меня возмутило это лживое, хитро задуманное и хорошо расчитанное выдвигание личности Штеккера на первый план, с целью набросить тень на наше начинание и подорвать его значение. Не смотря на ценные заслуги этого человека перед монархией и христианством, мы тем не менее, считаясь с общественным мнением, отодвинули его в предположенной мною организации на задний план. Это было признано необходимым особенно в виду распространения нашего дела на всю монархию, и уже в собрании это было резко подчеркнуто самим графом Вальдерзее. Так как дело лишено политической окраски, то оно должно быть открыто для всех партий; поэтому было решено поставить во главе миссионерской работы в государстве лицо, совершенно чуждое политики, и ему подчинить отдельные городские миссии.

С этой целью будет запрошен относительно подходящего кандидата и министр вероисповеданий.

Люди, подобные графу Штольбергу, Вальдерзее, генералу Гохбергу, графу Цитеп-Шверину, фон Бенда, Миккелю и коллегам Вашей светлости фон Путкаммеру и фон Гесслеру являются, мне думается, достаточной порукой в том, что дело будет вестись правильно и надлежащим образом, и что оно разовьется на благо страны и к вящшему упрочению порядка, созданного тяжелыми и блестящими трудами Вашей светлости внутри государства. Меня лично воодушевляет одно—так часто выражавшееся его величеством—желание вернуть отечеству заблудившиеся народные массы посредством дружной работы во имя Христа всех благонамеренных элементов из каждого сословия и каждой партии. Эти взгляды горячо отстаивали когда-то и Ваша светлость. Это дело пользовалось большим сочувствием, пока листки социал-демократов и свободомыслящих не обрушились на него и не пустили в ход самые невероятные, подчас прямо бесстыдные инсинуации. Во всяком случае они достигли того, чего хотели: многие отшатнулись. Но я твердо надеюсь, что сочувствие, которое во многих местах встречают мои истинные, лишенные партийности, взгляды, послужит на пользу и благословение доброму делу, а низость нападок будет только содействовать раскрытию правды и ее распространению.

Глубокое, горячее чувство почтения и сердечная преданность, которую я питаю к вашей светлости (я предпочел бы, чтобы мне кусок за куском отрубали один член за другим, но не допустил бы предпринять что-нибудь, что причинило бы вам затруднения и неприятности),—эти чувства, думается мне, достаточная порука в том, что в задуманном мною деле я не преследовал никаких политических партийных целей.

С другой стороны большое доверие и теплая дружба, которыми Ваша светлость платили мне и которым я с гордостью, благодарно и радостно неизменно отвечал, позволяют мне надеяться, что, после сделанных пояснений, вы не откажете в сочувствии делу, начатому мною с чистейшими помыслами, рука об руку со многими верными и благородными людьми, и окажете ему поддержку, которая самым решительным образом рассеет всякие подозрения.

А теперь кратко повторяю еще раз: будет организован деловой комитет с участием министров, который твердо установит общее направление работы, имея в виду главным образом распространение деятельности на всю страну. Провинция и ее главные города высылают своих уполномоченных, которые являются их представителями и руководят местной работой. Миссионерская работа возлагается на подходящее для этого лицо, которое в то же время является членом комитета (например, на генерал-супер-интендента?), и все миссии действуют под его руководством. Комитет время от времени сообщает мне о своих решениях. Я даже не покровитель этого дела, я далек от него; я только благосклонный ревнитель его, и то издалека.

Заканчивая этим мое письмо, желаю Вашей светлости счастливого Нового года, правьте и впредь страною с той же мудрой заботливостью, будь то для мира, или для войны. И если бы случилась война, не забудьте, что есть наготове твердая рука и меч у того, кто знает, что предком его был Фридрих Великий, победивший один в три раза больше врагов, чем сколько их есть сейчас против нас, и что десять лет упорной военной подготовки не прошли даром.

В остальном „Alleweg guet Zolwe!“

С чувством вернейшей дружбы

Вильгельм, принц прусский“.

Несколько недель перед этим принц известил меня о другом начинании следующим письмом:

Потсдам, 29 ноября 1887 года.
Мраморный дворец.

„При сем позволяю себе переслать Вашей светлости воззвание, которое я составил в виду возможности близкой или неожиданной смерти императора и моего отца. Это краткий манифест моим будущим коллегам, германским имперским князьям. Точка зрения, из которой я исходил, следующая.

Империя еще молода, перемена монарха—первая за ее существование. При этом власть переходит от могучего правителя, принимавшего выдающееся участие в строении и основании государства, к юному, сравнительно мало известному лицу. Почти все князья принадлежат к поколению моего отца, и, рассуждая по человечеству, нельзя ставить им в вину, если переход под власть такого юного правителя, как я, не придется им по вкусу. В виду этого порядок наследования, Божьей милостью определенный, должен предстать перед ними как непреложный fait accompli; и притом так решительно, чтобы у них не было времени слишком долго раздумывать на этот счет. Поэтому моя мысль и мое желание заключаются в том, чтобы это воззвание после рассмотрения, а в случае надобности и изменения, Вашей светлостью было в запечатанном пакете депонировано в каждом посольстве и немедленно по вступлении моем в управление государством было передано послами соответствующим князьям. Мои отношения ко всем моим кузенам самые лучшие, почти с каждым из них я за это время переговорил уже о будущем, а благодаря моим родственным связям с большинством этих правителей я пытался создать базу даже для дружеского общения. Ваша светлость признает это, ознакомившись с тем местом моего манифеста, где

я говорю о поддержке советом и делом; другими словами, почтенные дядья не должны ставить подножек любезному их сердцу молодому племяннику. Относительно положения будущего монарха я часто обменивался мыслями с моим отцом, причем я скоро убедился, что мы держимся различных взглядов: мой отец был всегда того мнения, что ему одному принадлежит право командовать, а все прочие князья обязаны повиноваться; я же отстаивал другую точку зрения: к князьям надо относиться не как к кучке вассалов, а как к своего рода коллегам, речи и пожелания которых следует спокойно выслушивать; что касается исполнения их—это уж другое дело.

Мне, как племяннику, будет легко с этими дядьями, я постараюсь подкупить их мелкими любезностями и приманить почтительными визитами. Как только они успокоятся относительно меня и моих к ним отношений и пойдут на удочку, они станут охотно мне повиноваться, но повиноваться они должны. А этого лучше достигнуть убеждением и внушением доверия, чем принуждением.

В заключение выражаю надежду, что желанный сон вернулся к Вашей светлости, и остаюсь искренно преданный вам

Вильгельм, принц прусский“.

Ответ свой на оба послания принца я изложил в следующем письме:

Фридрихсруэ, 6 января 1888 г.

„Ваше королевское высочество, благоволите благосклонно простить, что на Ваши милостивые послания от 29 ноября и 21 декабря я еще не ответил. Я так ослаб от болей и бессонницы, что с трудом превозмогаю себя для обычных выходов, а всякое напряжение увеличивает мою слабость. На письмо Вашего высочества я мог отве-

тить лишь собственноручно, а рука уже не оказывает своих услуг с такой легкостью, как прежде. Кроме того, чтобы ответить на эти письма сколько-нибудь удовлетворительно, мне пришлось бы написать историко-политический труд. Но по доброй поговорке, что „лучшее — враг хорошего“, я, пожалуй, отвечу так, как позволяют мне мои силы, и не буду пребывать в непочтительном молчании, ожидая их укрепления. Я надеюсь вскоре быть в Берлине, и тогда я устно наверстаю то, что написать выше моей трудоспособности.

Приложенное к письму от 29 ноября сего года послание честь имею всеподданнейше возвратить и хотел бы почтительно предложить Вашему высочеству незамедлительно его сжечь. Если бы набросок подобного рода получил преждевременную огласку, он причинил бы боль не только его величеству императору, но и его королевскому высочеству кронпринцу; а в наши дни сохранение тайны всегда сомнительно. Даже единственный экземпляр, который я бережно хранил у себя под замком, может попасть в неверные руки; когда же заготовляются двадцать списков и депонируются в семи посольствах, то во много крат увеличивается возможность злых случайностей и людской неосторожности. Наконец, даже в том случае, если документ будет использован в свое время, все же станет известно, что он был составлен и держался наготове еще до смерти царствующих особ, а это не произведет хорошего впечатления.

Я сердечно радовался, что Ваше высочество, вопреки более крайним воззрениям Вашего прославленного батюшки, признаете политическое значение добровольного сотрудничества имперских князей в интересах государства. Какие-нибудь 17 лет парламентаризма уже привели бы нас к гибели, если бы князья не держались крепко за империю и притом добровольно, ибо они

сами довольны, если сохраняют то, что им обеспечивает империя; а в будущем, когда побледнеет ореол 1870 г., прочность государства и его монархических учреждений будет зависеть от солидарности князей. Они не подданные, но союзники императора, и если не будет соблюдаться союзный договор в отношении их, то и они не признают своих обязательств; при первой благоприятной возможности они будут, как и раньше искать поддержки у России, Австрии или Франции; как бы национально они ни были настроены, пока император сильнее их. Так было тысячу лет тому назад так будет и впредь, если снова вызовут вражду между династиями: „Acheronta movebunt".—Оппозиция в парламенте приобрела бы совершенно иную силу, если бы ослабела настоящая сплоченность союзного совета и Бавария и Саксония с Рихтером и Виндгорстом во главе образовали свой союз. Поэтому Ваше высочество придерживаетесь очень правильной политики, считая необходимым прежде всего обратиться к „господам родственникам". Но я всеподданнейше представляю на усмотрение Вашего высочества дать в своем обращении к ним заверение, что новый император будет также добросовестно уважать и охранять договорные права союзных князей, как его предшественники. Я бы не рекомендовал особенно подчеркивать „устроение и об'единение" государства, как предстоящую монарху работу, так как под этими выражениями князья поймут дальнейшую централизацию и умаление оставшихся им по конституции прав. Если же вспыхнет недовольство в Саксонии, Баварии и Вюртемберге, то обаяние национального единства, его могучий эффект, будут ослаблены и в новых провинциях Пруссии, а в особенности за-границей. Национальная идея противодействует социал- и прочим демократам;—если не в сельских местно-

стях, то в городах она сильнее, чем идея христианская. Мне это прискорбно, но я принимаю вещи так, как они есть. Но самую прочную опору монархии я ищу не в той или другой идее; она в тех правителях королевства, которые готовы не только трудолюбиво работать над преуспеянием государства в мирное время, но и исполнены решимости в критический момент, с мечом в руках, скорее пасть на ступенях трона в борьбе за свои права, чем отступить. Такого правителя не покинет ни один солдат, и правдой остается старая поговорка 1848 г.: „Против демократов помогают только солдаты". Священники могут тут много напортить и мало помочь; наиболее преданные попам земли и наиболее революционно настроены. В 1847 г. в набожной Померании все духовенство стояло за правительство, и тем не менее все низы Померании голосовали за социалистов, поденщиков, кабатчиков, скупщиков яиц.

Отсюда делаю переход к содержанию Вашего милостивого письма от 24 с. м. и лучше всего начну с его заключения, в котором Ваше высочество гордо вспоминаете, что Великий Фридрих — Ваш предок. Я прошу Ваше высочество следовать его примеру не только как полководца, но и как государственного мужа. Великий государь не имел обыкновения наделять своим доверием учреждения, подобные внутренней миссии. Правда, времена теперь иные, но успехи, которые создают речи и ферейны, и теперь не создают прочной опоры для монархических принципов. К ним применима пословица: „Как нажито, так и прожито". Красноречие противника, ядовитая критика, бестактность единомышленника, чисто немецкая страсть к раздорам и недостаток дисциплины — готовят самому честному делу печальный исход. С такими предприятиями, как „внутренняя миссия", в особенности в случае ее расширения до предполо-

женных размеров, мне казалось бы, не следует связывать имени Вашего высочества, дабы на нем не отразилась всегда возможная неудача задуманного. Результаты же не поддаются предварительному определению, раз об'единение должно распространиться на все крупные города и включить в себя все элементы и направления, которые существуют уже в местных организациях или должны в них проникнуть. Наконец, в таких ферейнах решающее значение имеют не деловые цели, но руководящие в них лица, которые и накладывают на них свою печать и дают свое направление. Там будут ораторы и духовные лица, много дам, одним словом, сплошь элементы, которыми для политической деятельности в государстве надо пользоваться с осторожностью; я решительно не хотел бы, чтобы мнение народа о будущем короле зависело от поведения и такта этих лиц. Всякий недочет, всякий ложный шаг или излишнее рвение в деятельности ферейнов послужат для республиканских листков поводом, чтобы приписать ошибки ферейнов их высокому покровителю.

Ваше высочество приводите богатый список почтенных лиц, выразивших согласие на совместную с Вашим высочеством деятельность. Среди них я не вижу ни одного, который единолично мог бы ответствовать за будущее страны; кроме того, надо знать, сколько лиц действительно заинтересовалось бы делом внутренней миссии, если бы не знали, что Ваше высочество и принцесса принимаете в нем участие. Я не стараюсь возбудить недоверие там, где существует доверие. Монарх не может обойтись без некоторой недоверчивости, а Ваше высочество слишком близки тому званию, которое повелевает проверять всякий раз, должно ли отнести эту преданность к делу, о котором идет речь, или к будущему монарху и его милостям.

Тот, кто пожелает использовать Ваше высочество в будущем, тот уже теперь попытается создать какие-нибудь отношения, какую-нибудь связь между собой и будущим императором; а много ли людей без тайных помыслов и без честолюбия? И даже тот, кто не имеет их, не чужд господствующему в наших монархически настроенных кругах стремлению как-нибудь приблизиться к монарху. Красный Крест без участия ее величества государыни не имел бы такого количества членов. Желание иметь связь с двором приходит любви к ближнему на помощь. Этому можно порадоваться, и государыне в том нет вреда. Иначе обстоит дело с наследником престола. Среди имен, названных Вашим высочеством, нет ни одного без политического привкуса, и та готовность, с которой эти лица выражают желание служить своему высокому покровителю, имеет в своей основе надежду заполучить благоволение будущего короля для себя лично или для фракции, к которой они принадлежат.

По вступлении на престол, Ваше высочество должны будете пользоваться и людьми, и партиями с осторожностью, попеременно избирая тех или других для своих целей: но при этом Ваше высочество не должны допускать возможности внешней связи с какой-либо определенной фракцией. Бывают времена либерализма, бывают времена и реакции и даже деспотизма. Руки должны оставаться свободными,—а поэтому следует избегать, чтобы общественное мнение считало Ваше высочество, наследника престола, приверженцем определенного партийного направления. А этого не избежать, если Ваше Высочество вступите в организационную связь с внутренней миссией в качестве ее покровителя. Имена фон-Бенда и Миккеля, на мой взгляд, лишь орнаментальные придатки; оба они кандидаты на министерский пост в буду-

щем. На арене миссионерской деятельности они скоро очистят место для Штеккера и других священнослужителей. В самом слове „миссия“ заключается некоторый прогноз, что духовенство наложит свою печать на все это предприятие даже в том случае, если руководящим членом комитета не будет какой-нибудь генерал - супер-интендент. Я ничего не имею против Штеккера; в моих глазах у него, как у политика, один недостаток — он священник; а как у священника—другой: он политиканствует. Я радуюсь его смелой энергии и красноречию, но ему не везет. Успехи, которых он добивается, мимолетны, он не может овладеть ими и закрепить их за собой. Всякий столь же хороший оратор — а такие имеются — вырывает у него победу. Разлучить Штеккера с внутренней миссией не удастся, наоборот, его боевой темперамент обеспечит ему решительное влияние как на духовенство, так и на светских лиц. Штеккер пользуется до сих пор славой, которая не может облегчить дело его защиты или покровительства. Всякая власть в государстве сильнее без него, чем с ним, но на арене партийной борьбы он — Самсон. Он стоит во главе лиц, которые резко расходятся с традициями Фридриха Великого, и на них германское государство не могло бы опереться. Что касается меня, то Штеккер со своей прессой и небольшим числом приверженцев причинил мне много хлопот, а великая консервативная партия сделала мою политику неуверенной и двойственной. „Внутренняя миссия“—это почва, из которой Штеккер, подобно великому Антею, будет черпать все новые и новые силы, и на которой он останется непобедим.

Ваше высочество и Ваши будущие министры были бы чрезвычайно затруднены в исполнении своих обязанностей, если-бы они приняли на себя представительство „внутренней миссии“ и ее учре-

ждений. Евангелический пастор, почувствовав свою силу, так же склонен к теократии, как и католический патер, но справиться с ним труднее, так как над ним нет папы. Я сам верующий христианин, но боюсь, не пошатнулась ли бы моя вера, если бы мне, подобно католику, было предписано обращаться к Богу только через духовного посредника.

В письме от 21 с. м. Ваше высочество выражаете мнение, что я мог бы еще раньше осведомиться у Вашего высочества относительно вышеуказанного вопроса; но только последнее письмо Вашего Высочества ознакомило меня с положением вещей, и мой ответ основан исключительно на названном письме. Правда, того, что я знал без него, было достаточно, чтобы вызвать во мне тревогу за Ваше высочество в виду нападок печати, но я слишком мало верил в серьезность дела, чтобы обратиться непосредственно к Вашему высочеству. Только письмо от 21-го убедило меня в противном.

Ваше высочество благоволите отнестись снисходительно к моей прямодушной откровенности. Доверие, которым Ваше высочество дарите меня, и уверенность Вашего высочества в моей почтительной привязанности позволяют мне расчитывать на такую снисходительность.

Я уже стар и устал, и нет во мне иного честолюбия, как желание сохранить за собою милость моего императора, а если мне суждено пережить своего государя, то его преемников.

Чувство долга повелевает мне честно служить царствующему дому и стране, пока я в силах; поэтому, исполняя свой долг, настоятельно советую Вашему высочеству не возлагать на себя до восшествия на престол оков какой-либо политической или церковной организации. Все ферейны, куда доступ свободен, и где деятельность зависит от

самих членов, от их доброй воли и личных взглядов, хороши как орудие нападения и разрушения существующего порядка, но не годны для устроения и сохранения его. Достаточно сравнить результаты деятельности консервативных и революционных ферейнов, чтобы убедиться в этой печальной истине. Для положительного творчества и проведения жизненных реформ путем законодательства призван у нас только король, возглавляющий государственную власть. Возвещенные императором социальные реформы остались бы мертвой буквой, если бы их осуществление было предоставлено свободным ферейнам. Правда, они умеют критиковать недостатки, жаловаться на них, но исцелять их они не могут. Неминуемую неудачу своих предприятий члены ферейнов переносят легко, так как каждый обвиняет в ней другого; наследника же престола общественное мнение не пощадит.

Участие в ферейне совместно с Вашим высочеством лестно для каждого сочлена, а также не бесполезно ему и не сопряжено для него с риском, но для Вашего высочества дело обстоит как раз наоборот; каждый член ферейна, благодаря организационной связи с наследником престола, приобретает особый вес и значение, а наследник, взамен того авторитета, который он своим участием придает ферейну, в лучшем случае ничего ни приобретает, а в худшем несет ответственность за неудачу по вине других.

Из прилагаемой при сем вырезки „Свободомыслящей Газеты", которую я сегодня получил, Ваше высочество благоволите милостиво усмотреть, как усердно уже сейчас старается демократия отождествить Ваше высочество с христианско-социальной фракцией. Она печатает курсивом те строки, которые должны раскрыть публике отношения Вашего высочества и мои к этой фракции. Делает это „Свободомыслящая Газета", конечно, не из благоволе-

ния к государю и не из желания оказать Вашему высочеству услугу. „Религиозно-нравственное воспитание юношества“ есть само по себе почтенная задача, но я опасаюсь, что под этой вывеской преследуются другие цели политического, и иерархического характера. Лживая инсинуация пастора Зейделя, что я являюсь его единомышленником и признаю как его, так и его последователей истинными христианами, заставит меня опубликовать возражение, и тогда обнаружится, что мое отношение к этим господам такое же, как ко всякой иной оппозиции против настоящего правления его величества.

Но я рискую, кажется, написать целую книгу. 20 лет я так страдал от происков этих господ из „Kreuz-Zeitung“ и от евангелических Виндгорстов, что не могу говорить о них кратко. Заканчиваю это чрезмерно длинное письмо всеподданнейшей и сердечной благодарностью за милостивое и благожелательное доверие, которое явило мне письмо Вашего Высочества“.

На это я получил следующий ответ:

Потсдам. 14 января 1888 г.

„Письмо Вашей светлости я получил и выражаю мою глубокую благодарность за обстоятельное и подробное изложение тех оснований, которые побуждают Вас отклонить меня от поддержки городской миссии. Смею уверить Вашу светлость, что я приложил все усилия, чтобы сделать Ваши взгляды своими. Прежде всего я всецело признаю необходимость держаться вдали от общения, не говорю уже от сближения, с известными партийными течениями. Это было всегда моим правилом и я строго проводил его в жизнь. Но при самом искреннем желании я все же не могу убедиться в том, что в той поддержке, какую я хотел оказать

стремлениям городской миссии, можно усмотреть нечто вроде участия в политической партии. Мое участие в миссии было, есть и, насколько от нас зависит, будет и впредь исключительно делом любви на благо духовного просвещения неимущих элементов. И, несмотря на Ваше письмо, я не могу отказаться от уверенности, что Ваша светлость при более близком ознакомлении, не откажетесь признать справедливость этого положения. Таким образом отдавая должное всем приводимым Вашей светлостью против меня аргументам, я все же не могу отступить от дела, в пользе которого для общего блага я глубоко убежден. Хотя мое убеждение находит новую опору и обоснование в тех бесчисленных письмах и адресах, которые поступают ко мне из всех частей монархии, особенно от католиков и рабочих слоев населения, я тем не менее не могу не согласиться с Вашей светлостью, что желательно и необходимо немедленным актом устранить повод для распространения ошибочных предположений, что в данном случае дело идет о покровительстве определенным политическим стремлениям. В конце концов я предложу придворному пастору Штеккеру отказаться от оффициального руководства городской миссией и предам этот факт гласности в приемлемой для него и не компрометирующей форме.

После такой манифестации, мне думается, смолкнут всякие подозрения относительно моих намерений и моей роли; если нет, то горе им, когда я стану повелителем! Ваша светлость не откажетесь признать, какое значение я придаю тому, чтобы, по силе возможности, устранить даже самую легкую тень разногласия между нами.

Вильгельм, принц прусский".

Вышеприведенная переписка вызвала первое кратковременное недовольство принца мною. Он

предполагал, что я отвечу на его послание поощрением в стиле его усердных почитателей; я же счел долгом в своем собственноручном, может быть, несколько наставительном письме, стоившем мне большого труда, предостеречь его от происков некоторых клик и лиц, стремившихся таким путем обеспечить себе покровительство наследника престола. И форма, и содержание ответа принца не оставляли никаких сомнений в том, что его расстроило мое несогласие с его планами и предостерегающая критика их. В конце его письма было уже сказано устами принца то, что было повторено им позже, как государем: „Кто мне противоречит, того раздавлю!“

Когда оглядываюсь теперь назад, мне становится ясно, что в течение 21 месяцев, пока я был его канцлером, он с трудом подавлял свое желание отделаться от перешедшего к нему по наследству ментора и, наконец, оно прорвалось наружу; но если бы я знал об этом желании императора раньше, то разрыв был бы осуществлен с соблюдением всех внешних форм; он же последовал неожиданно, в тяжелой, скажу больше— оскорбительной для меня форме.

Результатом моих советов было ограничение участников задуманного христолюбивого дела все более и более узким, избранным кругом лиц.

То обстоятельство, что инсценировка, происходившая в доме графа Вальдерзее, была осуждена мною, восстановило против меня этого влиятельного в кругу принца человека еще в большей степени, чем это было до тех пор. Мы были с ним долголетними друзьями, я сумел узнать его во время французской войны и как солдата, и как политического единомышленника; позже мне пришла даже мысль рекомендовать его государю на военный пост политического характера. При более близких служебных отношениях с графом я

стал сомневаться насчет его пригодности к политической деятельности, и когда графу Мольтке, состоявшему во главе генерального штаба, потребовался заместитель, я счел себя обязанным запросить военные круги, прежде чем доложил государю свое мнение о Вальдерзее.

В результате я обратил внимание его величества на Каприви, хотя последний, как я уже знал, не был обо мне такого же хорошего мнения, как я о нем. Моя мысль сделать Каприви преемником Мольтке в конечном счете потерпела неудачу, как я думаю, вследствие трудности установить необходимый при дуалистическом руководстве генерального штаба modus vivendi между двумя столь самостоятельными фигурами. Высшим кругам эта задача казалась легче разрешимой, если пост заместителя Мольтке будет предоставлен Вальдерзее: таким образом последний приблизился к монарху и его преемнику. В кругах, чуждых военной политике, его имя стало известно в связи с придворным пастором Штеккером и прежде всего благодаря тому, что совещание относительно внутренней миссии состоялось в его доме.

В 1887 г. накануне Нового года мой сын перед от'ездом в Фридрихсруэ встретил на вокзале принца, который его поджидал и просил передать мне, что штеккеровское предприятие совершенно безобидно. К этому принц добавил, что на сына моего делаются серьезные нападки, но что он за него заступается.

II.

ВЕЛИКИЙ ГЕРЦОГ БАДЕНСКИЙ.

На решения государя, как я могу судить по заявлениям его величества, влиял в последнее время великий герцог Баденский, который раньше оказывал мне благожелательную и энергичную поддержку, а теперь мешал моим планам. Проникнувшись прежде других союзных князей убеждением в том, что германский вопрос может быть разрешен только при поддержке Пруссии в ее стремлениях к гегемонии, он, по мере сил, служил делу национальной политики. Приэтом он не проявлял излишней деловитости герцога Кобургского, больше его считаясь с интересами родственной ему прусской династии и не завязывая, подобно герцогу, сношений то с императором Наполеоном, то с венским двором, то с правящими кругами Англии и Бельгии. Его политические сношения оставались в границах, которые определялись с одной стороны немецкими интересами, а с другой его семейными связями. У него не было потребности принимать действительное или показное участие в громких событиях европейской политики; в противоположность братьям Кобургам, он не поддавался искушению разрешать политические вопросы по своему усмотрению, не считаясь ни с чем. Поэтому на его взгляды окружающие имели большее влия-

ние, чем на кобургскую самоуверенность герцога Эрнста и принца Альберта: их склонность к самовозвеличению освещалась ореолом мудрости, которым в их глазах был окружен первый король Бельгии за уменье ловко обделывать свои дела.

Были времена, когда великий герцог, под давлением обстоятельств, не имел возможности проводить свои взгляды на способ разрешения немецкого вопроса; это были времена, связанные с именем министра фон-Мейзенбера и с датой 1866 г. В обоих случаях против него была force majeure. В своем стремлении к популярности он оставался всегда верен национальным интересам, если же лучшие его побуждения и ослаблялись чем-нибудь, то только параллельным желанием его заслужить одобрение граждан политикой в духе Луи-Филиппа; но одно с другим трудно совместить. Уже известно, что в тяжелое время моего пребывания в Версале, когда мне приходилось отбиваться от заграничных дамских и военных влияний, только один великий герцог из числа всех немецких князей оказывал мне перед королем поддержку в вопросе о создании империи, активно и успешно помогая мне побороть прусско-партикуляристское недоверие короля к этой идее. Кронпринц, по обыкновению, был сдержан с отцом и не высказывал своих национальных убеждений.

Великий герцог продолжал относиться ко мне благосклонно и после мира в течении десятка лет, конечно, если не считать временных размолвок в случаях, когда воображаемые им или его подчиненными интересы Бадена вступали в столкновение с общегосударственной политикой [1]).

Господин фон-Роггенбах, который одно время считался spiritus rector баденской политики, намекнул мне во время мирных переговоров 1866 г.

---

[1]) См. ниже, прилож. 1 стр.

относительно желательности увеличения Бадена за счет Баварии; ему же приписывает молва, относящееся к 1881 г., желание превратить Баден в королевство.

Что великий герцог желал расширить если не территорию, то сферу своего влияния, обнаружилось позднее, когда он внес предложение об'единить военную и политическую организацию Бадена и Эльзаса-Лотарингии. Я отказал в своей поддержке этих планов, так как не мог отделаться от впечатления, что для оздоровления Эльзаса и для превращения французских симпатий в немецкие баденские власти еще менее пригодны, чем теперешнее имперское правительство.

В баденской администрации возник особый, свойственный южным нравам бюрократизм, я бы сказал, „царство канцеляристов", и притом в еще более опасной форме, чем в прочих южно-немецких государствах, включая и Нассау. Бюрократизм не чужд и северной Германии, но главным образом ее высшим учреждениям; правда, современная политика „самоуправления" неизбежно приведет к тому, что он проникнет (lucusoa non lucendo) и в сельские области. До сих пор нашими бюрократами были по преимуществу чиновники, получившие высшее образование, которое укрепляло их правовое чувство; в южной же Германии более многочислен тот класс чиновников, который у нас относят к низшему или среднему персоналу; к тому же правительственная политика Бадена, еще до 1848 г. стремившаяся к завоеванию популярности у населения, в большей степени, чем это вообще принято в Германии, обнаружила свои отрицательные последствия во время революции, когда сказалась слабая привязанность населения к царствующему дому и оторванность этой политики от династических интересов. Баден в том году был единственным государством, где повторилась та же исто-

рия, что с Карлом Брауншвейгским: правитель государства был вынужден покинуть свою страну.

Нынешний правитель вырос в представлениях, что завоевание популярности и „уступки общественному мнению“ — основа современной политики. Луи-Филипп был для него своего рода прообразом конституционного монарха, и так как Луи-Филипп играл свою роль на такой европейской сцене, как Париж, то он имел для немецких князей то же значение, что парижские моды для дам. Военная сторона государственного аппарата Бадена не устояла также против влияния политики короля-гражданина, что сказалось в позорной измене баденских войск, какой не знало ни одно другое немецкое государство. Под влиянием этих ретроспективных впечатлений я всегда был против того, чтобы установление порядка в Эльзасе было предоставлено баденским политикам.

Как национально ни был сам по себе настроен великий герцог, он все же не мог противодействовать партикуляризму своих чиновников, основанному на их материальной заинтересованности; конечно, ему было трудно, в случае конфликтов, приносить в жертву государству местные интересы Бадена.

Один затяжной конфликт таился в глухом соревновании между имперскими и баденскими железными дорогами; другой — по поводу сношений с Швейцарией—пробился наружу. Баденские чиновники в большей степени заинтересованы в развитии и укреплении социал-демократии на швейцарской почве, чем убытками и жалобами тех многочисленных подданных Бадена, которые зарабатывают свой хлеб в Швейцарии. Что имперское правительство в своей политике в отношении к соседнему государству не преследовало никакой другой цели, как охрану консервативных элементов от влияния и агитации своей и чужой социал-

демократии, в этом не могло сомневаться и баденское правительство. Последнее было осведомлено о том, что мы действуем по взаимному, хотя и молчаливому согласию с наиболее авторитетными представителями Швейцарии. Благодаря поддержке, оказанной таким образом нашим друзьям, центральная государственная власть Швейцарии заняла более решительную, чем раньше, позицию по отношению к немецким социалистам и демократам, и смогла осуществить более решительный надзор за ними.

Не знаю, раз'яснил ли господин Маршалл действительное положение вещей в своих донесениях в Карлсруэ, но не запомню, чтобы господин Маршалл за все семь лет, что он состоял баденским посланником, испрашивал или имел аудиенцию у меня. Однако, благодаря тесной связи с моим коллегой Беттихером и отношениям, которые существовали между ним и сотрудниками министерства иностранных дел, он лично был, несомненно, об этом осведомлен. Мне передавали, что он долгое время старался завладеть симпатиями великого герцога и вызвать в нем антипатию к тем лицам, которые затеняли ему высокие горизонты. Припоминаю слово, сказанное о нем графом Гарри Арним еще в те времена, когда мы беседовали с ним откровенно.

Вопрос о пограничных сношениях с Францией расценивается и разрешается с баденской точки зрения иначе, чем с точки зрения общегосударственной политики. Число баденских подданных, которые находят себе занятия в Швейцарии и Эльзасе в качестве рабочих, приказчиков и кельнеров, и которые заинтересованы в беспрепятственных сношениях с Лионом и Парижем, сравнительно велико; но от великогерцогских чиновников нельзя, конечно, требовать, чтобы они интересы своей административной деятельности под-

чинили общеимперской политике, блага которой шли на пользу всему государству, а невыгоды местного значения ложились на Баден.

Из-за такого рода трений завязывалась газетная полемика между официозными и даже правительственными органами Бадена и „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“. В тоне этой полемики обе стороны были небезупречны. Прокурорский стиль баденской полемики был так же далек от общепринятой вежливости, как и стиль названной берлинской газеты. Я лично не мог удержать эту газету от резкости выражений, которая была свойственна моему тогдашнему другу господину фон-Роттенбургу, ученому правоведу, начальнику государственной канцелярии, так как у меня не всегда было время для редактирования публицистических произведений даже в интересах контроля.

Мне припоминается, что в 1885 г., как-то поздно вечером, меня вдруг вызвали, по распоряжению кронпринца, в Нидерландский дворец, где я застал кронпринца и великого герцога Баденского. Герцог был разгневан статьей „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“, полемизировавшей с официозным баденским листком. Смутно припоминаю содержание статьи, не знаю также, была ли эта статья берлинской газеты официального происхождения. Могло случиться, что в печать она попала без моего ведома. Я гораздо реже имел возможность и желание влиять на появление тех или иных газетных статей, чем это принято думать в прессе, а следовательно, и в публике. Я поступал так только в тех случаях, когда возникавшие вопросы или нападки, направленные лично против меня, имели особый интерес. Обычно проходили недели и месяцы во время моего пребывания в Берлине, и я не читал статей, даже приписываемых мне, не говоря уже о том, что не писал их сам и не заставлял писать других. Но великий гер-

цог думал, как все, и считал меня ответственным за статью названной газеты, трактовавшей неприятный ему вопрос.

Своеобразен был способ, каким он реагировал на эту статью. Государь был в то время серьезно болен; приехала великая герцогиня, чтобы ухаживать за ним. Несмотря на это, великий герцог решил уведомить своего шурина, кронпринца, что, вследствие причиненного ему газетой огорчения, он немедленно покинет с своей супругой Берлин и не скроет мотивов своего от'езда. Правда, государь не нуждался в заботах своей дочери, и принимал их, по свойственной ему рыцарской вежливостью, как проявление дочерней любви. Эта черта его характера преобладала во всех его отношениях к жене и дочери, и всякое огорчение, испытываемое этим тесным семейным кружком, больно и угнетающе действовало на него. Поэтому я старался, по мере сил, оберегать больного государя от подобных волнений и сделал все возможное,—не помню уже теперь, что именно,—чтобы успокоить герцога, в чем кронпринц принимал самое живое и энергичное участие. Беседа наша длилась свыше двух часов; кажется, искупление вины должно было заключаться в опубликовании новой руководящей статьи в „Neue Allgemeine Zeitung“ независимо от моих заверений в отсутствии злого умысла со стороны должностных лиц. Припоминается мне, что дело шло о каком-то мероприятии баденского государственного министерства, причем чувствительность великого герцога, заставила меня предположить, что он лично принял в затронутом газетой вопросе более энергичное участие, чем это допускается при соблюдении конституционных начал.

Из кругов Берлина и Карлсруэ до меня дошло, что поводом для перемены в отношениях великого герцога ко мне в последние годы моей служебной

деятельности послужило то обстоятельство, что во время своих пребываний в Берлине, занятый делами, я не бывал на приемах у великого герцога и его супруги так часто, как предписывает придворный этикет. Не знаю, правда ли это, не могу также судить, в какой степени повлияли тут баденские придворные интриги, инициатором которых мне называли, кроме Роггенбаха, гофмаршала фон-Гемминген: на его дочери был женат барон фон-Маршалл. Возможно, что последний, будучи баденским прокурором, а затем представителем Бадена в союзном совете, не считал законченной свою карьеру в министерстве иностранных дел Германской империи. Факт тот, что между ним и господином фон-Беттихером в последние годы моей служебной деятельности завязались интимные отношения, в основе которых лежала любовь некоторых дам к чинопроизводству.

Хотя все новые поводы для недовольства охладили благосклонность великого герцога ко мне, тем не менее не думаю, чтобы он сознательно добивался моего удаления. Его влияние на государя, которое противоречило моей политике, сказалось в вопросе о том, какой тактики должен держаться государь по отношению к рабочим и социалистам. Мне передавали, что зимою 1890 г. перед внезапным поворотом государя от рекомендованной мною политики сопротивления к политике уступчивости им был приглашен на совещание великий герцог, и что последний, верный духу баденских традиций, отстаивал перед государем не борьбу с противником, а привлечение его на свою сторону; но он был поражен, когда оказалось, что этот поворот во взглядах его величества повлек за собой мою отставку.

Советы герцога не имели бы также успеха, если бы у его величества не было свойства постоянно опасаться, как бы впоследствии не подверглись

сомнению его личная инициатива и не была бы приписана его канцлеру. „Новый господин“ чувствовал потребность не только освободиться от ментора, но и не допускать, чтобы в настоящем и в будущем на него пала тень от канцлерских облаков наподобие Ришелье или Мазарини. Сильное впечатление произвели на него слова, сказанные, конечно, с расчетом за завтраком у графа Вальдерзее в присутствии флигель - ад'ютанта Адольфа фон-Бюлова: „Фридрих Великий никогда не сделался бы великим, если бы при вступлении в управление страной он застал и оставил при себе министра с таким влиянием и властью, как Бисмарк“.

После моей отставки великий герцог занял позицию, враждебную мне: когда в феврале 1891 г. община Баден-Баден вознамерилась преподнести мне почетное гражданство, герцог вызвал к себе обер-бюргермейстера и заявил ему, что подобный факт непочтителен в отношении императора. Несколько позднее в беседе с проживающим в Баден-Бадене писателем Максимом де-Камп, когда тот завел речь обо мне, он прервал его словами: „Il n'est qu'un vieux radoteur“.

III.

БЕТТИХЕР.

Император Вильгельм II не чувствует потребности иметь сотрудников с собственными убеждениями, которые в необходимых случаях могли бы его поддержать авторитетом своего знания и опыта. Слово „опыт“ в моих устах раздражало его и заставило однажды сказать: „Опыт? Да, опыта у меня, во всяком случае, нет!“ Чтобы руководить деятельностью министров, он привлекал к себе их подчиненных и требовал от них и даже просто от частных лиц данных, на основании которых он мог бы сам проявлять инициативу в соответственных отраслях управления. Кроме Гинцпетера и других, с этой целью употреблялся против меня, главным образом, господин фон Беттихер.

Я знавал еще его отца. В 1851 г. мы участвовали с ним вместе в Франкфуртском союзе, и мне понравилась внешность его сына, который способнее отца, но уступает ему в стойкости и честности. Благодаря моему влиянию при императоре Вильгельме I, сын быстро делал карьеру. По моему предложению, он был назначен обер-президентом Шлезвига, статс-секретарем, государственным министром, правда, в качестве моего помощника, aide или adjoint, как говорят в Петербурге. По

воле императора, он должен был проводить в совете министров и в Союзном Совете мою политику, когда я бывал в отсутствии. У него не было другой обязанности, как поддерживать меня. Это был пост, на который был, по моему предложению, назначен сперва Дельбрюк, и который был создан исключительно для того, чтобы замещать меня и в облегчение его величеству. Дельбрюк был президентом канцелярии Союзного Совета, а затем канцелярии имперского канцлера; следовательно, с точки зрения государственного права, он был высшим чиновником при канцлере с правом доклада. Затем он был назначен министром без портфеля, чтобы в госудурственном министерстве поддерживать имперского канцлера и заменять последнего в его отсутствие.

Дельбрюк добросовестно исполнял свои обязанности и защищал мои взгляды, даже в том случае, когда бывал со мной несогласен. Он удалился, когда такого рода представительство оказалось в столь резком противоречии с его убеждениями, что он не мог уже преодолеть его. После добровольного ухода Дельбрюка, его пост занял гессенский министр фон-Гофманн, человек покорный, без политического прошлого. Гофманн стал одновременно руководить новым ведомством, хотя и с ограниченными функциями, но носившим название министерства торговли. Он вообразил, что, помимо забот об общеимперской торговле, ему вручены особые права и обязанности в отношении законодательной охраны прусской торговли, — и потому, злоупотребляя независимостью, которой он пользовался на своем посту, изготовлял без моего ведома законопроекты, не получавшие моего одобрения. Я считал, что большинство этих проектов переходило границы охраны труда и принимало форму принудительного ограничения личной независимости, вторгаясь в личные и семейные права рабочего,

вследствие чего я не мог ждать от этих законов благотворных результатов. Так как неоднократное напоминание с моей стороны, что проекты его имеют явно оппозиционный характер, остались безуспешными, то я предложил фельдмаршалу фон-Мантейфелю пригласить господина Гофманна на пост министра в Эльзас и Лотарингию.

Вслед за этим я попросил императора назначить преемником Гофманна господина фон-Беттихера, в надежде, что этот опытный в обхождении с парламентариями чиновник окажет мне поддержку, ради которой исключительно и был создан этот министерский пост без портфеля. Господин Беттихер, как статс-секретарь по внутренним делам, был моим подчиненным на имперской службе, на службе Пруссии он был моим помощником, обязанным выражать мои взгляды, а не проводить свои собственные. В течение ряда лет он охотно и искусно выполнял эту задачу. Свои собственные взгляды он обнаруживал чрезвычайно осторожно и по преимуществу в сношениях с парламентариями и другими лицами. Настойчивость с моей стороны была всегда достаточна, чтобы он соглашался с моими мнениями и руководствовался ими на практике.

Беттихер обладает большиим способностями, как статс-секретарь; он прекрасный парламентский debatter; ловкий посредник; он умеет крупные духовные ценности размещать среди людей в мелкой монете, и таким образом, приобретать на них влияние с видом добродушного простака. Что он никогда не был стоек в своих убеждениях, чтобы защищать их перед парламентом и тем более перед императором, не считалось существенным недостатком в кругах, где он вращался; и если он отличался столь болезненной чувствительностью в получении чинов и орденов, что обманутые ожидания вызывали у него слезы, то я не без успеха старался щадить и удовлетворять его.

Мое доверие к Беттихеру было так велико, что после смерти господина фон-Путкаммера я предложил его на пост вице-президента государственного министерства. И на этом посту он все-таки оставался моим представителем, представителем президента. Нет места дуализму в президиуме министерства. Я привык смотреть на Беттихера, как на личного друга, который вполне удовлетворен нашими отношениями. К разочарованию в нем я был менее всего подготовлен, тем более, что, когда семейным интересам Беттихера грозила серьезная опасность вследствие долгов и проступков его тестя, директора банка в Штральзунде, я сумел оказать ему существенные услуги.

Не могу точно определить, когда именно он впервые поддался искушениям императора и за моей спиной перешел на его сторону. Возможность неискреннего поведения с его стороны была для меня до такой степени невероятна, что я понял его только в 1890 г., когда он стал открыто оппонировать мне в Коронном Совете, в министерстве и на службе, защищая предложения императора, несмотря на то, что ему было известно мое отрицательное отношение к ним. Сведения, которые я получил впоследствии, и ретроспективный взгляд на факты, которым я в то время уделял мало внимания, убедили меня позже, что господин Беттихер уже давно пользовался личными сношениями с императором в качестве моего же представителя, чтобы за мой счет сблизиться с его величеством и вгнездиться в те щели, которые образовались между юношескими воззрениями императора и старческой осторожностью его канцлера. С этой целью он использовал также и свои отношения с баденским послом графом Маршалл, а при содействии его тестя Геммингена—и с великим герцогом Баденским. Искушение использовать в личных интересах и во вред мне увлечение, с которым госу-

дарь отнесся к новым для него задачам монарха, и мою собственную усталую доверчивость было еще более обострено страстью некой дамы к чинам и неудовлетворенной в Бадене жаждой играть политическую роль. Статьи официозного характера, которые я приписываю хорошо осведомленным перьям моих прежних сотрудников, указывали, что Беттихер заслужил право на мою благодарность, так как в январе и феврале 1890 г. он старался будто бы примирить государя со мной и сделать меня сторонником его взглядов. В этих инспирированных статьях заключается, я думаю, полное подтверждение его фальшивой роли. Служебный долг господина Беттихера заключался не в том, чтобы опытного канцлера подчинить воле молодого монарха, но чтобы поддерживать канцлера в его ответственных обязанностях перед монархом. Если бы Беттихер исполнял свой служебный долг, он остался бы в пределах своих естественных полномочий, для осуществления которых он и был призван. Его отношения к государю стали за время моего отсутствия интимнее моих; тогда он почувствовал себя достаточно сильным, чтобы, опираясь на поддержку более высокого лица, не выполнять служебных распоряжений и письменных предписаний своего начальства. Дело шло не только о том, чтобы вкрасться в милость государя, но о том, чтобы устранить меня и стать моим преемником. Я заключаю об этом по целому ряду обстоятельств, из коих многие стали мне известны лишь впоследствии. В январе 1890 г. он передавал государю и в доме барона фон-Баденгаузена, что я все равно решил удалиться на покой, и в то же время он говорил мне, что государь уже ведет переговоры с моим преемником.

В первые дни названного месяца он в последний раз посетил меня по делам службы в Фридрихсруэ. Как я узнал позже, он еще перед этим

старался внушить государю, что вследствие чрезмерного употребления морфия я потерял уже способность заниматься делами. Был ли этот намек сделан государю самим Беттихером или при посредстве великого герцога Баденского, я не мог установить точно. Во всяком случае его величество запросил по этому поводу моего сына Герберта; последний предложил обратиться за справкой к профессору Швейнингеру, от которого государь услышал, что подобное сообщение сплошная выдумка. К сожалению, краткость профессорского ответа помешала выяснить происхождение этой клеветы. Повод для наведения справок мог дать государю только господин фон-Беттихер, вернувшийся из Фридрихсруэ, так как в то время никаких посетителей, кроме него, у меня не было. Еще при посещении своем в январе месяце он отстаивал передо мною необходимость уступок, которые составили потом содержание высочайших указов 4 февраля.

Я возражал против них прежде всего потому, что считал недопустимым, чтобы закон запрещал рабочему и членам его семьи заниматься трудом в определенные дни или при определенных условиях. Кроме того, я опасался обременять промышленность новыми тяготами, которые в будущем могли отразиться и на рабочих, и на работодателях; тем более, что практические последствия не могли быть определены с точностью ни тогда, ни теперь. Имея в виду стачку горнорабочих 89 г., я советовал прежде всего вступить на путь борьбы с социал-демократией, а не на путь уступок. Я предполагал принять до рождественских каникул и после них участие в дебатах о законе против социалистов и приэтом хотел отстаивать то положение, что социал-демократия в большей степени, чем заграница, грозит войной монархии и государству, и что вопрос о ней должен быть рас-

смотрен с государственной точки зрения, как вопрос внутренней войны, вопрос силы, а не права. Моя точка зрения была известна господину Беттихеру, а через него несомненно и императору: в этой осведомленности его величества я вижу разгадку его нежелания, чтобы я находился во время сессии рейхстага в Берлине; он неоднократно и прямо, и косвенно доводил до моего сведения об этом своем нежелании, причем делал это в форме, которая имела для меня значение высочайшего приказа. Если бы я, в качестве канцлера, выступил публично со своими определенными взглядами, для императора оказалась бы затруднительной та уступчивая по отношению к социал-демократии, позиция на которую его уже склонили великий герцог Баденский, Беттихер, Гинцпетер, Берлепш, Гейден, Дуглас, и которая была изложена в Коронном Совете 24 января господином Беттихером и привела меня и других министров в изумление. Если бы осуществился февральский план императора, от которого он вскоре отказался, повидимому, под влиянием великого герцога Баденского, план, состоявший в том, что, сохраняя пост канцлера, я освобождался от всех своих прочих обязанностей в прусских министерствах, то, конечно, господин Беттихер мог бы рассчитывать стать прусским министром-президентом, так как по должности вице-президента он был уже в курсе всех дел. Благодаря этому обстоятельству, господин фон-Беттихер и его супруга заняли бы первое место в табели о рангах, перешли бы в так называемый фельдмаршальский класс. Я, конечно, не порекомендовал бы его на этот пост. Опасаясь, что за событиями 1889 г. и вследствие уступчивой тактики императора смогут вспыхнуть беспорядки, я принял во внимание либеральные симпатии министров внутренних дел и военного (полиция и войско) и апатию министра юстиции (прокуроры) и предложил

на всякий случай вручить президиум военному лицу.

Когда я вновь принял участие в министерских дискуссиях, Беттихер стал открыто выступать против меня и в присутствии его величества, и в государственном министерстве по всем вопросам, по которым ему были известны мои разногласия с императором, приняв на себя роль истолкователя его воли. Этот факт был отрадным симптомом для моего политического или, вернее, исторического прогноза, так как он указывал, какой силы достигла королевская власть с 1862 г. Министр, назначенный по моей же личной просьбе для поддержки моей политики, принял на себя руководство оппозицией, как только сообразил, что таким способом он сможет привлечь к себе царскую милость, и против деловых соображений пускал в ход реплику, что мы должны исполнять волю императора, что мы должны удовлетворять желания его величества.

IV.

ГЕРРФУРТ.

Вступив на престол, император решил призвать на пост бывшего министра внутренних дел Путкаммера, перед самой смертью Фридриха удаленного со службы; только из приличия назначение на прежний пост не должно было состояться слишком скоро после его отставки и смерти императора Фридриха. По поручению государя я предложил министерство внутренних дел господину Геррфурту, под условием, что он сменит этот пост на пост обер-президента, если возможно будет, в Кобленце, как только император сочтет своевременным призвать графа Путкаммера. Геррфурт выразил свою готовность, заметив, что в переходное время он будет точно следовать политике Путкаммера. Став на таких условиях 2 июля 1888 г. временным министром, он использовал реформистское настроение его величества, чтобы из временного обратиться в постоянного. Я был поражен, когда при докладе императору о своевременности призвания Путкаммера услышал в ответ, что он уже освоился с „Рюбецалем" и решил его оставить при себе. Чем же преодолел Рюбецаль прежнюю антипатию императора настолько, что он предпочел его господину Путкаммеру, restitu-

tio in integrum которого еще недавно добивался сам император? Я должен признать, что в основе императорской милости к нему лежала внушенная Геррфуртом мысль, что издание нового „положения о сельских общинах“ удовлетворит насущную потребность и устранит испытываемый всеми гнет от остатков феодализма.

Геррфурт еще до вступления своего в министерство говорил мне о предполагаемой реформе „положения о сельских общинах“ в старых провинциях, и я настоятельно просил его не подымать этого вопроса: сельские жители старых провинций живут в глубоком мире между собой; никто не чувствует потребности в переменах, разве только те деревни, которые приобрели городской характер, в большинстве своем городские предместья. Крестьянство в своей массе живет и при настоящем сельском укладе мирно и спокойно; между помещичьими хозяйствами и деревенскими общинами не только господствует согласие, но обе стороны питают в одинаковой степени вражду ко всяким новшествам. Я настоятельно просил не нарушать существующего в сельских местностях согласия, не бросать яблока политических раздоров, не вызывать борьбы возбуждением неразрешимых принципиальных вопросов, для постановки которых нет пока никаких практических оснований.

Геррфурт возражал, что основания, конечно, имеются, раз существуют „карликовые общины“, которые не могут выполнять своих общинных обязанностей. Я оспаривал, что подобное мнение может служить достаточным поводом для коренных преобразований в духе на-спех фабриковавшихся конституций и планов переустройства всех форм жизни 48 года.

После этих разговоров со своим коллегой и конфиденциального обсуждения этого вопроса зимою 1888—89 г. меня, к крайнему моему изумле-

нию, посетила депутация крестьян из Шенгаузена, представившая полученный от ландрата опросный лист, из которого можно было усмотреть, что правительство предполагает коренным образом изменить правовой строй наших сельских общин. К радости крестьян, я мог сообщить им, что до тех пор, пока буду министром, я не соглашусь на такие планы и думаю, что и его величество не даст на это своего соизволения.

Путем справок в других провинциях я узнал, что и там было получено предписание собрать предварительные данные о крестьянских общинах.

Когда я сказал Геррфурту, что после наших переговоров не мог думать, что он выступит со своими планами так решительно без согласия министра-президента, я услышал в оправдание уклончивый ответ: уже тогда во мне росло подозрение, что мой коллега заручился за моей спиной согласием императора на свои проекты, и что ожидание больших результатов от предположенной реформы снискало ему милость императора и укрепило окончательно на министерском посту. Если бы Геррфурт не был уверен тогда в тайном покровительстве императора, он вряд ли действовал бы так решительно против меня и государственного министерства, как я узнал из собранных мною сведений [1]).

---

[1]) „Положение о сельских общинах" было принято палатой 327 голосами против 23 голосов, и Геррфурт по этому поводу получил поздравительную телеграмму от государя из Эйзенаха; палата господ изменила редакцию только одного параграфа, которая была одобрена палатой депутатов и „Положение" было принято 1 июня 206 голосами против 99 голосов консерваторов.

V.

КОРОННЫЙ СОВЕТ 24 ЯНВАРЯ.

Когда у государя возникла мысль и созрело решение удалить меня, я не знаю; но мысль, что со мной он не должен делить славы своего будущего правления, была подсказана ему еще в те дни, когда он был принцем, и уже тогда была им твердо усвоена. Было совершенно естественно, что к будущему наследнику престола, пользуясь его доступным для всех положением молодого офицера, примазались карьеристы, прозванные берлинцами „военными и гражданскими сапожниками". Чем больше крепла уверенность в том, что после смерти деда на престол вступит принц, тем энергичнее становились старания завладеть будущим государем в личных или партийных целях. Против меня лично были еще раньше пущены графом Вальдерзее хорошо рассчитанные на определенный эффект слова: если-бы Фридрих Великий имел канцлера, подобного мне, он не сделался бы великим.

Недовольство, которое вызвала моя переписка с принцем Вильгельмом по поводу Штеккера (письмо от 14 января 1888 г.), однако постепенно рассеялось, по крайней мере наружно.

На обеде, который я давал 1 апреля, принц, ставший к тому времени наследником престола, провозгласил за меня тост, в котором, как гласил будто бы аутентический текст „Neue Allgemeine Zeitung“, сказал следующее:

„Я позволю себе наше настоящее положение сравнить с батальной картиной: мы—полк, идущий на штурм; вот пал его командир, но следующий в чине, несмотря на тяжелые раны, смело несется вперед; все взоры обращены на знамя, которое высоко взвивает знаменосец. Эта государственная хоругвь в руках вашей светлости. Самое искреннее, душевное желание мое—чтобы ваша светлость еще долгие годы совместно с нашим возлюбленным обожаемым монархом высоко держали наш государственный стяг. Да благословит и защитит Господь вашу светлость!“

1 января 1889 г. я получил следующее письмо:

„Любезный князь! Год, который принес нам так много огорчений и невознаградимых утрат, приходит к концу. Радостью и утешением служит сознание того, что Вы мне верная опора, и что с бодрыми силами Вы вступаете в Новый год. От всего сердца молю я для Вас счастья и благословения в делах и прежде всего длительного здоровья, и уповаю на Господа, что он судит мне еще долго, долго работать совместно с Вами на благо и величие нашего отечества.

Вильгельм R“.

До осени не было заметно в его настроении никаких перемен, но в октябре, во время пребывания русского императора в Берлине, его величество был неприятно поражен тем, что я отсоветовал ему вторичный визит в Россию, и своим обращением со мною давал чувствовать свое не-

довольство. Этот факт будет освещен мною дальше. Через несколько дней император отбыл в Константинополь, и с дороги, из Мессины, Афин и Дарданелл, присылал мне дружеские телеграммы о своих впечатлениях. Однако, впоследствии я узнал, что за границей ему приходилось слишком часто слышать о канцлере. Некоторое раздражение по этому поводу старались раздуть мои противники, отпуская хорошо рассчитанные шуточки, среди которых было в ходу упоминание о фирме „Бисмарк и Сын". Между тем 16 октября я отправился в Фридрихсруэ. В виду своего возраста я лично не цеплялся за свое место, и если бы я мог предвидеть близкую отставку, то помог бы государю провести ее более безболезненно и в более достойной форме. Если я ее не предвидел, то это доказывает только, что, несмотря на свою сорокалетнюю деятельность, я не сделался придворным льстецом, и что политика меня интересовала только по обязанности службы; последняя привязывала меня к себе не потому, что я одержим властолюбием или честолюбием, но лишь по чувству долга.

В январе 1890 г. мне стало известно, как живо государь интересуется так называемым законодательством об охране труда, и что по этому вопросу он совещался с королем Саксонским и великим герцогом Баденским, прибывшими в Берлин на торжество перенесения праха императрицы Августы. В Саксонии законы об ограничении женского, детского и воскресного труда, которыми были заняты Рейхстаг и Союзный Совет, частично были давно уже введены, но признаны тягостными для различных отраслей промышленности. Саксонское правительство, считаясь с своим многочисленным рабочим населением, не хотело изменять законодательство по своей собственной инициативе. Заинтересованные промышленники настаивали на том, чтобы саксонские законы либо

были отменены в порядке общеимперского законодательства, либо чтобы тягость их была распространена на всю империю, следовательно, на всех немецких конкурентов. Король уступил им, предложив саксонским представителям в Союзном Совете отстаивать законодательство об охране труда, за которое высказались одна за другой все партии Рейхстага, чтобы выиграть или не потерять голоса своих избирателей. Эти повторные резолюции Рейхстага производили на бюрократию Союзного Совета давление, которому они не могли противодействовать вследствие незнания практической стороны жизни. Члены соответственных комиссий боялись уронить свое звание человеколюбцев проявлением несочувствия исходящим из Англии гуманитарным фразам. Даже веский баварский вотум не был сообщен тем представителям в Союзном Совете, которые готовы были принять на себя ответственность за свое „негуманное" отношение к названным законодательным предположениям.

Я распорядился, чтобы резолюции Рейхстага были оставлены без внимания в Союзном Совете. При таких обстоятельствах перед господином Беттихером открывалась легкая и благодарная перспектива перед коллегами по Союзному Совету критиковать мои взгляды вместо того, чтобы их защищать. Мое продолжительное отсутствие из Берлина давало ему возможность продолжать это дело и при личных докладах государю, кстати сказать, в качестве моего представителя, и выставлять мое упрямство как препятствие к приобретению императором популярности в народе.

Между тем мои убеждения и опыт не мирились с таким вторжением закона в сферу личной независимости рабочего, его трудовой жизни и его семейных прав, каким являлось законодательное за-

-прещение свободного распоряжения собою лично и рабочею силою своей семьи. Я не думаю, чтобы рабочий был благодарен за то, что ему в определенные дни и часы запрещают по своему желанию зарабатывать хлеб, хотя надо признать, что социалистические вожди успешно использовали этот вопрос как агитационное средство, играя на том, что предприниматели и при сокращенном рабочем дне должны платить не сокращенную плату. На запрещение воскресного труда рабочие соглашались, как я лично установил, лишь тогда, когда им обеспечивали тот же недельный заработок за шесть дней, какой они получали раньше за семь дней работы. С запрещением труда несовершеннолетних не соглашались их родители, и соглашались только те несовершеннолетние, которые вели сомнительный образ жизни. При наличности развитой сети железных дорог и свободе передвижения взгляд, что рабочий может быть принужден предпринимателем работать в любое время, мог бы оказаться правильным лишь в виде исключения, вследствие особых условий рабочего рынка и транспорта; и во всяком случае, не может иметь настолько широкого распространения, чтобы оправдать повсеместное вторжение в сферу личной свободы рабочих. Во время стачек этот вопрос не играл никакой роли.

Как бы там ни было, но факт тот, что саксонский король, несмотря на свое благоволение ко мне, воздействовал на мнение государя в направлении, противоположном моим взглядам, высказанным еще несколько лет тому назад в моей речи от 9 мая 1885 г. о воскресном отдыхе. Во всяком случае он не ожидал, что это разногласие с государем повлечет за собой мой уход со службы, и очень о нем сожалел. Впрочем, вряд ли это разногласие повлекло бы мою отставку, если бы герцог Баденский, министр Беттихер, Верди, Геррфурт и

другие не внушали государю, что мое старческое упрямство препятствует его стремлениям завоевать общественное мнение и противников монархии превратить в ее сторонников.

8 января вновь собрался рейхстаг. Еще до Рождества и вскоре после него государь предложил мне в форме, которая походила скорее на приказ, не являться в Берлин к предстоящей сессии. 23-го утром, через 2 дня после закрытия рейхстага, Беттихер телеграфировал мне, что по распоряжению государя, переданному его ад'ютантом, на следующий день в 6 ч. должно собраться заседание Коронного Совета, а на мой вопрос, что составит предмет его обсуждения, Беттихер ответил, что ему это не известно.

Сын мой, будучи через меня в курсе моей переписки с Беттихером, посетил днем государя и на вопрос о целях совещания получил от него ответ, что его величество намерен изложить министерству свой взгляд на рабочий вопрос, и потому ему желательно мое присутствие. На замечание сына, что он ожидает моего прибытия к вечеру, государь сказал, что приезд мой был бы желательнее днем позже—таким образом я не был бы поставлен перед необходимостью выступить в рейхстаге, где мои заявления, противоречащие взглядам большинства, повлияли бы на настроение блока и оказались бы совершенно несоответствующими высочайшим намерениям.

Я прибыл 24 числа, около 2 ч. дня. В 3 ч. состоялось созванное мною совещание министров. Господин Беттихер не показывал вида, что ему известны намерения государя, другие министры терялись в догадках. Я предложил, и мое предложение вызвало сочувствие, чтобы мы отказались от немедленного ответа на декларацию государя, если она окажется ультимативной, и затем обсудили ее откровенно в своем тесном кругу. Госу-

дарь пожелал меня видеть на $^1/_2$ ч. раньше, чем других министров, в $5^1/_2$ ч. вечера, из чего я заключил, что он намерен предварительно обсудить свою декларацию совместно со мной. Но я ошибся; он даже не намекнул мне на предмет предстоящего совещания, и, когда собрался Совет, у меня создалось впечатление, что он готовит нам приятный сюрприз. Он представил нам два обстоятельных доклада, один, написанный собственноручно, другой—ад'ютантом под его диктовку; и тот, и другой сулили социал-демократам осуществление их требований. В одном из них император предлагал Совету проредактировать и внести на обсуждение предназначенный к опубликованию высочайший указ, написанный вдохновенным языком. Император приказал огласить декларацию Беттихеру, который, повидимому, был уже знаком с ее содержанием. Меня она прямо поразила не столько деловой обстоятельностью, сколько своей бессодержательностью и претензией на вдохновенный пафос. Это могло только ослабить впечатление возвещаемых мероприятий и грозило все дело утопить в море благожелательных фраз. Еще изумительнее в ней было откровенное признание монарха, перед лицом его сведущих и конституцией установленных советников, что декларация эта основана на данных и советах четырех авторитетных для него лиц, перечисленных поименно. Это были: тайный советник Гинцпетер, бывший воспитатель принца, который эксплоатировал сейчас остатки своего былого педагогического влияния на питомца, правда, неудачно и неискусно, но осмотрительно, избегая всякой ответственности; затем—граф Дуглас, богатый и удачливый спекулянт в горном деле, который стремился увеличить свой престиж крупного собственника блеском влиятельного поста при суверене. Путем ловких и приятных речей он добился сближения с государем

скорее на хозяйственно-политической почве, дружеским общением с августейшими детьми укрепил эту связь, и таким образом достиг графского достоинства. В-третьих, художник фон-Гейден, ловкий светский человек, тридцать лет тому назад служивший в горном предприятии шлезвигского магната, а в настоящее время известный в горнопромышленных кругах как художник, а в художественных—как горный чиновник. Последний, как передавали, построил свое влияние на государя не столько на своих личных заслугах, сколько на знакомстве с каким-то старым рабочим из Веддинга, который служил ему моделью не то для нищего, не то для пророка, и из бесед с которым он почерпал материал для законодательной инициативы верховных государственных установлений. Четвертый, авторитету которого государь придавал значение, был обер-президент Кобленца Берлепш. Он привлек к себе внимание императора во время стачки 1889 г. благосклонным отношением к рабочим и вступил в непосредственные сношения с императором, что составляло для меня, его министра, такую же тайну, как и связь государя с графом Беттихером по этому же вопросу и с графом Геррфуртом по поводу сельских общин.

После оглашения декларации, его величество об'явил, что он назначил заседание Коронного Совета в день рождения великого монарха, потому что этот день положит начало новой исторической эры; поэтому он желает, чтобы один из помянутых в декларации указов был составлен возможно скорее для опубликования ко дню его собственного рождения (27). Все министры об'явили, что обсудить такой сложный вопрос и составить соответствующий указ так быстро—невозможно.

Я предостерегал государя от возможных последствий: напряженное ожидание и беспредельная требовательность социалистически настроенных клас-

сов толкают государство и правительственную власть на скользкий путь. Его величество и рейхстаг говорят об охране трудящихся, в действительности же дело идет о насилии над рабочими, о принуждении их работать меньше, чем они сами хотят. Сомнительно, можно ли навязать предпринимателям сокращение их доходов, потому что те отрасли промышленности, которые потеряют, вследствие воскресного отдыха, 14% производительности, окажутся неспособными к дальнейшему росту, и рабочие в конце-концов из-за этого лишатся своего заработка. Проектируемые высочайше указы повлияют неблагоприятно на предстоящие выборы, отпугнут имущие классы, усилят влияние социалистов. Новое увеличение издержек производства и перенесение их на потребителей было бы допустимо только в том случае, если бы другие крупные промышленные государства пожелали также вступить на путь рабочего законодательства.

Его величество не пожелал придать значение моим возражениям, но согласился, чтобы его декларация была предварительно обсуждена в Государственном Министерстве.

Перед окончанием своей сессии рейхстаг поставил вопрос о законе против социалистов, срок которого истекал осенью. В комиссии, образованной по инициативе национал-либералов, из законопроекта Союзного Совета был исключен пункт о принудительной высылке. Таким образом, приходилось решать, следует ли об'единенным правительствам уступить в этом пункте или же подвергнуть риску весь закон. Совершенно неожиданно для меня и вразрез с моими обязательными инструкциями, граф Беттихер предложил огласить на следующий день, перед самым закрытием рейхстага, декларацию императора, в которой было бы заявлено о смягчении закона в духе национал-либералов, то-есть предлагалось правительству

добровольно отказаться от принудительной высылки; по конституции, это не могло быть сделано без Союзного Совета. Император тотчас же ухватился за этот совет.

Окончательного постановления рейхстаг еще не вынес; предстояло второе чтение законопроекта и доклад комиссии, после которого нельзя было, конечно, ожидать принятия закона в первоначальной редакции. В течение десятилетий, я боролся против склонности наших министров и их представителей изменять и смягчать в комиссиях, часто под закулисным давлением фракционных вождей, государственные законопроекты; поэтому и в данном случае я открыто заявил, что об'единенные правительства свяжут себя на будущее время, если сейчас же спустят свое знамя и позволят исказить внесенный законопроект. Если бы они поступили так, то пришлось бы в новый рейхстаг внести более суровые законы против социалистов, и они оказались бы в полном противоречии с тем самым заявлением Беттихера об отказе правительства от высылки, которое будет, быть может, оглашено всего за несколько дней до этого. Поэтому я требовал, чтобы выждали решения пленума рейхстага; если последний изменит закон, то надо примириться и с таким законом; если же закон будет отклонен, то надо если не распустить парламент, то выждать случай для более решительного выступления. Все равно нам придется в будущую сессию внести более суровый законопроект. Государь протестовал против такого эксперимента; он не может ни в каком случае допустить, чтобы начало его правления ознаменовалось пролитием крови; ему бы этого никогда не простили. Я возразил, что бунт и пролитие крови не зависят ни от его величества, ни от наших законодательных предположений, а от революционеров, и без крови вряд ли мы обойдемся, если будем

уступать и преувеличивать опасность твердой политики. Чем позже правительство вступит на путь противодействия, тем насильственнее оно будет.

Прочие министры, кроме Беттихера и Геррфурта, высказывались в том же духе; часть из них обстоятельно развивала свои соображения. Когда император, явно недовольный отрицательным отношением министров, снова вернулся к вопросу о капитуляции перед рейхстагом, я сказал, что, по долгу своему, на основании опыта и осведомленности своей, не советую уступать. В 1862 году, когда я вступил на свой пост, королевская власть была слаба; король грозил отречением, не имея возможности проводить свои взгляды. С тех пор в течение 28 лет королевская власть беспрерывно росла в силе и авторитете; предложенное Беттихером добровольное отступление в борьбе против социал-демократии—начало спуска с вершин, в удобную может быть сейчас, но опасную в будущем равнину парламентаризма.

„Если ваше величество не придадите значения моему совету, не знаю, смогу ли остаться на своем посту“.

После этого заявления государь сказал, отвернувшись от меня и обратившись к Беттихеру: „Это значит принуждать меня!“ Я сам не разобрал этих слов, мне передал их после коллега, сидевший по левую сторону государя.

Уже по тому, какую позицию занял государь в 1889 г. по отношению к стачке горнорабочих, я опасался, что в этой области мы с ним не сойдемся. 14 января 1889 г., за два дня до этого, приняв депутацию бастовавших горнорабочих, он неожиданно явился на заседание совета министров и заявил, что не согласен с моими мероприятиями по отношению к стачке. „Предприниматели и акционеры должны уступить, рабочие—их подданные, о которых они должны за-

ботиться; если промышленники-миллионеры не пожелают исполнить его волю, он отзовет свои войска; если после этого запылают виллы богачей-собственников и директоров и будут истоптаны их сады, они, вероятно, уступят“. Мое замечание, что ведь и собственники такие же подданные, имеющие право на защиту своего государя, император пропустил мимо ушей и с волнением сказал, что, если не будет добываться уголь, то бесполезен и наш флот; мы не можем мобилизовать войска, если недостаток угля остановит движение железных дорог; мы очутились бы в таком положении, что, будь он на месте русского самодержца, он немедленно об‘явил бы нам войну.

Идеалом его величества был в то время абсолютизм, опирающийся на популярность в народе. Его предки освободили от феодальной зависимости крестьян и бюргерство; возможна ли подобная же эмансипация рабочих за счет работодателей? Осуществится ли она сейчас в правовых формах, подобных законодательству о крестьянах и положению о городах, созданным полувековым законодательным трудом? Французские короли, заигрывая с сословиями в борьбе друг с другом, создали абсолютизм, который от Людовика XIV до Людовика XVI стал принципом, но не прочным устоем государства. Неограниченность воли монарха была провозглашена Фридрихом-Вильгельмом I; она покоилась не на добровольном и капризном желании народа, а на здоровом еще в то время монархическом духе всех сословий и на готовой к отпору в защиту ее военной и полицейской власти, не нуждавшихся ни в парламентах, ни в прессе, ни в избирательной системе. Фридрих-Вильгельм I отправлял всякого, кто ему противодействовал, „на каторгу“ или на виселицу (Слубут), а Фридрих II посадил верховный суд в Шпандау. Современное государство лишено этого

ultima ratio и на сочувственные клики масс оно не могло бы опереться даже в том случае, если бы его задачи были также скромны, как во времена Фридриха-Вильгельма I. В Дании королевская власть была установлена законом в 1665 г. и существовала долгое время; но тогда речь шла о сопротивлении ничтожному меньшинству дворянства, а не об экономическом бытии промышленных классов.

Взбунтовавшиеся рабочие стали, конечно, настойчивее в своих требованиях, когда узнали о расположении к себе высшей власти в государстве. Затем на помощь пришло трогательное согласие парламентских фракций и в деле мнимой охраны труда, их усердное пресмыкание перед избирателями-рабочими. Я считал законодательство об охране труда вредным, источником будущих беспорядков, но все же не настолько важным, чтобы в 1889 г. подымать перед государем вопрос об отставке министров.

Моя политическая совесть восставала против отставки, — по причинам, которые лежали в области политики иностранной; в данный момент отставка была недопустима ни с точки зрения общеимперской, ни с точки зрения прусской политики. Доверие и авторитет, которые, благодаря долголетней государственной деятельности, я приобрел при иностранных и немецких дворах, я не мог передать никому другому; этой ценности, в случае моего ухода, должны были лишиться и страна, и династия. В долгие бессонные ночи я много беседовал со своей совестью об этом вопросе и пришел к убеждению, что выжидать — долг моей чести, и что инициативу отставки и даже ответственность за нее я на себя брать не должен, предоставляя и то, и другое самому императору. Но я не хотел причинять ему затруднений. После заседания Коронного Совета 24 января я решил добровольно удалиться с своего поста, на котором мои убеждения оказались несовмести-

мыми с убеждениями государя, т.-е. отказаться от министерства торговли, в ведении которого находился рабочий вопрос.

Я считал возможным принять пассивное участие (tolerari posse) в развитии событий в указанной области, дать им пройти мимо себя, и всецело заняться политическими делами, главным образом иностранной политикой. Честный и вдумчивый слуга государя и монархии мог предвидеть, что рабочий вопрос тяжело разрешить, вопреки уверенности государя, что доброй воли его достаточно будет, чтобы успокоить требовательность рабочих, чтобы сделать их благодарными и послушными.

Я считал правильным и справедливым, чтобы граф Берлепш, который действовал без ведома ответственного в этом случае министра торговли и, вопреки моим убеждениям, в духе предписаний 1889 г., принял на себя министерскую ответственность за политику, в правильности которой он убедил императора. Благодаря этому, государь получал возможность самостоятельно и беспрепятственно испробовать на деле свои благожелательные планы. Я созвал совещание министров, высказал свое мнение, встретил всеобщее согласие, и после доклада его величеству, 31 мая 1889 г. господин фон Берлепш был назначен министром торговли. Добавлю, что этот эксперимент, произведенный в виду самостоятельности, проявленной обер-президентом фон Берлепшем в качестве непрошенного советчика монарха, обнаружил, что его энергия, интерес к делу и способности были тогда переоценены, так как оказались ниже на министерском посту.

Государь предпочитает иметь министрами людей второго сорта, и потому не министры, вопреки нормальному положению вещей, проявляют инициативу и дают советы монарху, а сами ждут и того, и другого от его величества.

VI.

ВЫСОЧАЙШИЕ УКАЗЫ 4 февраля 1890 г.

На заседании министров 26 января я еще раз развил мысль об опасности высочайших указов, но встретил со стороны Беттихера и Верди возражение, что отрицательный вотум министров вызовет неудовольствие императора. Мои коллеги обнаружили sacrificium intellectus перед монархом, мои заместитель и помощник поступили бесчестно со мной. Напрасно я убеждал их в том, что ответственные министры, которые, усматривая, что их суверен вступил на путь, опасный для государства, не говорят этого прямо, а изменяют конституцию, превращая императора в своего советника, что такие министры совершают государственную измену. Против этих соображений господин фон Беттихер, при одобрении военного министра, выдвигал все одну и ту же фразу, что мы должны сделать что-нибудь для удовлетворения императора. Так как прочие мои коллеги воздерживались от участия в дискуссии между мной и Беттихером, то я должен был отказаться от надежды добиться единодушного вотума против опасных для государства планов императора. Я расчитывал, что совет министров

будет действовать так же, как и в былое время, когда дед императора вступил на опасный путь под влиянием дамских, массонских и прочих происков. В таких случаях министры умели действовать единодушно, забывая о своих разногласиях; старый правитель сдавался, когда видел, что нет голосов за него. Припоминаю только одно исключение. По принятии французским Национальным Собранием Франкфуртского мирного договора 18 мая 1871 года, мы могли отозвать из Франции все наше войско, за исключением частей, необходимых для оккупации некоторых ее департаментов. Министры были согласны немедленно распустить все отряды, которые не должны были нести военной службы, и подготовить вступление расположенных в Берлине полков в ближайшее время, во всяком случае не позже мая. Но тут мы встретили упорное противодействие со стороны его величества. Как я узнал, императрица Августа хотела присутствовать при вступлении войск, но не прежде чем закончит курс лечения в Бадене. Император хотел исполнить желание своей супруги и, кроме того, видеть возвращение полков в полном боевом составе. Напрасно мы указывали ему на совещаниях, которые тянулись целые дни и происходили в то время в нижнем этаже дворца, на все возрастающие расходы, на состояние людей, так давно оторванных от семьи и дела, на крайнюю необходимость вернуть сельскому хозяйству рабочую силу. Император, который не мог раскрыть перед советом министров истинных причин своей настойчивости, был подавлен нашими аргументами и тем не менее упорно настаивал на том, чтобы вступление войска было отложено до середины июня, и чтобы войска сохранили свой боевой состав. Во время совещания слышно было, как кто-то грузно шагал взад и вперед этажом выше, и как звенели и качались люстры. Когда закончилось

последнее из этих безрезультатных совещаний, ко мне подошел Лауэр, лейб-медик императора, и предупредил, что опасаются самых тяжелых последствий для здоровья его величества, может быть, даже удара, если домашний мир не будет восстановлен. После этого сообщения совет министров уступил: вступление армии состоялось лишь 16 июня, в присутствии ее величества.

В данном случае, когда совет министров отказывал мне в своей поддержке, я хотел подействовать на императора, прибегнув к другим факторам. Мне казалось, что такую помощь могли бы оказать Государственный Совет и совет народного хозяйства, которым я мог раз'яснить влияние императорских указов на предстоящие выборы, и наконец иностранные правительства, которые могли ожидать от одностороннего разрешения императором рабочего вопроса таких же последствий, какие грозили нам. Предложение, сделанное мною в том же заседании 26-го, созвать Государственный Совет и международную конференцию было принято. Таким образом заявлениям безответственных и невежественных дилетантов противопоставлялось мнение сведущих людей.

Редактирование соответственных указов я принял на себя. Названная камарилья держалась мнения, что манифест в духе императора оказал бы на выборы в рейхстаг благоприятное влияние. Я был убежден в противном, но не предвидел, что результат выборов 20-го февраля в такой степени подтвердит мою правоту. Основываясь на своем опыте, я предвидел результат туманных и широковещательных мероприятий, особенно приняв во внимание события прошлогодней стачки; я был убежден, что лживые и полные искажения избирательные речи не раскроют действительных намерений правительства, а выдвинут на передний план волнующую народ критику существующего порядка.

Декларация, возвещающая перед выборами какие-нибудь коренные изменения, может подействовать благоприятно на их исход, когда они обусловлены несомненными фактами, не поддающимися искажению, например: вражеским нападением или покушениям вроде акта Нобиллинга. Прямой, непосредственной критики декларации я не боялся, лишь бы она исходила из деловых соображений, но боялся, чтобы враждебная установленному порядку агитация не использовала ее для своих целей. Поэтому, хотя меня и беспокоило, конечно, какое действие окажут угодные императору указы, но большее значение придавал я тому, чтобы повлиять на самого императора. 40 лет политической деятельности и в Пруссии, и на обще-имперской службе убедили меня в том, что задача моя оберегать императора от таких воздействий на него и таких шагов, которые могли бы вызвать упадок королевской власти и поколебать прочность империи, окрепшей с 1862 года благодаря моим стараниям, а не от мимолетных результатов избирательной борьбы.

За 40 лет перед моими глазами прошло не мало парламентов, и я считал их менее вредными для развития государства, чем монархические заблуждения, которым не было места с 1858 года, когда принц-регент заложил основы новой эры. И тогда регент, честно понимая свой долг—оказывать благодеяния подданным,—предполагал, что они были лишены их вследствие излишнего усердия одних и несправедливого властолюбия других. В то время также пристала к наследнику престола кучка корыстолюбивых, честолюбивых карьеристов, в лице партии Бетмана-Гольвега, не успевших ничего во времена Мантейфеля, и старалась использовать в своих интересах разлад между благородными стремлениями наследника и слабым знанием практической жизни, восстанавливая его против прави-

тельства брата и выдавая свою оппозицию за борьбу во имя человеческих прав.

Чтобы успокоить до некоторой степени нетерпение императора, я составил два указа — на имя имперского канцлера и министра торговли — в духе его требований и в свойственном ему высоком стиле. Докладывая эти указы, я заявил, что они составлены по долгу повиновения его велениям, но, что я настоятельно прошу от немедленного опубликования их отказаться, подождать того момента, когда их можно будет внести в рейхстаг, в ясной и точной редакции, в виде соответственных законопроектов, и во всяком случае, не затрагивать публично рабочего вопроса, пока не закончатся выборы. Неопределенный и слишком общий характер высочайших обещаний возбудит ожидания, удовлетворение которых лежит за пределами возможного, неисполнение же увеличит запутанность положения. Если бы император через несколько месяцев или недель сознал вред и опасность, которых я боялся, у меня осталась бы возможность напомнить ему, что я самым решительным образом возражал против его мероприятий и составил указ только по долгу послушного чиновника, находящегося еще на службе. Я закончил свой доклад просьбой—разрешить только что прочитанные бумаги бросить в тут же горевший камин. Император ответил: „Нет, нет, дайте сюда“...— и поспешно подписал оба указа. 4-го февраля они появились не контрассигнованными в „Reichs und Staats-Anzeiger“ (Правительственный Указатель) и гласили:

Имперскому Канцлеру.

„Я решил принять участие в деле улучшения положения немецких рабочих в пределах, которые налагает необходимость сохранить германскую промышленность способной к конкуренции на миро-

вом рынке, и, таким образом, обеспечить существование рабочих. Упадок родных промыслов, вследствие сокращения их сбыта за-границу, оставил бы без хлеба не только предпринимателей, но и рабочих. Трудности улучшения положения нашего рабочего могут быть, если не разрешены, то смягчены только посредством международного соглашения всех стран, заинтересованных в господстве на мировом рынке. В убеждении, что и другие правительства одушевлены желанием общими силами проверить справедливость стремлений, для обсуждения которых рабочие этих стран уже организуют международные совещания, я повелел своим представителям официально запросить в первую очередь Францию, Англию, Бельгию и Швейцарию, склонны ли их правительства вступить в переговоры с нами в целях международного выяснения возможности пойти навстречу тем потребностям и желаниям рабочих, которые выявлялись в беспорядках последних лет, и лишь только последует с их стороны принципиальное согласие на мое предложение, я уполномочу Вас пригласить кабинеты всех правительств, выражающих такое же сочувствие рабочим, на конференцию, для обсуждения указанных вопросов.

Вильгельм R".

Министру общественных работ, торговли и промышленности.

„Вступая в управление страной, я об'явил о своем решении и впредь заботиться о развитии нашего законодательства в направлении, коему следовал в Бозе почивший дед мой, на благо экономически более слабой части населения в духе христианской морали. Как ни важны и ценны мероприятия, установленные до сей поры законодательством и правительством для улучшения положения рабочего

сословия, они все же не осуществляют во всей полноте поставленной мною задачи. На ряду с дальнейшим развитием законодательства о страховании рабочих, надлежит пересмотреть ныне действующее Положение о промышленности в части, касающейся условий труда, дабы удовлетворить справедливые жалобы и желания. При пересмотре Положения надлежит исходить из того, что одной из задач государственной власти является урегулирование рабочего времени, продолжительности и условий труда, в интересах охраны здоровья и нравственности рабочих, их хозяйственных нужд и прав на равенство перед законом. В целях обеспечения мира между работодателями и рабочими— надлежит установить законы, которые определили бы формы участия облеченных доверием рабочих представителей в разрешении общих вопросов труда и для защиты их интересов перед работодателями и органами моего правительства. Этим установлением рабочим дается право свободно и мирно заявлять о своих нуждах и приносить свои жалобы, а государственным учреждениям предоставляется возможность быть постоянно в курсе их положения и находиться в общении с ними. Государственные горные промыслы должны по заботливости к рабочему стать образцовыми предприятиями, а между моим горным ведомством и частной горной промышленностью будет установлена органическая связь подчинением последней надзору фабричной инспекции, как это было до 1865 года.

Для разработки этих вопросов повелеваю я собраться Государственному Совету под моим председательством и привлечь к его работам сведущих лиц, коих я призову. Личное избрание их я оставляю за собою. Среди трудностей, противостоящих моим намерениям урегулировать условия труда, наибольшее значение имеют те, которые вытекают из необходимости щадить родную промышленность

для борьбы с иностранным соперничеством. Поэтому, я предписал имперскому канцлеру предложить правительствам тех государств, промышленность коих совместно с нашей владеет мировым рынком, созвать конференцию для установления общих, международных предприятий, регулирующих деятельность рабочих. Имперский канцлер препроводит Вам копию моего к нему указа.

Вильгельм R".

Не имея возможности вырвать с корнем личную инициативу высокой особы, я был доволен тем, что добился, до известной степени, sub repticie, его согласия на созыв Государственного Совета и соседних правительств; но в расчете на эти факторы ошибся.

Полагая, что вопрос о хозяйственных интересах государства сыграет решающую роль в Государственном Совете и на международной конференции, я переоценивал независимость этих людей и твердость их убеждений. В Государственном Совете сервильный элемент был усилен назначением целого ряда неведомых личностей, частью из рабочего сословия, частью из среды берлинских промышленников. Они повторяли старые речи; не обошлось дело и без агитирующего священника. Все чиновники выжидательно молчали. Только Бааре, копевладелец Бохума, и Енке, доверенный Круппа из Эссена, осмелились подвергнуть осторожной критике намерения императора, но их запугали напоминанием о словах императора, частью действительно сказанных, частью выдуманных, и угрозами по адресу предпринимателей, и со страха, что император еще более разгневается и это вызовет новые угрозы против имущих и работодателей, они замолчали. Робость представителей умеренности наряду с уверенностью привычных народных ораторов, которых пригласил император, показали,

что от совещания Государственного Совета нельзя ожидать честного воздействия на императора.

Император повелел, чтобы заседания происходили в служебных покоях Беттихера, которому было поручено также приглашение представителей рабочего сословия. В качестве вице-президента Государственного Совета, я, по собственному желанию, присутствовал на первом четырех-часовом заседании Совета, не принимая участия в дискуссиях. Когда император приступил к голосованию вопросов, которые, повидимому, формулировал Беттихер, я понял, что из 40 или 50 лиц со мною будут голосовать только Бааре и Енке. Так как, будучи министром, я не мог встать в открытую оппозицию императору, то я воздержался от голосования, об'яснив, что находящиеся на посту министры не вправе голосовать в Государственном Совете, предрешая таким образом свое голосование в совете министров. Император повелел занести мое заявление в протокол.

От посещения последующих заседаний я воздержался, поняв из разговора с императором, что этим я исполняю его тайное желание.

Открывшаяся 15 марта международная конференция, упоминанием о которой я несколько забегаю вперед, точно также не оправдала моих ожиданий. Я предложил созыв этой конференции, предполагая, что его величество в такой степени утвердился в мысли о полезности, справедливости и популярности своих начинаний, внушенных ему четырьмя интеллектуальными зачинщиками, что было бы бесполезно добиваться его согласия на приглашение других специалистов. Мне казалось, что этого можно было бы достигнуть на заседании блестящей, им же созванной, конференции и на публичных дебатах в Государственном Совете.

Я рассчитывал при этом на честную оценку немецких предложений, по крайней мере со стороны

англичан и французов, но я неправильно расценил при этом преобладающие свойства наших конкурентов. Я предполагал с их стороны больше честности и больше гуманности; я допускал, что они либо отвергнут утопическую часть предложений императора, как люди практики, или потребуют подобных же учреждений в других странах: этим достигалось бы равномерное в заинтересованных государствах улучшение положения рабочих и равномерное увеличение издержек производства. Первая альтернатива казалась мне более вероятной, вследствие трудности осуществления второго предположения и невозможности контроля над его проведением в жизнь. Но я не рассчитал, что наши представители смогут всецело подпасть под влияние фраз Жюль Симона, и не найдут аргументов в пользу своего императора. Им оставалось сознание, что наши соседи поощряют, холят и оберегают наши иллюзии, когда они толкают наше законодательство к нанесению ущерба немецкой промышленности и рабочим. Они действовали по тому же принципу, что и все враждебные государственному порядку элементы, с которыми я целые десятилетия вел борьбу: в их задачи не входило удерживать императорское правительство от причинения своей родине вреда и убытков.

VII.

КОЛЕБАНИЯ.

Какие колебания происходили в настроении и намерениях императора в последние недели перед моей отставкой, я могу судить лишь с некоторой вероятностью по его поведению и по сведениям, дошедшим до меня позднее. Только о психологических процессах, происходивших во мне самом, могу я дать ретроспективный отчет на основании личных заметок, сделанных день за днем. Конечно, и император, и я подвергались попеременным влияниям, но представить эти процессы, протекавшие рядом, синоптически—невозможно. В моем возрасте не приходится уже цепляться за свой пост; меня удерживал на нем только долг. Проявления большого доверия императора к Беттихеру, Верди, моим сотрудникам, и к Берлепшу ставили передо мной вопрос, не следует ли совсем удалиться от дел или отказаться от некоторых должностей, и как осуществить это, не повредив государственным интересам. В свои бессонные ночи я без всякой горечи обсуждал, не следует ли уклониться от предстоящей мне опасности, и в праве ли я ее избегать. Я постоянно приходил к заключению, что поступил бы против велений совести, если-бы отказался от борьбы, которую предвидел. Я счи-

тал психологически понятными желание и право императора не делить со мной славы грядущих лет, говорю это без всякой обиды. Освободиться от всякой ответственности, при моем отношении к императору и его делам, было очень заманчиво; но чувство чести подсказывало мне, что такая мысль есть робость перед борьбой и трудами на службе отечеству, есть малодушное отступление. Я опасался тогда, что предстоящий нам кризис наступит скорее. Я не предвидел, что наступление его будет отсрочено отказом правительства от закона против социалистов и уступками врагам государства всех категорий. Я думал и продолжаю думать, что чем позже наступит кризис, тем опаснее он будет. Я считал императора более боевой натурой, чем он был или стал под чужими влияниями, и полагал своим долгом оставаться рядом с ним, чтобы умерять его пыл или в случае надобности вступить за него в борьбу.

Когда в первой половине февраля усилилось мое впечатление, что император, веря в возможность примирительной политики, желает разрешать социальные вопросы без меня и в духе большей уступчивости, чем было предложено мной, я решил внести ясность в этот вопрос. На докладе 8-го февраля я сказал: „Опасаюсь, что я стою на дороге его величества". Император молчал и, следовательно, подтвердил. Тогда я стал à l'amiable развивать свой план: сперва я откажусь от своих прусских должностей, сохранив только предназначенную мне моими противниками еще 10 лет тому назад „стариковскую часть" иностранного ведомства, и таким образом использую еще в интересах императора и государства приобретенный мною в Германии и за границей капитал опытности и доверия. Его величество сочувственно кивал головой и под конец с живостью спросил: „А военные кредиты вы проведете еще в рейхстаге?". Я ответил,

хотя и не знал испрашиваемой суммы, что буду охотно содействовать их проведению. Вопрос о социалистах был для меня важнее, чем военный, так как мы были достаточно сильны вплоть до артиллерии и офицеров. Верди был назначен без моего ведома: между нами в 1870 году была размолвка, и я относился к нему, как к muchard'у императора в совете министров. Его назначение было уже шахматным ходом императора против меня, и я не считал своей обязанностью бороться в первую очередь за широкие планы, которые nomine короля или Верди провозглашались „не терпящими отлагательства". Испрашиваемые 117 миллионов вызывали прежде всего на бой министра финансов, затем союзные правительства и наконец рейхстаг. Для меня, ведущего арриергардный бой, вопрос о социалистах был важнее, чем проект внесенный Верди, и даже по существу это было так.

Я предложил, чтобы не откладывать в долгий ящик, об'явить о моей отставке от прусской службы, если его величеству угодно, в день выборов (20-го февраля) для того, чтобы она не была истолкована, как последствие их, но и не до выборов, чтобы она не повлияла на них; тем более, что и без того результатам избирательной кампании могли повредить высочайшие указы. Следуя своей программе, я советовал ему назначить моим преемником по прусской службе во всяком случае генерала. Я опасался, что, ввиду возможной в будущем борьбы с социалистическим движением и повторных роспусков парламента, придется считаться с тем, что либеральные министры будут тогда очень неохотно отстаивать взгляды императора, как некогда Бодельшвинг и другие, но последние имели по крайней мере мужество поставить короля в такое положение, что после 1848 года реакция стала невозможной. Наиболее важные ве-

домства в таких случаях, сказал я его величеству,— ведомства полиции, войны и юстиции. Полиция в руках министра внутренних дел Геррфурта, либерального бюрократа. Военное министерство, на котором, в сущности были основаны в 1848 году сопротивление и окончательная победа короля, точно так же в руках либерала; политические идеи господина фон-Верди вряд ли разделило бы большинство его предшественников. От министра юстиции зависит поведение прокуратуры; господин Шеллинг превосходный юрист и консервативно настроен, но уже стар и не годен для самоотверженной борьбы; Беттихер тоже не герой и слишком податлив по натуре. Только военный глава может в нужную минуту возместить слабость гражданской части. В качестве подходящего генерала я указал на Каприви, который был, правда, чужд политике, но за то был надежным солдатом королю; от политики он мог бы в мирное время, как министр-президент без портфеля, в значительной степени воздерживаться. О том, чтобы Каприви стал моим преемником в иностранном ведомстве, в то время не было речи. Император выразил согласие, чтобы я покинул прусскую службу, а когда я назвал Каприви, то заметил на его лице выражение радостного удивления. Очевидно, он был уже кандидатом, намеченным его величеством. Из этого я мог предположить, что вызов генерала из Ганновера в Берлин имел другие цели, чем переговоры о военных делах. Удивляло меня, что Каприви был в то же время кандидатом Виндгорста. Между Каприви и центром рейхстага существовала связь со времен культуркампфа.

В заседании министров 9-го февраля я дал понять, что ухожу с прусской службы. Мои коллеги молчали с различным выражением на лице, только Беттихер сказал несколько незначительных слов; после заседания он спросил меня, бу-

дет ли он при дворе в звании министра-президента выше рангом старого генерал-полковника фон-Папе. Я сказал сыну: „Они облегченно вздыхают и радуются при мысли о моем уходе“.

Желание императора, чтобы я провел в рейхстаге крупные военные кредиты, заставило меня еще раз обсудить вопрос относительно последствий, какие вызовет моя отставка, если я покину прусскую службу уже 20 февраля. Мне пришлось принять во внимание, что, если бы я выступил в рейхстаге не в качестве лица, облеченного доверием императора, не в качестве руководителя прусской политики в Союзном Совете, а только в роли исполнителя предписаний моих прусских коллег и преемников, то защита проектов Верди, и даже не столь широких, имела бы меньший авторитет и меньше шансов на успех. Под влиянием этих соображений я предложил при личном докладе императору 12-го февраля не об‘являть о моей отставке 20-го февраля, а выжидать результатов голосования по вопросу о военных кредитах и о возобновлении закона против социалистов; затем, независимо от этих результатов, принять мою отставку в мае или июне месяце. Его величество, несколько огорченный, как мне казалось, моим докладом, сказал: „Значит, пока все остается по прежнему?“. Я ответил: „Как будет угодно вашему величеству. Я опасаюсь плохих выборов; понадобится вся авторитетность власти, чтобы воздействовать на рейхстаг; мое прежнее значение в рейхстаге уже поколеблено умалением высочайшего доверия ко мне“.

Хотя я был вполне убежден, что император хотел отделаться от меня, но я был привязан к трону и опасался за его будущее. Поэтому мне казалось трусостью уйти со своего поста, не исчерпав всех средств для предотвращения угрожавшей монархии опасности и не вступив с нею в бой. Когда

стали выясняться результаты выборов, я в докладе от 25-го февраля изложил свою программу, в уверенности, что его величеству будет угодно и при новом составе рейхстага продолжать мою, испытанную годами, политику. В виду открытия рейхстага в новом составе я еще в большей степени считал необходимым остаться на своем посту в интересах проведения прежней социальной политики и защиты военных кредитов, чтобы охранить наше будущее от социалистической опасности. Вследствие позиции, занятой его величеством в отношении стачки, и высочайших указов от 4-го февраля, борьба с социал-демократией разгорится раньше, чем можно ожидать. Если он хочет борьбы, то я с готовностью поведу ее, если же пароль — уступчивость, то я предвижу большие опасности; отсрочка кризиса только увеличит их. Император согласился с моими указаниями, проявил на этот раз податливость и принял, как мне казалось, мой пароль: No surrender (не сдаваться)! Когда я откланялся, он протянул мне руку.

На следующий день он с удовлетворением отзывался в своем кругу о моем докладе; ему хотелось бы только, чтобы я еще в большей степени признавал, что правит он один, что правительственная политика исходит от него, и так далее.

В уверенности, что я имею согласие императора на свою программу и что остаюсь на своих постах до июня, я заявил на заседании министров от 2-го марта, что его величество понимает создавшееся положение и будет бороться. Возможно, что с этой целью министерство будет реконструировано, я сдам, когда понадобится, свой портфель, и, в согласии с последними заявлениями его величества, составлю однородное министерство, готовое бороться против социальной революции. Мое заявление оказалось по душе далеко не всем коллегам; выражение „однородное мини-

стерство“ было истолковано в том смысле, что потребуются особые агрессивные качества для борьбы против социализма, которыми обладают не все. 8 марта мне пришлось уже раздумывать, не об'ясняется ли поведение императора после моего доклада 25 февраля минутным увлечением, которое уже прошло, или недостаточно серьезным отношением к делу. Во время одного из докладов по другим вопросам его величество предложил мне быть любезнее с Беттихером; в ответ на это я осветил императору его неповиновение мне и его фальшивое поведение. Я упомянул, что, будучи моим подчиненным по имперской службе и только заместителем (adlatus) в совете министров, Беттихер действует в рейхстаге, в области социального законодательства, в вопросе о воскресном отдыхе, против меня, что он самостоятельно созвал 20-го января днем Союзный Совет, склонил его к принятию внесенного по инициативе рейхстага проекта об увеличении вознаграждения чиновников и затем в рейхстаге сделал от имени союзных правительств соответственное заявление, вопреки моим письменным распоряжениям, данным ему в тот же день утром. Не успел я покинуть дворец, как император послал господину фон-Беттихеру орден Черного Орла с милостивым письмом. Несмотря на то, что я был начальником удостоившегося награды, меня об этом не уведомили ни перед этим, ни позже.

Независимо от этой демонстрации, направленной против меня, я вынес при докладе своем 10-го числа впечатление, что император намерен вообще отказаться от моей программы. Его величество выразил намерение настаивать на военных кредитах, которые военный министр об'явил накануне в заседании министров „неподлежащими отклонению“. В заседании министров 12-го марта выяснилось, что для осуществления планов Верди

потребуется свыше ста миллионов марок в год. На вопрос, нельзя ли, в виду исключительного состава рейхстага, удовлетвориться испрошением лишь самых необходимых кредитов и, таким образом, не рискуя провалом всего законопроекта, отстаивать лишь ассигнование на артиллерию, которое будет, несомненно, рейхстагом принято, со стороны Верди последовал ответ, что законопроект подлежит немедленному принятию в целом. Я потребовал заключение министра финансов; Шольц и Мальцан приняли на себя финансовую разработку вопроса; было решено увеличение мирного состава армии свыше, чем на 100 миллионов человек, и увеличение это постановлено осуществить на протяжении 10 лет.

В то время, как я таким образом работал над осуществлением программы императора, последний, как я убедился, уже отказался от этой программы, не уведомив меня. Я не могу решить, насколько серьезно он, вообще, относился к ней. Впоследствии мне передавали, что великий герцог Баденский, по совету господина фон Маршалла, предостерегал в те дни императора от политики, которая сможет привести к кровопролитию. Если бы дело дошло до конфликта, „то старый канцлер снова выдвинулся бы вперед“.

Для меня вопрос об армии не являлся достаточным основанием для разрыва с рейхстагом; я защищал военные кредиты отчасти по убеждению (артиллерия, офицеры и унтер-офицеры), отчасти потому, что не мне было (министерство финансов, рейхстаг) противодействовать в этом вопросе императору.

Я не знаю, нужно ли было в данном случае какое-либо вмешательство со стороны. Во всяком случае великий герцог прибыл в Берлин за несколько дней до 9-го марта, дня смерти императора Вильгельма, а, по моим сведениям, к дате

между 8 и 14 марта относится решение императора отказаться от боевой программы. Я подозреваю, что ему было трудно заявить мне прямо о своем отказе, и вследствие этого, я, к моему сожалению, вынужден был оставаться на своем тяжелом посту до июня месяца. Обычные до тех пор формы делового общения с императором потерпели теперь резкие изменения; эта перемена убедила меня в том, что император признает мою службу не только не нужной, но и нежелательной. Вместо того, чтобы сказать мне это мирно, с обычной простотой, он немилостивым отношением принуждал меня к отставке. С личными обидами я до сих пор не считался. Я честно хотел помочь императору в устройстве его дел по его желанию. Но мое решение было поколеблено мероприятиями 15, 16 и 17 марта, которые снимали с меня всякую личную ответственность за уход со службы, и внезапным выселением, которое принудило меня бросить домашний очаг, созданный трудами целой человеческой жизни, причем я так и не узнал с бесспорной достоверностью причин разрыва.

VIII.

МОЯ ОТСТАВКА.

14-го марта, утром, я запросил, могу ли прибыть на следующий день для личного доклада, но не получил ответа. Я хотел доложить императору о беседе, которую 12-го марта имел с Виндгорстом, а также некоторые донесения, поступившие из России. 15-го марта, в 9 часов, меня разбудили сообщением, что его величество повелел мне сделать в 9½ часов доклад в „иностранном ведомстве"; так, по установившейся привычке, именовалась служебная квартира моего сына. Мы приняли там императора. На мое замечание, что я чуть было не опоздал, так как всего 25 минут тому назад был разбужен приказом его величества, император сказал: „Так... А я отдал распоряжение еще вчера после обеда". Впоследствии выяснилось, что он распорядился о докладе только после 10 часов вечера, когда из дворца, по общему правилу, разноски почты не бывает. Я приступил к докладу: „Могу сообщить вашему величеству, что Виндгорст снялся с места и посетил меня". Император крикнул: „Вы, конечно, выставили его за дверь?" Мой сын тотчас же оставил комнату, а я ответил, что Виндгорста я принял, как принял бы всякого другого депутата, с поведением

которого я мог бы примириться и что, по долгу министра, я обязан так поступать по отношению к каждому депутату, обратившемуся ко мне. Император заявил, что я должен был предварительно испросить его разрешения. Я возразил, настаивая на своем праве принимать посетителей у себя на дому по собственному усмотрению, тем более, когда у меня имеются для этого свои основания, или когда прием их составляет мою служебную обязанность. Император продолжал отстаивать свою претензию, добавив, что ему известно, что визит Виндгорста состоялся при содействии банкира Блейхредера: „Евреи и иезуиты всегда друг за друга". Я ответил, что я польщен такой точной осведомленностью императора о моих домашних делах; верно, что Виндгорст искал содействия Блейхредера, но по всей вероятности для каких-нибудь других целей, так как он знал, что каждый депутат имеет во всякое время доступ ко мне. Избрание посредника исходило от Виндгорста, а не от меня, а потому меня нисколько не касается. При новом соотношении сил в рейхстаге мне было важно знать боевой план вожака сильнейшей фракции, и я обрадовался его неожиданному посещению. В беседе с Виндгорстом я установил, что он намерен выставить невозможные требования (status quo ante 1870). Узнать его намерения составляло мой служебный долг. Если его величество предполагает поставить мне это в вину, то его величеству пришлось бы запретить начальнику генерального штаба производить во время войны рекогносцировку врага. Я лично не могу подчиниться такому мелочному надзору в своем домашнем поведении. Император ответил не допускающим возражения вопросом: „Даже если так угодно вашему монарху?" Я настаивал на своем.

О планах Виндгорста император не спрашивал меня, а начал со следующего: „Мои министры пе-

рестали являться ко мне с докладами; мне передали, что вы запретили им делать доклады без вашего разрешения или не в вашем присутствии; вы ссылаетесь при этом на какой-то старый, пожелтевший приказ, который уже давно всеми забыт".

Я об'яснил, что это не так. Приказ от 8-го сентября 1852 года действует со дня нашей конституционной жизни и обязателен для каждого министра-президента; он требует, что бы обо всех важных, принципиально новых законодательных предположениях до испрошения высочайшего решения ставился в известность министр-президент, иначе он не может нести на себе общей ответственности; где есть министр-президент, там имеют силу и постановления этого приказа. Император утверждал, что такой приказ ограничивает его прерогативы и что он требует его отмены. Я напомнил его величеству, что три его предшественника правили, соблюдая этот приказ. С 1862 года ни разу не встретилось необходимости апеллировать к приказу, так как он беспрекословно соблюдался всеми. Мне пришлось напомнить о приказе для того, чтобы поддержать свой авторитет пред министрами. Право министров делать доклад его величеству этим приказом не ограничивается, он обязывает их только уведомлять премьер-министра, когда на благоусмотрение его величества вносятся новые предположения общего значения; благодаря этому, он получает возможность в важных, по его мнению, случаях, излагать свои взгляды, если они не совпадают с предположениями министров. Государь может всегда решать по своему усмотрению. При Фридрихе-Вильгельме IV не раз случалось, что король принимал решение, противоречившее мнению его премьер-министра.

Затем, представляя полученные из России депеши, я затронул вопрос о визите в Россию, ко-

торый его величество назначил на лето. Я вновь изложил свои возражения и подкрепил их ссылкой на секретные донесения из Петербурга, присланные графом Гатцфельд из Лондона; они заключали в себе неблагоприятный отзыв, данный будто бы царем о его величестве и о посещении его величеством царя. Император потребовал, чтобы я прочел ему это донесение, оно было у меня в руках. Я об'яснил, что не могу на это решиться, так как буквальное содержание донесения оскорбительно для его величества. Император взял рукопись из моих рук, прочел ее, и действительно почувствовал себя оскорбленным выражениями, приписанными царю.

Отзыв, приписанный императору Александру III мнимыми очевидцами относительно впечатления, которое произвел на него его кузен в Петергофе, был, действительно, до того безотраден, что я колебался, докладывать ли мне его величеству обо всей этой переписке. Кроме того, я не был убежден, что источники и донесения графа Гатцфельда заслуживают доверия.

Подложные донесения из Парижа, подсунутые в 87 году Александру III и затем успешно мною опровергнутые, давали мне повод подозревать, что и в данном случае мы имеем дело с подобной же попыткой воздействовать на нашего монарха посредством ложных сообщений, восстановить его против русского императора, в спорных английских вопросах сделать врагом России, и таким образом прямо или косвенно союзником Англии. Правда, мы не живем уже в те времена, когда едкое остроумие Фридриха Великого превращало императрицу Елизавету или мадам де Помпадур, то-есть тогдашнюю Францию, в врагов Пруссии. Тем не менее я не мог заставить себя прочитать или сообщить своему монарху выражения русского царя. С другой стороны, я должен был при-

нять во внимание, что император был охвачен уже недоверием, не скрываю ли я важных депеш от него, и он мог справиться об этом, не ограничившись непосредственным обращением ко мне. Император не всегда относится к своим министрам с таким доверием, как к их подчиненным. Граф Гатцфельд, как полезный и послушный дипломат, пользовался в некоторых случаях большим доверием, чем его начальник. Легко могло случиться, что при встрече в Берлине или Лондоне с его величеством он спросил бы, были ли доложены императору эти сенсационные и важные сообщения и какое впечатление они на него произвели; и если бы потом обнаружилось, что я просто приложил их к делу (мне это было бы приятнее всего), то император мысленно или на словах упрекнул бы меня в том, что я в интересах России утаиваю от него дипломатическую переписку, как сделал он днем позже по поводу военных отчетов одного консула. Кроме того, мое намерение отговорить императора от вторичной поездки в Россию недопускало полного умолчания о донесениях Гатцфельда. Я надеялся, что император примирится с моим решительным отказом сообщить ему содержание этого донесения, как, несомненно, поступил бы его отец и дед; я ограничился поэтому составлением копии этих донесений и указанием, что, судя по ним, визит императора царю нежелателен, и что отказом от визита он будет только доволен. Содержание самих донесений, которые император прочитал по своему собственному желанию, несомненно, сильно огорчило его и, конечно, могло огорчить.

Он поднялся и холодно протянул мне руку, в которой держал шлем. Я проводил его до под'езда. Готовясь сесть в экипаж, он снова взбежал по лестнице и горячо потряс мою руку.

Все поведение императора по отношению ко мне могло до сих пор производить впечатление,

что он сознательно делает мою службу все более тягостной и наносит мне все больше обид, чтобы вынудить меня уйти; но мне кажется, что оскорбление, которое совершенно справедливо почувствовал император в донесениях Гятцфельда, воодушевило его к еще более враждебной тактике против меня. Я готов допустить, что перемена в обращении и в отношениях императора ко мне не имела той цели, которую подсказывали мне, а именно—установить, как долго выдержат мои нервы, но по монархическим традициям издавна установлено возмещать за огорчение, причиненное государю какой-нибудь вестью, прежде всего ее посланцам и передатчикам. История древнего и нового времени дает достаточно примеров, когда вестники становились жертвами королевского гнева за содержание послания, которого они не составляли.

Во время доклада император заявил прямо, что хочет во всяком случае избежать роспуска рейхстага, и потому уменьшит военные кредиты на столько, чтобы они собрали верное большинство. От своей аудиенции и своего доклада у императора я вынес впечатление, что его величество хочет отделаться от меня, что он переменил свое намерении провести вместе со мною первые заседания рейхстага и об'явить о моей отставке не раньше лета, когда выяснится, надо ли распускать рейхстаг или нет. Я думаю, что император не хотел нарушать состоявшегося между нами 25-го февраля quasi - соглашения, но пытался немилостивым обращением со мной добиться от меня прошения об отставке. Однако, я не позволял себе отступить от принятого решения, и личное самолюбие подчинял служебным интересам.

По окончании доклада я спросил его величество, настаивает ли он на отмене приказа 1852 года, на который опирается авторитет министра-прези-

дента. Ответом было краткое „Да". Я тем не менее не подал немедленно в отставку, но решил это повеление отложить, как говорится, в долгий ящик и ждать, последует ли напоминание, а затем потребовать письменного распоряжения и доложить его в государственном министерстве. Таким образом я еще и тогда держался убеждения, что инициативу своей отставки и ответственность за нее я не должен брать на себя.

На следующий день, когда у меня на обеде присутствовали английские делегаты конференции, ко мне явился начальник военного кабинета генерал Ганке для совместного обсуждения требования императора об отмене приказа 1852 года. Я заявил, что, по изложенннным уже мною причинам делового характера, это невозможно. Министр-президент не мог бы руководить общей политикой без предоставленных ему этим приказом прав; если его величество желает отменить этот приказ, он должен то же самое сделать с званием президента государственного министерства против чего я не возражаю. Генерал Ганке покинул меня, заявив, что вопрос, вероятно, уладится, и принял посредничество на себя (приказ остался не отмененнам и после моей отставки [1]).

---

[1]) В заседании прусского ландтага 28 апреля 1892 года граф Эйленбург определил положение министра-президента, как явствует из отчетов, следующими словами: «Мне думается, что не требуется доказательств, что задача министра-президента заключается не только в том, чтобы руководить заседаниями и считать голоса. Задача председателя прусского государственного министерства заботиться о том, чтобы ход государственных дел развивался равномерно и в одном определенном направлении, и быть представителем совета министров в целом, где это требуется. Я думаю поэтому, что выраженное с тех скамей мнение, что его роль очень незначительна, лишено оснований (рукоплескания)». Из этой речи можно заключить, что и в настоящее время не последовало отмены приказа 1852 года о правах министра-президента, который сыграл такую решающую

Утром 17-го марта Ганке пришел снова и с сожалением сообщил, что его величество настаивает на отмене приказа, и что после отчета, сделанного ему Ганке относительно наших вчерашних переговоров, он ожидает, что я немедленно подам в отставку и для этого должен явиться во дворец лично после обеда. Я ответил, что чувствую себя нездоровым и что напишу.

В то же утро принесли от его величества обратно целый ряд донесений, среди них несколько от одного консула из России: к нему была приложена и, следовательно, прочитана всеми подведомственными мне отделениями собственноручная записка императора, следующего содержания:

„Из донесения совершенно ясно следует, что русские выступили в полной боевой готовности в поход, чтобы начать военные действия,—и мне приходится пожалеть, что я так редко получал донесения: я уже давно обратил бы внимание на грозную опасность. Пора предупредить австрийцев и принять какие-нибудь меры. При таких обстоятельствах не может быть речи о моей поездке в Красное. Донесения превосходны.

В.“.

А в действительности дело обстояло так. Помянутый консул, который редко имел верную оказию для секретных сношений, вдруг прислал четырнадцать более или менее об'емистых донесений, в общем составивших свыше ста страниц, причем наиболее старый отчет имел несколько месяцев от роду, и, следовательно, содержание его, надо полагать, не было новостью для нашего генераль-

---

роль в вопросе о моей отставке, иначе министр-президент граф Эйленбург не мог бы осуществлять те задачи, которые он поставил себе в вышеозначенных словах, встретивших общее сочувствие палаты депутатов.

ного штаба. Для донесений военного характера существовала такая практика: не настолько важные и срочные донесения, чтобы требовалось немедленное представление их иностранным ведомством императору, направлялись в пакетах с двойным адресом: 1) военному министру, 2) начальнику генерального штаба, для ознакомления с просьбой возвратить. Уже дело генерального штаба было отделить новое от известного, важное от неважного и направить через военный кабинет для сведения его величества. В данном случае я представил непосредственно императору четыре донесения смешанного—военного и политического—содержания, шесть, касавшихся исключительно военных дел, отправил по двойному адресу, как указано выше, и четыре остальных передал соответственному советнику для доклада мне, чтобы выяснить, содержат ли они что-нибудь важное, требующее решения свыше. Император, игнорируя установленный и единственно правильный порядок делопроизводства, повидимому, решил, что донесения, посланные мною в генеральный штаб, я хотел от него скрыть. Но, если бы я хотел утаить что-нибудь от императора, я, пожалуй, не доверил бы бесчестную утайку документов генеральному штабу, не все руководители которого были моими друзьями, и, конечно, не военному министру Верди.

Итак, только из-за того, что какой-то консул доносил, по своим собственным наблюдениям, о военных событиях, имевших место 3 месяца тому назад, и между прочим об известном генеральному штабу перемещении сотни казаков к австрийской границе, надлежало встревожить Австрию, угрожать России, готовить войну и отказаться от визита, об'явленного императором по своей собственной инициативе; а из-за того, что донесение консула поступило с запозданием, мне бросали implicite обвинение в государственной измене, в

утайке актов для сокрытия грозящей извне опасности. В составленном мною немедленно же докладе я сообщил, что все донесения, которые не представлены иностранным ведомством непосредственно императору, были направлены без задержки военному министру и в генеральный штаб. После отправки доклада я созвал вечером заседание министров (мой доклад через несколько дней вернулся обратно в иностранное ведомство с той же припиской императора—значит, тяжелое обвинение не было взято обратно).

Я должен признать игрой случая, а история, может быть, назовет это роковым, что утром того же дня прибывший ночью из Петербурга посол граф Павел Шувалов посетил меня и сделал заявление, что он уполномочен вступить с Германией в некоторые договорные отношения. Эти переговоры рушились, как только я перестал быть имперским канцлером.

Для своего доклада на заседании министров я составил следующий проект:

„Сомневаюсь, чтобы я мог и впредь нести возложенную на меня ответственность за политику императора, ибо он не оказывает мне необходимого содействия. Меня повергло в изумление, что его величество принял окончательное решение относительно так называемого законодательства об охране труда, совместно с Беттихером, не спросив заключения ни у меня, ни у государственного министерства я выразил в то время опасение, что подобная политика вызовет во время выборов в рейхстаг волнение, возбудит несбыточные надежды и в случае неудовлетворения их повредит престижу короны. Я надеялся, что представления государственного министерства побудят его величество отказаться от своих намерений, но я не нашел поддержки у своих коллег; наоборот, мой ближайший заместитель, г-н фон Беттихер, выразил уже без

моего ведома свое согласие на законодательные предположения императора; мне пришлось убедиться, что многие из моих коллег считали такое решение желательным.

Уже эти обстоятельства заставляли меня усомниться, обладаю ли я еще, как президент государственного министерства, прочным авторитетом, необходимым для ответственного руководителя всей политикой. Ныне я узнаю, что император ведет переговоры не только с отдельными господами министрами, но и с отдельными подчиненными мне советниками и другими служащими: так, г. министр торговли, не испросив предварительно моего мнения, сделал его величеству чрезвычайно важный доклад. Я сообщил г-ну фон-Берлепшу неизвестный ему до тех пор приказ от 8-го сентября 1852 года, и когда я убедился, что этот приказ вообще известен не всем моим министрам, особенно моему заместителю господину фон-Беттихеру, то распорядился препроводить каждому копию с него. В препроводительном письме я особенно настаивал на том, что приказ относится только к тем личным докладам, которые касаются изменения законодательства и существующего государственного порядка. В таком толковании приказ содержит не больше, чем необходимо для деятельности всякого министра-президента. Его величество, кем-то осведомленный об этом факте, повелел, чтобы приказ этот был об'явлен потерявшим силу. Я вынужден был отказать в своем содействии.

Дальнейшие знаки недостаточного ко мне доверия его величество проявил, поставив мне на вид, что без его высочайшего соизволения я не должен был принимать депутата Виндгорста. Сегодня я убедился, что не могу вести и иностранной политики его величества. Несмотря на мое доверие к тройственному союзу, я никогда не упускал из виду возможности его распадения: в

Италии—монархия непрочна, согласию между Италией и Австрией грозит Irredenta, Австрию от переворота при жизни императора спасает лишь доверие к нему, и в позиции Венгрии никогда нельзя быть уверенным. Поэтому я всегда стремился не уничтожать окончательно моста между нами и Россией (следует сообщение о собственноручной надписи его величества на донесении консула, см. стр. 97). Я вообще не обязан представлять его величеству все донесения, но в данном случае я их представил, частью непосредственно, частью через генеральный штаб, и, при моей уверенности в миролюбивых намерениях русского императора, я не могу проводить мероприятий, предписанных его величеством.

Предложенная мною позиция в отношении рейхстага, в частности его роспуска, была высочайше одобрена, ныне же его величество держится мнения, что военный законопроект должен быть в такой мере изменен, чтобы можно было рассчитывать на принятие его настоящим рейхстагом. Военный министр еще недавно настаивал на внесении законопроекта без дробления на части, что, если видят опасность со стороны России, совершенно правильно.

Итак, я признаю, что между мною и моими коллегами нет больше полного единомыслия, и что я не владею в достаточной степени доверием его величества. Я радуюсь, что король Пруссии из'являет желание править самостоятельно; признаю вред моей отставки для государственных интересов и не стремлюсь, ибо я сейчас здоров, к праздной жизни. Но я чувствую, что стою императору на дороге. Я официально уведомлен кабинетом, что император хочет моей отставки. В виду этого я испросил ее по повелению его величества".

Когда я кончил свое об'яснение, составленное в духе приведенного выше наброска, вице-прези-

дент государственного министерства г-н фон-Беттихер стал, ссылаясь на мое прежнее решение, просить меня оставить за собою руководство иностранными делами. Министр финансов заявил, что приказ 8-го сентября 1852 г. отвечает определенной потребности, и присоединился к просьбе г-на фон-Беттихера изыскать средства для примирения. Если бы такие средства не нашлись, министрам надлежало бы решить вопрос, не должны ли они последовать за мной. Министры вероисповеданий и юстиции заявили, что произошло просто недоразумение, которое надо выяснить его величеству, а военный министр добавил, что он давно уже не слышал от его величества ни слова о каких-либо военных осложнениях с Россией. Министр общественных работ считал мою отставку угрозой для безопасности страны и для спокойствия Европы; если отставку не удастся предотвратить, то, по его мнению, министры должны сложить свои полномочия, по крайней мере он лично намерен так поступить. Министр земледелия сказал, что, если я убежден в высочайшем желании моей отставки, то возражать против такого решения нельзя; но в таком случае государственному министерству надлежит обсудить свои дальнейшие действия в случае моего ухода. После некоторых замечаний личного характера со стороны министра торговли и военного я закрыл заседание.

После заседания явился ко мне с визитом герцог Кобургский и, просидев около часу, ничего существенного не сказал.

Вскоре после обеда явился Луканус, начальник гражданского кабинета, и с некоторой робостью, выполняя поручение его величества, спросил, „почему не поступило прошение об отставке, затребованное еще утром“. Я ответил, что император может отпустить меня в любое время без прошения, а я, конечно, не имею намерения оставаться

против его воли на службе; прошение же свое об отставке я хочу так составить, чтобы можно было его впоследствии опубликовать. Только в виду этого я согласился вообще подать прошение.

Таким образом я не хотел принимать на себя ответственность за оставление службы, возлагая ее всецело на его величество; возможность публичного раз'яснения всей истории моей отставки, право на что оспаривал Луканус, я, конечно, нашел бы.

Под влиянием сообщения Лукануса мое спокойное состояние духа уступило место чувству обиды, но это чувство особенно обострилось, когда, еще до получения мною ответа на прошение об отставке, Каприви завладел частью моей служебной квартиры. Это было выселением без предоставления срока, которое я, по праву своего возраста и продолжительности службы, не могу назвать иначе, как грубостью. Еще и теперь я не могу отделаться от впечатления, которое произвела на меня эта чрезмерно поспешная эксмиссия. При Вильгельме I ничего подобного не могло бы случиться даже по отношению негодных чиновников.

18 марта днем я отправил свое прошение об отставке. Текст прошения гласил:

„Его величеству императору и королю. Во время моего почтительного доклада от 15-го числа сего месяца Ваше величество повелели мне представить проект указа об отмене высочайшего распоряжения от 8-го сентября 1852 г., которое до сих пор определяло взаимоотношения между министром-президентом и его коллегами. Позволяю себе всеподданнейше изложить в нижеследующем происхождение и значение означенного указа.

Во времена абсолютизма королевство не нуждалось в установлении должности „президента государственного министерства" только в 1847 году на заседании об'единенного ландтага было указано тогдашним либеральным депутатом (Мевиссен) на

необходимость предпослать конституционным установлениям учреждение должности премьер-министра, на коего возлагался бы надзор за проведением единообразной политики ответственных министров и ответственность за все действия кабинета. С 1848 г. вошли у нас в жизнь конституционные порядки, и с этого момента стали назначаться министры-президенты: граф Арнин, Кампгаузен, граф Бранденбург, барон фон Мантейфель, князь Гогенцоллерн: на них прежде всего лежала ответственность не за деятельность того или иного ведомства, а за общую политику кабинета, за общую политику всех министров. На большинство названных лиц не было возложено управление каким-либо отдельным ведомством, а президентство над всеми; так было с князем Гогенцоллерном, министром фон-Ауэрсвальдом, принцем Гогенлоэ. На них была возложена обязанность охранять единство и постоянство политики и в совете министров, и в его отношениях к монарху, без чего не осуществима министерская ответственность, составляющая существо конституционного строя. Взаимоотношения между этим новым установлением и государственным министерством, а также отдельными его членами, потребовали более точной, соответствующей принципам конституции регламентации. Последнее и было достигнуто изданием, по соглашению с государственным министерством, приказа 8 сентября 1852 г. С тех пор этот приказ имел решающее значение для правового положения министра-президента; только этот приказ присваивал министру-президенту авторитет, в силу которого он мог взять на себя ответственность за общую политику кабинета, какую за ним признавали и ландтаг, и общественное мнение. Если каждый отдельный министр станет исполнять высочайшие распоряжения, не советуясь предварительно с прочими коллегами, то невозможна в кабинете никакая единообразная политика, и никто

не может нести ответственность за нее. При таких условиях ни один министр, а тем более министр-президент, не сможет принять на себя законную ответственность за общую политику кабинета. В абсолютной монархии не было надобности в предписаниях, подобных приказу 1852 г.; не было бы в них надобности и теперь, если бы мы вернулись к абсолютизму, без министерской ответственности. Но при наличности конституционных учреждений руководство всей министерской коллегией на основе приказа 1852 г. неизбежно. Как показало состоявшееся вчера заседание государственного министерства, все мои коллеги единодушны в этом вопросе, а также в том, что всякий преемник мой на посту министра-президента не сможет принять на себя ответственность, если он будет лишен правомочий, предоставленных ему приказом 1852 г. Всякий преемник мой почувствует потребность в этом сильнее, чем я, так как он не будет пользоваться сразу авторитетом, которым наделили меня долголетняя деятельность в качестве президента и доверие двух в Бозе почивших монархов.

До сих пор мне никогда не приходилось напоминать своим коллегам о распоряжении 1852 года. Факта существования этого приказа и сознания, что я пользовался доверием благочестивых государей Вильгельма и Фридриха, было достаточно для прочности моего авторитета в коллегии. Но этого сознания недостаточно сейчас ни для меня, ни для моих коллег. Поэтому я вынужден был прибегнуть к приказу 1852 года, чтобы обеспечить необходимое единство в министерстве Вашего величества.

По вышеприведенным причинам я не могу исполнить повеление Вашего величества, согласно которому я должен отменить приказ 1852 г., недавно мною же восстановленный в памяти министров, контрассигновать соответственный указ и в то же

время оставаться президентом государственного министерства. По сообщениям, сделанным мне генерал-лейтенантом фон-Ганке и тайным советником фон-Луканусом, у меня нет сомнения, что Ваше величество знаете и верите, что для меня невозможно отменить приказ и вместе с тем остаться на посту президента. Тем не менее Ваше величество настаиваете на своем повелении от 15 числа сего месяца, и тем побуждаете меня испросить согласие Вашего величества на ставшую ныне неизбежной мою отставку.

При прежних переговорах, которые я вел с Вашим величеством по вопросу о желательности для Вашего величества моей дальнейшей службы, я в праве был полагать, что Вашему величеству угодно, чтобы я оставил свою деятельность в учреждениях Пруссии и сохранил свой пост на имперской службе. Позволив себе более пристально рассмотреть указанный вопрос, я почтительно обращаю внимание Вашего величества на некоторое неудобство такого разделения должностей, при предстоящих выступлениях в качестве имперского канцлера в рейхстаге, но воздерживаюсь от вторичного изложения последствий такого разобщения Пруссии от имперского канцлера. Ваше величество изволили на это указать, что временно „все остается по старому". Но по соображениям, кои я имел честь уже привести, для меня невозможно сохранить пост министра-президента, когда Ваше величество настаиваете на capitis deminutio последнего посредством отмены правообразующего приказа 1852 г. Ваше величество соизволили, кроме того, при почтительном докладе моем от 15 числа сего месяца, ограничить мои служебные правомочия; эти ограничения лишают меня той самостоятельности в делах государственных, того кругозора и той свободы, в моих министерских распоряжениях, в сношениях с рейхстагом и его членами, какие необходимы

мне для несения законом установленной ответственности за свою служебную деятельность.

Если бы даже можно было проводить нашу внешнюю политику независимо от внутренней и нашу имперскую политику независимо от прусской, что неизбежно, если имперский канцлер так же не причастен к прусской политике, как к баварской и саксонской, когда он не формирует прусского вотума в Союзном Совете и не имеет влияния на рейхстаг,—то и тогда я не мог бы принять на себя исполнения распоряжений Вашего величества относительно иностранной политики. Я имею в виду последнее решение Вашего величества относительно ее направления, как оно выражено в собственноручной записке Вашего величества, сопровождавшей донесения киевского консула. Исполняя волю Вашего величества, я поколебал бы все те важные успехи, которых даже при неблагоприятных условиях достигла Германия в своих отношениях с Россией, благодаря внешней политике, проводимой в течение десятилетий в духе обоих в Бозе почивших монархов. Важное, сверх ожидания, значение этих результатов для настоящего и будущего подтвердил мне только что граф Шувалов, возвратившийся из Петербурга.

Будучи привязан к королевскому дому и к Вашему величеству и сжившись уже с долголетней деятельностью, которую почитал постоянной, ныне с горечью отказываюсь от привычного участия в делах Вашего величества, Пруссии и всей империи; но, обсудив по совести намерения Вашего величества, исполнить которые, состоя на службе, я был бы обязан, не могу поступить иначе, как всеподданнейшее испросив согласие Вашего величества на милостивое освобождение меня от обязанностей имперского канцлера, министра-президента и прусского министра иностранных дел с предоставлением законной пенсии.

Впечатления, испытанные мною за последние недели, и открытия, сделанные мною из сообщения гражданского и военного Вашего величества кабинетов, позволяют мне заключить, что настоящим своим прошением об отставке я иду навстречу желаниям Вашего величества, и потому могу с уверенностью рассчитывать на благосклонное удовлетворение моего почтительного ходатайства.

Я представил бы Вашему величеству просьбу об освобождении от обязанностей еще год тому назад, если бы мне не казалось, что Вашему величеству желательно воспользоваться опытом и способностями верного слуги Ваших предшественников. Получив уверенность, что Ваше величество в них не нуждается, я в праве уйти от государственных дел, не опасаясь, что мое решение будет признано несвоевременным со стороны общественного мнения.

Фон-Бисмарк".

Я воспользовался еще раз случаем, чтобы повторить начальникам гражданского и военного кабинетов его величества Луканусу и Ганке, что отказ от борьбы с социал-демократией и возбуждение несбыточных надежд внушают мне сильную тревогу.

На вечер 18-го марта в берлинский дворец были вызваны все командующие генералы; внешним поводом явилось желание его величества заслушать их мнение о военных законопроектах. В действительности же на собрании, которое длилось 20 минут, император произнес речь, в конце которой он, как мне передавали из достоверного источника, сообщил им, что он вынужден отпустить меня; к начальнику генерального штаба Вальдерзее поступили будто бы жалобы на мои самовластные и тайные сношения с Россией. Вальдер-

зее, по долгу службы, сделал его величеству доклад о донесении киевского консула и его значении. Никто из генералов не ответил на речь императора, промолчал и граф Мольтке. Но, спускаясь по лестнице, последний сказал: „Прискорбное явление, молодой барин еще не раз позовет нас на такие советы“.

19-го марта, после приема во дворце, мой сын Герберт посетил Шувалова. Последний, стараясь удержать сына на его посту, сказал ему, что, если мы оба уйдем, то полномочия, которыми он облечен, будут признаны ничтожными. Так как подобного рода заявление могло иметь влияние на политические решения императора, то мой сын на следующий же день довел об этом до сведения его величества собственноручным письмом.

Не знаю, перед получением этого сообщения или непосредственно после него, во всяком случае 20-го днем, явился к моему сыну ад‘ютант граф Ведель и передал ему повторное желание императора, чтобы сын мой остался на своем посту; ему с этою целью будет предоставлен продолжительный отпуск, и он может быть верен в доверии к нему императора. Мой сын в этом сомневался, так как император неоднократно приглашал к себе без его ведома советников иностранного ведомства, давал им поручения и требовал от них информации. Ведель возражал и заверял его, что его величество, несомненно, устранит эту неловкость. Мой сын ответил на это, что его здоровье настолько пошатнулось, что без меня он не сможет принять ответственного поста. Позже, когда я получил уже свою отставку, граф Ведель посетил и меня и передавал, чтобы я подействовал на Герберта. Я отклонил это предложение, сказав: „Сын мой совершеннолетний“.

20-го марта днем Ганке и Луканус доставили мне приказ об отставке в 2-х голубых конвертах.

Накануне Луканус был у моего сына, чтобы побудить его позондировать почву, насколько приемлемо для меня возведение в герцогское достоинство и испрошение соответственной награды у ландтага. Мой сын тут же, не задумываясь, ответил, что и то, и другое будет мне нежелательно и неприятно, и днем, после переговоров со мною, написал Луканусу, что возведение в герцогское достоинство после того, как император последнее время так обращался со мною, было бы мне тяжело, и награда, в виду состояния финансов и по личным причинам, неприемлема. Тем не менее я был удостоен герцогского титула.

Оба приказа от 20-го марта, адресованные мне, гласили так:

„Любезный князь! С глубоким волнением усмотрел я из Вашего прошения от 18-го числа сего месяца, что Вы решили удалиться от дел, которые вели в течение долгих лет с несравненным успехом. Я надеялся, что мысль о разлуке с Вами будет далека от меня. И, если теперь, вполне сознавая всю тяжесть последствий Вашего ухода, я тем не менее вынужден свыкнуться с этою мыслью, то делаю это хотя и с горечью в сердце, но в твердой уверенности, что удовлетворение Вашей просьбы будет содействовать сохранению для родины драгоценной жизни Вашей и сил на многие годы. Приведенные Вами основания для отставки Вашей убеждают меня, что дальнейшие попытки побудить Вас к отказу от нее не будут иметь успеха. Поэтому, исполняя Ваше желание, препровождаю Вам при сем свое милостивое согласие на оставление Вами должностей имперского канцлера, президента моего государственного министерства и министра иностранных дел, в уверенности, что и впредь вы не откажете ни мне, ни отечеству в Вашем совете и Вашей энергии, в Вашей верности и Вашей пре-

данности. Я считаю одним из счастливейших обстоятельств моей жизни, что при вступлении моем на престол я в Вашем лице имел моего первого советника. Ваши дела и достижения на пользу Пруссии и Германии, Ваши заслуги перед моим домом, перед моими предшественниками и передо мною останутся и у меня, и у немецкого народа неизгладимыми в благодарной памяти. И за границей также будет всегда признаваться слава Вашей мудрой и энергичной политики мира, которую я решил с полным убеждением сделать руководящим правилом для моих будущих трудов.

Оценить Ваши услуги по достоинству вне моей власти. Я должен удовлетвориться заверением Вас в неиссякаемой благодарности моей и отечества. В знак этой благодарности удостаиваю Вас звания герцога Лауэнбургского. Я повелел также препроводить Вам мой портрет в естественную величину.

Да благословит Вас Бог, любезный князь мой, и да вознаградит долгими годами безмятежной старости, озаренной сознанием честно исполненного долга.

Пребываю к Вам неизменно преданный и благодарный император и король

Вильгельм II R."

„Как глава армии, я не могу отпустить Вас, не вспомнив с благодарностью Вашей долголетней деятельности в интересах моего дома, на благо и величие нашего отечества—Ваших незабвенных услуг, оказанных моей армии. С дальновидной предусмотрительностью и железной твердостью помогли Вы моему в Бозе почившему деду в тяжелое время провести реорганизацию наших вооруженных сил. Вы проложили, с Божьей помощью, дорогу, которая поведет армию от одной победы к другой. В великую войну Вы с богатырской сме-

лостью исполнили свой долг солдата и с тех пор всегда были готовы неустанной заботой и самопожертвованием вступиться за дело охраны унаследованной от отцов наших боевой мощи, дабы создать опору благодеяниям мира.

Я знаю, что выражу общее желание мое и армии моей, если человека, совершившего столь великое, наделю высшими военными чинами. Поэтому назначаю Вас генерал-полковником кавалерии с правами генерал-фельдмаршала и уповаю на Бога, что Вы многие годы еще будете носить это почетное звание.

Вильгельм".

С того времени ко мне не обращались уже больше за советами, ни прямо, ни через посредников; наоборот, моим преемникам, кажется, было запрещено разговаривать со мною о политике. У меня было такое впечатление, что все чиновники и офицеры, которые держатся за свои места, должны были бойкотировать меня не только в области деловых, но и социальных отношений. Этот бойкот своеобразно проявился в дипломатических указах моего преемника по поводу дискредитирования за границей личности его предшественника.

Благодарность свою за мое производство в высший военный чин я выразил в следующем письме:

„Почтительно благодарю Ваше величество за милостивые слова, коими Ваше величество сопроводили мою отставку. Я счастлив, что ваше величество удостоили меня своим портретом, который послужит мне и семье моей почетным напоминанием о тех временах, когда Ваше величество разрешали мне посвящать свои силы службе монарху. Ваше величество одновременно милостиво возвели меня в достоинство герцога Лаэнбургского. Я позволил себе устно изложить тайному советнику фон-Луканусу причины, по которым я просил Ваше

величество не опубликовывать этой высочайшей милости. Исполнение этой моей просьбы было невозможно, так как официальное сообщение появилось в „Правительственном Указателе“ в то время, когда я высказывал свои на этот счет сомнения. Осмеливаюсь, однако, просить Ваше величество о милостивом дозволении мне и впредь именоваться моим прежним именем и титулом. За столь высокую военную награду прошу разрешения всеподданнейше повергнуть к стопам Вашего величества свою почтительную благодарность, как только позволит мне мое здоровье“.

21-го марта в 10 часов утра, когда сын мой был на вокзале для встречи принца Уэльского, его величество сказал ему: „Вы неверно поняли Шувалова в вашем вчерашнем письме; он только что был у меня; сегодня вечером он посетит Вас и выяснит дело“. Мой сын ответил, что он не может вести переговоров с Шуваловым, так как намерен просить об отставке. Его величество не хотел об этом даже слышать: он „всячески облегчит положение моему сыну и днем или вечером подробно переговорит с ним; но остаться он должен“. Шувалов действительно посетил моего сына, но отказался сделать сообщение, так как его инструкции относились к моему сыну и ко мне, а не к нашим преемникам. Что касается утренней аудиенции у его величества, то он рассказал следующее: в час ночи его разбудил жандарм и передал краткую записку флигель-адьютанта к $8^3/_4$ ч. явиться к императору. Он очень взволновался, предположив, что случилось что-нибудь с царем. Император беседовал во время аудиенции о политике, был очень любезен, и заявил, что будет продолжать прежнюю политику, о чем он, Шувалов, сообщил в Петербург.

На вопрос Каприви относительно подходящего преемника мой сын указал ему на брюссельского

посланника Альвенслебена. Каприви согласился на эту кандидатуру, но усомнился, насколько удобно поставить во главе иностранного ведомства непруссака. Его величество назвал ему Маршалла. Между тем император, встретившись с моим сыном на завтраке, который давали драгуны, заявил, что Альвенслебен и для него очень приемлем.

26-го утром мой сын ознакомил Каприви с секретными делами. Последний нашел дела слишком осложненными—он их упростит, и упомянул, что Альвенслебен был у него утром, но чем больше он его убеждал, тем упорнее тот отказывался от своего назначения. Мой сын условился с Каприви, что он днем еще раз попытается убедить Альвенслебена и о результатах сообщит ему. В тот же день он получил отставку, причем беседа с императором так и не состоялась.

Мой сын пытался вечером убедить г-на Альвенслебена, при содействии находившегося в то время в отпуску посла Швейница, но безуспешно; Альвенслебен заявил, что лучше отказаться от всей карьеры, чем принять пост статс-секретаря; но обещал не принимать окончательного решения, пока не переговорит с императором.

27-го утром император посетил моего сына. Неоднократно обнимая его, он выражал надежду, что мой сын скоро поправится и вновь поступит на службу, и спросил, как обстоит дело с Альвенслебеном. Когда мой сын изложил свои переговоры, император выразил удивление, что Альвенслебен до сих пор его не посетил, и приказал ему безотлагательно явиться к 12-ти с половиною часам во дворец.

Мой сын отправился к Каприви, доложил ему об отношении Альвенслебена к предложенному посту, о вызове к его величеству и повторил, какими мотивами он хотел воздействовать на Альвенслебена. Тогда Каприви высказался приблизительно следующим образом:

Все это уже запоздало. Он доложил его величеству, что Альвенслебен отказывается, и тот уполномочил его обратиться к Маршаллу. Последний тотчас же выразил свою готовность; разрешение от великого герцога для перехода на имперскую службу он уже имеет, так что официальный запрос в Карлсруэ—простая формальность. Если бы Альвенслебен в конце концов тоже согласился, то он, Каприви, вынужден был бы испросить ему отставку. В $12^3/_4$ у него доклад, и он напомнит его величеству о вчерашнем поручении переговорить с Маршаллом.

Альвенслебен, который непосредственно от Каприви отправился во дворец, не поддался просьбам его величества; когда последний с сожалением сообщил об этом Каприви, то он ответил, что это как раз хорошо, так как выводит его из большой неловкости, ибо он сговорился уже с Маршаллом; император кратко сказал: „Хорошо, пусть будет Маршалл". Каприви, следовательно, не выждал результата переговоров моего сына с Альвенслебеном и завербовал Баденского посла.

Великий герцог Баденский, который из отзывов моего сына о господине фон-Маршалле понял, что я знаю, какое влияние он оказал на императора, посетил меня 24-го марта, и ушел в немилостивом настроении. Я сказал ему, что он вторгся в область компетенции имперского канцлера и сделал для меня невозможной дальнейшую службу у императора.

26-го марта я имел прощальную аудиенцию у его величества. Император сказал, что только „забота о моем здоровье" побудила его согласиться на мою отставку. Я отметил, что здоровье мое прошедшей зимой было на редкость хорошее. Опубликование моего прошения было отклонено. Каприви стал занимать мою казенную квартиру: посланники, министры и дипломаты должны были ожидать

на лестнице, что принуждало меня спешить с упаковкой вещей и от'ездом. 29-го марта я покинул Берлин под давлением спешного выселения из квартиры; на вокзале, по распоряжению императора, мне оказали воинские почести, которые я могу смело назвать погребением по 1-му разряду.

Перед этим я получил от его величества императора Франц-Иосифа следующее письмо:

„Вена, 22-го марта 1892 г.

„Любезный князь! Известие, что Вы сочли своевременным снять с себя напряженные труды и заботы о делах государственных, получило ныне, к моему сожалению, официальное подтверждение. Как ни горячо мое желание, чтобы покой, предоставленный Вам после стольких лет беспрерывной, успешной и славной государственной деятельности, послужил на благо Вашему пошатнувшемуся здоровью, как ни сильна моя надежда на это, я не могу тем не менее не выразить моего искреннего сожаления по поводу Вашего ухода, в особенности по поводу отказа Вашего вести дела внешней политики в столь близкой нам Германской Империи. Я буду неизменно благодарен Вам за то, что отношения Германии с Австрией, по мысли Вашей, велись всегда в духе лойяльного дружелюбия, и что Вы были прямы и честны с моими представителями.

Основывая несокрушимый ныне союз, соответствующий интересам обоих государств, равно как моим желаниям и желаниям Вашего повелителя и монарха, я рад, что Вашим стремлениям на благо этих земель оказывал полное доверие, и умею благодарно ценить, что во всех делах в свою очередь мог расчитывать на Вашу доверчивую прямоту и надлежащую помощь. Пусть будет суждено Вам еще многие годы с удовлетворением видеть, как крепнет наш оборонительный союз на благо не только самих союзников, но и европейского

мира, союз германо-австрийской дружбы, в тяжелые годы прочно заложенный Вами. Примите, любезный князь, уверения, что самые сердечные пожелания мои неизменно сопутствуют Вам, что я вспоминаю Вас с чувством искреннего уважения и дружбы, и что я буду приветствовать всякое новое доказательство Вашего беззаветного патриотизма и Вашей годами испытанной опытности.

Франц-Иосиф".

На Рождество 1890 г. император Вильгельм прислал мне коллекцию фотографических снимков с дворцовых покоев Вильгельма I. Я поблагодарил его следующим письмом:

„Фридрихсруэ, 25-го декабря 1890 г.

Пресветлейший государь,
всемилостивейший король и повелитель!

Позволяю себе повергнуть к стопам Вашего величества свою почтительную благодарность за присланный мне по высочайшему повелению высочайший рождественский подарок. Эти превосходные снимки оживили места, с которыми связаны для меня главным образом воспоминания о в Бозе почившем монархе, свыше полустолетия оказывавшем мне благоволение и сохранившем его до конца своих дней.

К всеподданнейшей благодарности за этот памятник прошлого присоединяю мои почтительные поздравления с наступающим Новым годом.

С глубоким почтением Вашего величества
всеподданнейший слуга фон-Бисмарк".

IX.

ГРАФ КАПРИВИ.

Как глубоко и долго сказывались еще разные неудовольствия военных чинов, вызванные со времен войны 1866 г. ведомственным самолюбием, и как влияли они на все возраставшее ко мне недоброжелательство моих сослуживцев и бывших партийных товарищей, я мог заключить, между прочим, из сообщения фельдмаршала фон-Мантейфеля: к нему совершенно неожиданно явился генерал Каприви, стал настойчиво указывать на опасность, которую будто бы я, ответственный министр, навлекаю своей враждой к армии, и просил маршала, чтобы он повлиял на короля. Этот и для маршала неожиданный и враждебный выпад против меня со стороны Каприви и его постоянное общение с лицами, которые, группируясь вокруг графа Роопа и вращаясь в доме приятеля Каприви тайного советника Леббина (министра внутренних дел), вели против меня закулисную борьбу, не мешали мне высказывать, в необходимых случаях, свое высокое мнение об его военных способностях, составленное на основании авторитетных отзывов.

После назначения Каприви начальником флота, вопреки моим советам состоявшегося в 1883 году, я рекомендовал императору Вильгельму I не ли-

шать армию, в виду сомнительных в то время перспектив на мир, генерала, пользовавшегося таким доверием войск, не прерывать того единения, которое создалось между ними, так как в случае войны ему пришлось бы эту связь наново создавать. Я предлагал привлечь Каприви к участию в руководстве генеральным штабом, как только графу Мольтке понадобится помощник. Последний, однако, не был склонен воспользоваться услугами Каприви, и предпочитал в таком случае совсем уйти в отставку, чего император не хотел ни в коем случае допустить. Кроме того, его величеству было, несомненно, необходимо устранить некоторые недочеты, возникшие во флоте при генерале Штоше, путем привлечения в морское ведомство сильного, военной складки человека, каким был Каприви. Я был того мнения, что флот следует вверить моряку. То же самое повторилось, когда император Фридрих, недовольный Вальдерзее и графиней Вальдерзее за ее сношения с Штеккером, об'явил мне, что желает сместить графа с его поста в генеральном штабе: я назвал тогда Каприви, наряду с графом Гезелером, как подходящего преемника Вальдерзее. Император относился с доверием к Каприви, но, когда он стал зондировать почву у фельдмаршала, то встретил то же решительное сопротивление, что и его отец. Императору Вильгельму II Каприви казался слишком независимым в военных делах, а по подготовке к политической деятельности он не дорос до его величества.

Я добровольно ушел с поста министра торговли, потому что не хотел расписываться в любви к социал-демократам и в согласии с принудительным рабочим законодательством, в полезности которого убедили императора за моей спиной делавшие политику господа, подобные Беттихеру и другим подпольным интриганам. У меня было еще

тогда намерение остаться канцлером и министром-президентом, так как, предвидя осложнения и опасности в ближайшем будущем, я считал такое решение вопросом чести. Я полагал, что я не в праве взять на себя ответственность за оставление службы, особенно в управлении иностранных дел, и что мне следует выждать, не возьмет ли эту инициативу на себя сам император. То же чувство долга руководило мною и тогда, когда поведение императора заставило меня обратиться к нему с прямым вопросом: „Не стою ли я его величеству на дороге?“ В предложении императора провести хотя бы новые военные законопроекты, внесенные Верди, я усмотрел утвердительный ответ на мой вопрос, и потому-то считал возможным уйти с поста министра-президента и остаться канцлером. Мне казалось тогда, что можно договориться с императором о дальнейшей политике канцлера, так как планы государя, над осуществлением которых я не мог работать и за проведение которых не мог нести ответственность, касались ведомства прусского министра-президента и министра торговли.

Свой пост я покинул тотчас же, как только его величество высказался за позицию обер-президента фон Берлепша, и тогда я сам предложил последнего в качестве моего преемника. При создавшемся положении вещей, я признавал, что во главе всех государственных дел должен стоять не человек, подобный Беттихеру, а генерал с чувством чести прусского офицерства. Не скажу, чтобы меня не тревожило, что, под влиянием безответственных лиц, вроде Гинцпетера, Дугласа, художника Гейдена и Берлепша, и должностных, вроде Беттихера, у императора может создаться убеждение в возможности устранения революционной опасности путем заигрывания с народом; такое влияние сам император признал на заседании совета 24-го января. Меня беспокоила склонность импе-

ратора подкупать своих врагов любезностью, вместо того, чтобы друзьям своим внушать мужество и доверие. Критика баденского герцога подрывала мою политику и увеличивала мою тревогу, как бы готовые на всякие уступки „гражданствующие“ советчики, преемники мои без чувства политической чести, не повредили монархии, желая удержаться на своих местах. Мои опасении подкреплялись соображениями, которые я изложил на заседании государственного министерства. Я слышал, что император рассеял сомнения, возникшие у Каприви по поводу принятия моего наследства, следующими словами: „Будьте спокойны, все они, правда, кипятятся, но ответственность за дела я принимаю на себя“. Хочу надеяться, что будущее поколение пожнет плоды его веры в свои силы.

Как разрешил Каприви свои сомнения насчет принятия поста имперского канцлера, об этом он поведал мне в своей—к слову сказать, единственной—беседе, происходившей на пороге захваченной им в моем доме комнаты: „Если бы я, находясь во главе своего 10-го корпуса, получил во время боя приказ, который грозил бы гибелью корпусу, поражением и смертью мне, и если бы мои деловые возражения против него не имели никакого успеха, мне ничего бы не оставалось, как исполнить этот приказ и погибнуть. Что дальше? Человек за бортом!“ В этом взгляде заключается вся сущность офицерского духа, который составлял и в настоящем, и в прошлом столетии военную силу Пруссии и будет жить в ней и впредь. Но если этот взгляд перенести в область законодательства, политики — внутренней и внешней, — то он, несмотря на всю свою удивительную силу в военном деле, здесь грозит опасностями. Современную политику в Германской империи с ее свободной прессой, парламентским правлением, находящейся в тисках европейских осложнений, нельзя

вести посредством королевских приказов, послушно исполняемых генералами, даже в том случае, если бы способности ныне царствующего германского императора и короля Пруссии превосходили таланты Фридриха II.

На месте господина Каприви я не принял бы канцлерского поста; для должности министерского секретаря или ад'ютанта на неведомом поприще почтенный прусский генерал, больше других пользующийся доверием нашего офицерства, слишком высокая особа; а политика—не поле сражения: она требует специальных знаний для разрешения вопроса, необходима ли и когда именно война и как избежать ее с честью. Военно-полевую теорию Каприви я мог бы признать лишь в тех случаях, когда судьба монархии и отечества поставлена на карту, когда, согласно историческим прецедентам, вступает в силу диктатура; таким моментом, например, было, по моему, положение в 1862 году.

Как точно, я бы сказал, как подначально следовал Каприве „указке", сказалось в том, что он не обратился ко мне ни с одним вопросом, ни за одной справкой о положении государственных дел, которые он предполагал принять от меня, ни о целях и намерениях настоящего правительства, ни о средствах их осуществления. Ему было, очевидно, категорически запрещено обращаться с какими-либо вопросами ко мне, дабы не ослаблять впечатления, что император правит самостоятельно и не нуждается ни в каком канцлере. Мне не случалось наблюдать, чтобы при сдаче аренды не заключалось какого-нибудь соглашения между выезжающим и в'езжающим арендаторами; при сдаче управления германской империи, несмотря на сложность его дел, ничего даже подобного такому соглашению не имело места. Фраза манифеста о том, что император будет пользоваться моими со-

ветами, никогда не претворялась в дело, и подписи моего преемника я ни при своей отставке, ни после, не видал ни в личной, ни в служебной переписке, за исключением постановления о выдаче мне пенсии, которое наносило мне некоторый материальный ущерб [1]).

Мой политический опыт накапливался в течение 40 лет, а мой преемник, вступая в новую должность, был знаком с политическим положением государства так же хорошо, как во время командования 10-м корпусом.

Основания, которые побудили его величество отпустить меня, которые заставили его потребовать от меня, несмотря на мои годы, немедленного очищения квартиры, никогда не были мне сообщены ни официально, ни лично императором,—даже после новой встречи с его величеством, 4 года спустя, я мог только догадываться о причинах отставки, но никогда не знал их достоверно. Возможно, что до государя доходило много лживых наветов, но он никогда не передавал их мне и никогда не требовал раз'яснений. Мне казалось, что император не хотел, чтобы я находился в Берлине до Нового года и после него, так как он знал, что свои убеждения относительно социал-демократии я выскажу в рейхстаге не в духе его новых взглядов, с которыми познакомился на заседании совета 24-го января. По сведениям, полученным мною и непосредственно, и от сына, император не пожелал определить срок моего возвращения. Этот срок определился приглашением на заседание совета 24-го января, причем я должен был явиться к императору для доклада за 1/2 часа до открытия последнего. Я по-

---

[1]) Между прочим, меня обязали возвратить часть моего трехмесячного (январь—март) бюджета за 11 дней (20—31 марта) в виду назначения пенсии.

лагал, что при этом узнаю, о чем станут совещаться в совете. Однако, я ошибся: я следовал за императором через корридор Монахинь в совет в таком же неведении, как и мои коллеги, исключая Беттихера.

После моей отставки усердно избегали каких-бы то ни было сношений со мной, желая, повидимому, устранить всякий повод для предположений, что недостает моего опыта, моего знания дела и людей. Меня подвергали строгому бойкоту и держали в карантине, как рассадник бацилл, распространявших политическую заразу во время моего канцлерства.

Наряду с чисто военными принципами, на Каприви влияли и моменты психологического характера: тяжелая юность гвардейского офицера с небольшим состоянием, лишениями и горестями, надежда, что завершение жизни на высшем посту явится вознаграждением за прошлое. Та горечь, которую он испытывал лет 20 и больше тому назад против людей моего положения, пережила эти годы и я мог заключить об этом из его отношений к себе: с того момента, как император впервые раскрыл ему мою роль, он ни в Берлине, ни в Вене не расценивал меня с чисто деловой стороны. между тем, как мое отношение к нему оставалось без предубеждений, несмотря на его враждебность ко мне. Последнюю мне не удалось победить и впоследствии, когда мы стали коллегами по рейхстагу, когда он управлял морским ведомством, несмотря на всю любезность, которую я проявлял по отношению к нему. К людям с достатком в нем всегда можно было заметить предубеждение, развившееся под влиянием тяжелой юности, когда его, бедного офицера, терзали муки Тантала [1]).

---

[1]) Не могу скрыть, что мое доверие к Каприви получило трещину с тех пор, как я узнал, что он приказал вырубить

Я давно испытывал чувство, что для значительной части моих коллег и подчиненных я бремя, груз, под давлением которого их собственный рост невозможен: но думаю, что это чувство не чуждо было и всякому другому министру-президенту или имперскому канцлеру, который в течении стольких лет бессменно исполнял бы свой долг и стремился, насколько в силах человеческих, к единству и равновесию в деятельности различных ведомств, конкурирующих между собой, к удовлетворению законных желаний управляемых и к примирению классовых интересов отдельных групп.

Указанная задача может быть выполнена без нарушения конституции так же хорошо монархом, в его звании германского императора, или короля прусского, как и имперским канцлером и министром-президентом; но для этого монарх должен обладать необходимой подготовкой и основательностью и с министрами дискуссировать деловито, а не „монархически". Во всяком случае даже при поползновениях действовать в таком духе, он связан присягой, принесенной конституции, не выносить решения, не выслушав и не обсудив предварительно советов тех министров, на которых возложена законом по-

---

старые деревья, окружавшие теперь его, а раньше принадлежавшую мне квартиру. Нужны столетия, чтобы эти деревья воскресли вновь. Казенное здание осталось без своего украшения. Император Вильгельм I, который в канцелярском саду провел счастливые годы своей юности, лишится в своей могиле покоя, если узнает, что бывший офицер его гвардии вырубил его любимые деревья, каких нет ни в Берлине, ни в его окрестностях, чтобы заполучить un poco piu di luce. В этом уничтожении деревьев сказывается не немецкая, а славянская черта. Славяне и кельты, — племена, несомненно, более родственные друг другу, чем германцам, не любят деревьев, — как это известно каждому, кто бывал в Польше и Франции, — их села и города, лишенные деревьев, стоят в равнине, как нюренбергские игрушки на столе. Я простил бы Каприви скорее иную политическую ошибку, чем кощунственное уничтожение старых деревьев.

литическая ответственность. Если же дело обстоит иначе, и всякий приказ прусского короля будет встречать молчаливое и беспрекословное повиновение министров, которое переносится затем и на союзный совет, то в таком случае король прусский займет в своем совете министров такое же место, какое французские короли занимали в lit de Justice (hoc volo, sic jubeo); если к тому же он подберет министров, которые согласятся на роль кабинетских секретарей, тогда государство будет открыто поставлено под удары парламентской критики и прессы, к которым наши современные учреждения не подготовлены. Министры будут в праве тогда грозить парламенту, что король, то-есть третья часть законодательной власти Пруссии, стоит за ними. Но и тогда они не должны, как это делалось после моего ухода, слагать с себя ответственность за свои убеждения ссылкой, что так приказал король. На авторитет монарха министр может сослаться в интересах дела, которое он защищает, но он ни в коем случае не может пользоваться им для прикрытия своей безответственности. Такое злоупотребление именем монарха снимает ответственность с министра и переносит ее на отсутствующего в парламенте короля. Министр был бы в праве заявить в палате депутатов, что тот или иной закон не пройдет в палате господ, и потому его следует, в интересах соглашения, изменить. С таким же правом, признаваемым конституцией, он может сказать, что тот или иной законопроект не встретит одобрения у законодательной власти, в лице ее равноправного члена короля прусского (ст. 62 Конституции).

X.

ИМПЕРАТОР ВИЛЬГЕЛЬМ II.

Император унаследовал от своих предков некоторое разнообразие в чертах характера. От нашего первого короля он перенял любовь к пышности, пристрастие к великолепию придворного церемониала и к торжественному облачению в праздничные дни и особую чувствительность к тонкой лести. Самовластие эпохи Фридриха I в практическом проявлении претерпело в ходе времен существенные изменения; но если бы и теперь существовала законная возможность, то завершением моей политической карьеры была бы, мне думается, участь графа Эбергарда Данкельманна. В виду краткости жизни, на какую по годам своим могу расчитывать, я не избег бы драматического эпилога своей политической карьеры, встретивши эту иронию судьбы с ясным упованием на Бога. Чувство комического я не терял даже в самые серьезные моменты моей жизни.

Наследственное сродство с Фридрихом Вильгельмом I проявляется у императора в пристрастии к „длинным парням". Если поставить под мерку флигель-ад'ютантов императора, то все эти офицеры окажутся необычайного роста — 6 футов и выше. Случилось однажды, что в Мраморный дво-

рец явился неизвестный, рослый офицер, потребовал доступа к его величеству, а на расспросы отвечал, что он назначен флигель-ад'ютантом. Ответу не поверили, запросили его величество и он подтвердил. Новый флигель-ад'ютант превосходил ростом всех товарищей, которых только что не без труда убедил в законности своей претензии.

Еще резче выражено в нем стремление Фридриха Вильгельма I и Фридриха II к самовластному управлению [1]) государством и их вера в законность принципа hoc volo sic jubeo [2]). Но те осуществляли свою самодержавность в духе времени, не обращая внимания, встречал ли способ их управления одобрение или нет. Трудно установить сейчас, пользовался ли Фридрих Вильгельм I со стороны своих современников таким же признанием, каким он пользуется у последуюших поколений, за насилия, которые он совершал, ни с чем не считаясь. Не таков был его отец. В наше время приговор истории уже произнесен: для него высшим законом (suprema lex) было не признание его личных заслуг, а salus publica (государственное благо).

Фридрих Великий не передал своей крови, но его роль в начальной истории нашей государ-

---

[1]) Припоминаю, что в 1859 году перед от'ездом регента в Петербург я подверг критике неспособность его министров и услышал от него сердитый ответ: „Ну, а я сам-то колпак, что-ли?" На это я возразил, что даже прусский ландрат не может в наше время управлять своей округой без толкового секретаря; а монархия давно уже переросла рамки кабинетской политики. Еще Фридрих Великий остерегался пользоваться неспособными министрами.

[2]) Juvenalis Satirae, Sat. VI, versus 220—224:
Pone crucem servo; meruit quo crimine servus
Supplicium? quis testis adest, quis detulit? audi,
Nulla unquam de morte hominis cunctatio longa est.
O demens, ita servus homo est? nil fecerit, esto.
Hoc volo, sic jubeo, sit pro ratione voluntas.

ственности должна воодушевлять его потомков Он обладал двумя друг друга питавшими способностями: талантом полководца и здравым бюргерским пониманием интересов своих подданных. Не обладая первой способностью, он не мог бы длительно пользоваться второй, а без второй его военные успехи не получили бы в такой мере признание потомства, хотя европейские нации, говоря вообще, самыми народными и любимыми королями считают тех, которые возложили на свою родину самые кровавые лавры (правда, и тех, кто их, шутя, ставил на карту). Карл XII упрямо вел Швецию к упадку и все же его портрет, как символ шведской власти, вы найдете у шведских крестьян чаще, чем изображение Густава-Адольфа. Миролюбие и гражданственность, давшие счастье народам, по общему правилу, не воодушевляют, не подкупают христианские нации Европы в такой степени, как готовность победоносно проливать кровь своих подданных на полях сражений. Людовик XIV и Наполеон, войны которых раззоряли народы и заканчивались с малым успехом, составляют гордость французов, а гражданские заслуги других монархов и правительств отходят на задний план. Восстанавливая перед собой историю европейских наций, я не вижу примера, чтобы честные и самоотверженные заботы о расцвете мира среди народов имели для них более притягательную силу, чем военная слава, выигранные битвы и завоевания земель.

В противоположность своему отцу, Фридрих II, который рос при новых влияниях, в общении с высокими умами Запада, отличался пристрастием к похвалам, обнаружившимся с малых лет. В своей переписке с графом Секкендорфом он старается импонировать этому старому грешнику своими излишествами в половых отношениях и происходившими от этого болезнями, а свое нападение на

Шлезвиг, тотчас по вступлении на престол, он об'-ясняет жаждой славы. С поля сражения он посылает стихи с припиской: „Pas trop mal pour la veille d'une grande-bataille". Но стремление к похвалам „love of approbation"—могучий и к тому же полезный возбудитель в монархе; если монарх им не обладает, то он впадает легче в жизнь праздную, жадную до наслаждений; un petit roy d'Ivetot, se levant tard, se couchant tôt, dormant fort bien sans gloire—тоже небольшее счастье для страны.

Имел ли бы мир „Великого Фридриха", имел ли бы он героическую фигуру Вильгельма I, если бы оба не искали одобрений? Тщеславие—это в сущности гипотека, которая лежит на способностях человека; она подлежит вычету для определения чистого дохода, который составляет результат его способностей. Ум и смелость Фридриха II были так велики, что их нельзя было обесценить никаким самовосхвалением; что даже излишества самовластия его, которое проявилось в деле при Колине и Кунерсдорфе, в учиненном над верховным судом насилии по делу Арнольда, в истязаниях Тренка,—не могут поколебать общей оценки. Вильгельм I был всегда горд своим званием прусского офицера и прусского короля, но благородные качества его души, верность и прямота его характера были достаточны, чтобы выдержать эту нагрузку, тем более, что его тщеславие не было связано с преувеличенным мнением о себе, наоборот, его благородная скромность была так же велика, как храбрость и чувство долга. Со всеми резкостями в характере и обращении наших прежних королей примиряла их сердечная и честная благожелательность ко всем подданным и слугам и верность тем и другим.

Привычка Фридриха Великого вторгаться в деятельность своих министров и присутственных мест, а также в жизнь своих подданных, проносится временами перед его величеством, заражая его.

Пристрастие к заметкам на полях бумаг в стиле Фридриха Великого, повелительного или критического характера, за время моей служебной деятельности было так велико, что приводило к неудобствам в деловом отношении. Резкость их содержания или формы заставляла держать под строгим секретом соответственные акты. Представления, которые я по этому поводу делал его величеству, не встречали милостивого отношения; они имели лишь то последствие, что он стал надписывать не на полях соответствующих актов, а на особых листках, которые приклеивали к ним. Менее сложный строй и об'ем Пруссии позволяли Фридриху Великому с большей легкостью обозревать общее—внутреннее и внешнее—положение страны. Поэтому такому монарху, с его деловым опытом, склонностью к основательной работе и ясным взглядом на вещи, было легче практиковать краткие решения на полях кабинетских бумаг, чем при настоящих условиях. Он до принятия окончательного решения знакомился с правовой и фактической стороной дела, выслушивал мнения компетентных и сведущих людей, что придавало его надписям деловой авторитет.

К наследству Фридриха-Вильгельма II император Вильгельм II в двояком отношении не причастен: с одной стороны—вследствие сильного сексуального развития, с другой—вследствие некоторой податливости мистическим влияниям. Каким способом император удостоверяется в воле Божией, которой он подчиняет свою деятельность, вряд ли можно установить класическими доказательствами. Намеки фантастической статьи под названием King and Minister. A Midnight Conversation [1]) о какой-то „книге обетов“ и о миниатюрах его трех великих предшественников, не вносят ясности в этот вопрос.

---

[1]) Contemporoary Review, Апр. 1890 стр. 457.

С Фридрихом-Вильгельмом III я не нахожу в личности Вильгельма II никакого сходства. Тот был молчалив, робок, не любил показываться в публичных местах и не стремился к популярности. Вспоминаю, как в начале 30-х годов на параде в Старгордене он разгневался за овации, которыми нарушили его покой. Когда ему прямо в лицо стали петь „Heil Dir im Siegerkranz“ и раздались крики ура, он так резко и громко крикнул на певцов, что те сразу замолкли. Вильгельм I унаследовал от отца скромность, преисполненную чувства собственного достоинства. Его неизменно задевало, когда приветствия по его адресу переходили границы хорошего вкуса. Лесть à brûle point портила ему настроение. Его отзывчивость на всякое выражение преданной любви немедленно исчезала под влиянием преувеличений или заискиваний.

С Фридрихом-Вильгельмом IV ныне царствующий император имеет одну общую черту: красноречие и потребность пользоваться им чаще, чем полагается. Речь течет быстро и легко; но его предок был осторожнее, может быть, и трудолюбивее и образованнее его. Для правнука не всегда удобен стенограф, в речах же Фридриха Вильгельма IV редко встречается материал для критики. Они— красноречивое и вместе с тем поэтическое выражение его мыслей, которые могли вызвать в то время целое движение, если бы за речами следовали дела. Я вспоминаю очень хорошо, какое одушевление вызвала коронационная речь и другие публичные выступления короля. Если бы за ними последовали энергичные решения в таком же пышном стиле, то и тогда уже они вызвали бы могучее движение, тем более, что в то время не притупилась еще способность воодушевляться политическими делами. В 1841 и 42 годах с меньшими средствами можно было достичь больше, чем в 1849. Об этом можно судить теперь без партийной

предвзятости, так как желательное уже достигнуто, и в 1840 г. с точки зрения национальных заданий, нет уже надобности. Le mieux est l'ennemi du bien— одна из самых верных поговорок, против которой немцы склонны на словах погрешать больше, чем другие народы. С Фридрихом-Вильгельмом IV у Вильгельма II есть то общее, что принцип политики того и другого коренится в сознании, что король—и только он—лучше других знает волю Божью, что он по воле Господа Бога правит, и потому в праве требовать полного повиновения, что он не обязан обсуждать свои планы с подданными и не должен им эти планы сообщать. Фридрих-Вильгельм IV не сомневался в своих привилегиях у Бога: его искренняя вера соответствовала представлению о первосвященнике иудеев, которому только и разрешается вход в скинию.

Тщетно стараются провести некоторые аналогии между Вильгельмом II и его ближайшими тремя предшественниками: душевные свойства, составляющие основную черту в характерах Фридриха-Вильгельма III, Вильгельма I и Фридриха III, не проявляются в натуре молодого монарха. Некоторая робкая неуверенность в своих силах уступила место в 4-м поколении, в лице царствующего императора, твердой самоуверенности, какой мы не видели на троне со времен Фридриха Великого. Принц Гейнрих, его брат, отличается как-будто таким же недоверием к своим собственным силам и такой же внутренней скромностью, какие при более близком знакомстве, несмотря на их олимпийское самосознание, обнаруживались в глубине характера императоров Фридриха и Вильгельма I. При скромном и смиренном представлении последнего о своей личности, его глубокое и искреннее упование на Бога придавало его решениям особую силу, что и сказалось в дни конфликта его с рейхстагом. Оба монарха своей сердечной добротой и

честным правдолюбием смягчали преувеличенное мнение о значении их высокого происхождения и помазания на царство.

Когда я пытаюсь воссоздать личность ныне царствующего императора уже по окончании моих служебных отношений к нему, то встречаю в нем воплощенными характерные свойства его предков, которые имели бы притягательную силу для меня, если бы они были одушевлены принципом взаимности между монархом и подданными, между господином и слугой. Германское ленное право дает вассалу, кроме обладания вещью, мало правомочий, но во всяком случае оно устанавливает взаимность верности между ним и владельцем лена; нарушение верности с той или с другой стороны считается вероломством.

Вильгельм I, его сын и их предки обладали чувством верности в высокой степени, и она является основой привязанности прусского народа к своим монархам. Психологически это понятно, так как односторонняя любовь не может жить долго в людской душе. Что касается Вильгельма II, то я не могу отделаться от впечатления такой односторонней любви.

Чувство, которое является самой прочной основой военного строя прусской армии, чувство, что ни солдат офицера, ни офицер солдата никогда не покинут, чувство, которое Вильгельм I проявлял к своим слугам даже свыше меры,—не обнаруживается в такой сильной степени у молодого государя. Больше, чем его предшественники, требуя к себе безусловной преданности, доверия и непоколебимой верности, он до сих пор не обнаружил, однако, того же доверия и верности к другим. Легкость, с которой он устраняет от себя — притом без об'яснения причин — испытанных слуг, даже недавних личных друзей, не способствует, а ослабляет дух доверия, который в ряде поколе-

ний воодушевлял слуг короля. Как только дух Гогенцоллернов подпал под влияние кобургско-английских понятий, исчезло невесомое, которое трудно возместить. Вильгельм I защищал и покрывал своих слуг, когда их постигало несчастье, или они попадали в беду, часто, может быть, даже свыше меры, и потому он имел слуг, которые свыше меры были привязаны к нему. Его теплая, сердечная благожелательность к другим, вообще, была непоколебима, если к ней присоединялась благодарность за оказанные услуги. Он никогда не считал свою волю единственным мерилом и никогда не оскорблял равнодушно других. Он обращался с подчиненными постоянно, как благосклонный повелитель, и своим обращением смягчал размолвки, возникавшие на служебной почве. Наговаривания или клеветы, если и достигали его слуха, встречаясь с его благородным прямодушием, отскакивали назад; карьеристы, единственная заслуга которых бесстыдная лесть, не имели у Вильгельма I шансов на успех. Для подпольных влияний и натравливания против своих слуг он не был доступен, даже если они исходили от близких ему высокостоящих особ, и если он решался обсудить сообщенное, то делал это в открытой беседе с соответственным лицом, а не за его спиной. Если он был другого мнения, чем я, он спорил со мной. Если мне не удавалось убедить его, то я подчинялся ему, когда было можно, а если было нельзя, то откладывал вопрос или снимал его с очереди. Моя независимость в руководстве политикой была честно преувеличена друзьями и намеренно противниками, потому что от планов, которым долго и по личным убеждениям противился король, я сам отказывался, не доводя до конфликтов.

Я ставил в счет лишь достижимое, и до Strike с моей стороны доходило только в случаях, подоб-

ных истории с имперским колоколом, когда императрица задела мое личное чувство чести, или в случаях, подобных истории с Узедомом, когда сказались масонские влияния: я не придворный льстец и не масон.

Император обнаруживает стремление уступками врагам сделать излишней поддержку друзей. Его дед, приняв на себя регентство, сделал точно также попытку удовлетворить всех своих подданных, не лишаясь их повиновения, предполагая этим обеспечить спокойствие в стране; но после четырехлетнего опыта, он признал, что и его советники, и его супруга ошибались, когда предполагали, что противников монархии можно путем уступок превратить в ее друзей и опору. В 1862 г. он предпочитал отречься от власти, чем дальше уступать парламентаризму, и, опираясь на скрытые, но в сущности более сильные элементы, принял бой.

Свое примирение с врагами, не всегда сулящее успехи в этом христианском, но все же реальном мире, император начал с социал-демократии. Эта первая ошибка, проявившаяся в отношении его к стачке 1889 г., повлекла за собой повышенную требовательность социал-демократов и новое недовольство монарха, когда выяснилось, что и при новом режиме, как и при старом, самые лучшие намерения монарха бессильны изменить природу вещей и человеческую натуру.

Император оказался без руководства среди людских страстей и вожделений; он потерял прежнее доверие к суждениям и опыту других, вследствие интриг. Не только непризнанные советчики, как Гинцпетер, Берлепш, Гейден, Дуглас и другие заматерелые льстецы, но и усердные генералы и ад'ютанты, коллеги мои, которые должны были помогать мне, как Беттихер, не имевший никакой другой задачи, как поддерживать меня, даже отдельные мои советники, которые, подобно прези-

денту фон-Берлепшу, охотно и тайно сносились с императором, когда он выспрашивал их, за моей спиной, — все они внушали его величеству преуменьшенное представление о трудностях управления. Возможно, что он в конце-концов так же разочаруется в социал-демократии, как его дед в 1862 г. в прогрессивной партии.

Эта политика уступок, вернее — политика прислуживания, стала применяться и к партии центра, к Виндгорсту, к тому самому Виндгорсту, мой разговор с которым послужил императору не так давно одним из поводов для разрыва со мною и которого с момента моей отставки он же окружил официальным почитанием, завершившимся после его смерти апофеозом. Виндгорст — „прусский чудотворец!" Но надо опасаться, чтобы эта верная опора монархии не зашаталась именно тогда, когда в ней окажется нужда. Прусская монархия и евангелическая империя так же удовлетворят своих новых союзников, партию центра и орден иезуитов, как и социалистов. В минуты опасности и нужды повторятся те же события, какие имели место, когда немецкий орден Пруссии оказался во власти наемников, требовавших своей награды. Склонность императора принимать на службу короны анти-монархические и даже анти-прусские элементы, как, например, поляков, отпугивает от него партии и фракции, которые принципиально верны монархическим традициям. Требуя беспрекословного повиновения, император постоянно угрожает тем, что еще больше подастся влево, что поставит у кормила правления социалистов, крипто-республиканцев, свободомыслящую партию, ультрамонтанов, вызовет весь свой Ахеронт, который, кстати сказать, заключается в том, что он волочится за непримиримыми врагами, и, таким образом, расшатывает настоящие устои монархической власти. Они опасаются,

„как бы не стало еще хуже", и император им представляется капитаном корабля, поведение которого уже тревожит команду, и который, несмотря на это, раскуривает сигару, сидя на пороховой бочке.

По отношению к иностранным государствам — дружественным, враждебным, колеблющимся — он зашел в своих любезностях так далеко, что заставляет их усомниться, можем ли мы полагаться на свою собственную боевую мощь. Дело в том, что ни в иностранном ведомстве, ни при дворе не было лица, знакомого с психологией международного положения на столько, чтобы правильно оценить последствия такой политики: ни император, ни Каприви, ни Маршалл не были подготовлены к этому своей прошлой деятельностью. Подпись короля, независимо от ее значения для государства, удовлетворяла чувству политической чести этих советников короны.

Попытка привлечь любовь французов (Мейсонье), на заднем фоне которой дремала надежда посетить Париж, перевалить через пограничную стену Вогез, сделала французов наглее, а штатгальтера робче. Визит, нанесенный русскому монарху в 1889 году, оставил неприятное впечатление, тем не менее его повторили в 1890 году, и последствия оказались еще безотраднее. Неправильно, мне кажется, и поведение по отношению Англии и Австрии. Вместо того, чтобы вселять в них убеждение, что в крайнем случае мы и без них обойдемся, к ним применяют систему чаевых подачек, тягостных для нас; эта система внушает им подозрения, что мы бессильны, между тем как и Австрия, и Англия больше нуждаются в нашей помощи, чем мы в них. Англия, которая испытывает недостаток в сухопутных силах, могла бы в случае угрозы со стороны Франции или России, в Индии и на Востоке, найти в Германии защиту

против каждой из этих опасностей. Если же у нас придают дружбе с Англией больше значения, чем в Англии — нашей, то тем самым поощряют Англию к переоценке своих сил и создают впечатление, что для нас достаточно чести итти в огонь ради английских интересов. Еще непонятнее та излишняя предупредительность, с которой мы относимся к Австрии: непонятно, зачем потребовалось при свидании в Силезии укрепить наш, и без того прочный, оборонительный союз обещанием экономических уступок.

Разговоры о том, что слияние экономических интересов обоих государств, а в сущности покровительство австрийским в ущерб германским, является необходимым следствием нашей политической близости, велись с Веной в течение 10 лет и принимали самые различные формы; я не отклонял резко лежащих в основе их притязаний, но и ни в чем не уступал Австрии; я просто вежливо и любезно избегал этих разговоров, и, наконец их признали в Вене безнадежными и отказались от них совершенно. Но в Роншtоке, на свидании обоих монархов, это требование было так искусно выдвинуто австрийцами, что у его величества заговорило естественное желание быть приятным своему гостю, за чем следовали обещания, которые и были utiliter акцептированы Франц-Иосифом. При последующих переговорах министров точно так же сказалось превосходство австрийской деловой оборотливости над нашими новичками и фритредерами. Конечно, по вопросам стратегическим мой друг и коллега Кальноки не мог сравниться с моим преемником, но на поле хозяйственной дипломатии он был сильнее последнего, хотя и не был специалистом.

Перемена в личных отношениях императора Александра III к Вильгельму II оказала вначале

влияние на последнего, которое вызвало серьезные опасения.

В марте 1884 года принц Вильгельм был послан своим отцом в Россию, чтобы поздравить наследника русского престола с днем совершеннолетия. Близкое родство, уважение, которое Александр III питал к своему двоюродному деду, обеспечивали ему благосклонный прием и исключительное обхождение, к которому он в то время, в кругу своей семьи, не привык; предупрежденный дедом, он вел себя осторожно и сдержанно; впечатление с той и другой стороны было благоприятное. Летом 1886 года принц снова отправился в Россию, чтобы в Брест-Литовске приветствовать императора, который производил смотр войскам в польских губерниях. Здесь он был встречен еще радушнее, чем в первый раз: он выражал мнения, которые были приятны императору, — в то время произошел разрыв между последним и князем Александром болгарским, и в Константинополе шла напряженная борьба между русским и английским влияниями. Принц в ранней юности был настроен против Англии, предубежден против всего английского, недоволен королевой Викторией, и не хотел ничего слышать о браке сестры с Баттенбергом. Потсдамские офицеры рассказывали о вызывающих англофобских выступлениях принца. Было естественно, что в разговоре на политические темы, в который втянул его император, он стал высказываться совершенно в духе последнего. Но, может быть, зашел дальше, чем мог рассчитывать царь. Таким образом впечатление, что он завоевал полное доверие Александра III, не было, пожалуй, совершенно правильным.

Желая использовать в политических интересах свои отношения к царю, который в ноябре 1887 г., возвращаясь из Копенгагена, проезжал через Берлин, он ночью поехал к нему навстречу в Вит-

тенберг. Император уже спал, и принц увидел его только перед самым прибытием в Берлин, притом в присутствии свиты. После обеда во дворце, спускаясь с одним лицом по лестнице, он сказал, что ему не удалось переговорить с русским императором. Сдержанность гостя по отношению к нему об'яснялась, если не прежними его наблюдениями над принцем, то тем, что в Копенгагене он узнал, какого мнения держится английская королевская семья относительно внука королевы. Естественно, что холодность императора расстроила принца Вильгельма; это заметили окружающие и непрошенные советники из воинствующих, считавших войну с Россией неизбежной—и старались его настроение подогреть и использовать. Генеральным штабом до такой степени владела эта мысль, что генерал-квартирмейстер граф Вальдерзее стал обсуждать вопрос о войне с австрийским послом Сечени. Последний донес об этом в Вену, и скоро после этого русский император спросил германского посланника фон-Швейница: „Почему вы натравляете Австрию против меня?“ Какими средствами действовали на принца Вильгельма, можно усмотреть из письма его ко мне от 10 марта 1887 года, когда он стал уже крон-принцем; содержание этого письма я приписываю возраставшему влиянию графа Вальдерзее, который считал момент благоприятным для войны, а следовательно и для усиления воздействия генерального штаба на имперскую политику.

Берлин. 10 марта 1888 г.

„Ваша светлость.

Письмо от 9 с. м. прочел я с большим интересом; из содержания его я должен усмотреть, что Ваша светлость придаете чрезмерное значение моим заметкам на полях венского доклада от 28 апреля, и

вследствие этого приходите к выводу, что я стал противником нынешней мирной и выжидательной политики, которою Ваша светлость руководите с такой мудростью и осторожностью и, надо надеяться, еще долго будете руководить на благо отечества. Эту политику я неоднократно защищал, — Петербург, Брест-Литовск,—и во всех решительных вопросах я, как Вы знаете, всегда становился на сторону Вашей светлости. Какие же обстоятельства заставили меня переменить образ мыслей? Сделанные мною заметки на полях доклада, в которых Ваша светлость признаете призыв к изменению нашей прежней политики, имеют своей целью указать, что в вопросе о необходимости и полезности войны политические и военные взгляды между собой разошлись, и что последние сами по себе имеют известное право на существование. Я полагал, что такое указание не будет бесполезно для Вашей светлости, но не подозревал, что оно будет истолковано как желание подчинить политические задачи чисто военным целям.

Чтобы не подвергаться в будущем неправильным толкованиям и частью в виду признания мною убедительности приведенных Вашей светлостью доводов, я отныне отказываюсь от всяких заметок на полях политических донесений, но оставляю за собой право доводить о своих взглядах до сведения Вашей светлости иными путями со всей прямотой и откровенностью.

В виду важности затронутых Вашей светлостью вопросов я вынужден подробнее остановиться на них.

Я всецело держусь мнения Вашей светлости, что даже при счастливом ходе войны с Россией нам не удастся окончательно уничтожить ее боевые силы; но я полагаю, что в случае несчастной для нас войны, эта страна, вследствие внутренних политических неурядиц, окажется более бессильной,

чем всякое другое европейское государство, включая Францию. Я вспоминаю, что после Крымской войны Россия целых двадцать лет не могла оправиться и только в 1877 г. настолько окрепла, что смогла выступить.

Боевые силы Франции в 1871 г. не были в достаточной степени уничтожены, так как на глазах, и, пожалуй, при содействии победоносного противника, создавалась и формировалась новая армия для подавления Коммуны и для спасения страны от окончательной гибели; крепости Парижа, находившиеся в руках победителя, не были снесены, даже не деформированы; флот был сохранен Франции, не уничтоженной, а только политически униженной. Эти факты до очевидности доказывают, что мы были далеки от действительного уничтожения врага, что мы сохранили ему основу для тех грозных боевых сил на воде и суше, которыми сейчас располагает республика. С военной точки зрения это было неправильно, с политической вполне соответствовало положению вещей в Европе, и, следовательно, для данного момента было разумно.

Чем больше крепла республика, тем большую готовность проявляла Россия—вопреки самому лойяльному отношению и намерению со стороны царя лично—воспользоваться удобным моментом, чтобы вступить в союз с Францией и напасть на Германию, как на оплот монархизма.

С этою целью оба народа систематически увеличивают свои боевые силы на важнейших границах, причем никто их к тому не вызывает, и никаких об'яснений для своих действий они привести не могут.

По этим основаниям руководимая Вашей светлостью мудрая политика моего в Бозе почившего деда заключила союзы, которые послужили нам защитой от нападений со стороны нашего при-

рожденного врага с Запада. Эта же политика сумела и русских властителей склонить на нашу сторону. Ее влияние будет действовать на них до тех пор, пока нынешний царь будет иметь реальную силу для осуществления своей воли; лишится он этой силы,—многие признаки этого имеются,— и тогда Россия уже не расстанется с нашим прирожденным врагом, и они поведут войну сообща, когда признают свои боевые силы достаточными, чтобы безнаказанно уничтожить нас.

При таких обстоятельствах ценность наших союзников растет; приковать их к себе, не давая значительного влияния на наши дела, будет и останется великой, допускаю даже, трудной задачей осторожной германской политики. Надо иметь в виду, что часть этих союзников романского происхождения, и что их правительственный механизм не такой абсолютной прочности, как наш. Поэтому рассчитывать на длительный союз с нами вряд ли можно, и, следовательно, война оборонительная или наступательная, в которой они должны оказать нам помощь, пусть будет раньше, чем позже.

Наши враги сделают не мало попыток, чтобы отвратить от нас союников; каждая ошибка с нашей стороны, каждый промах германской политики будет содействовать этим попыткам. К такого рода ошибкам я отношу покровительство Баттенбергу. Австрия усмотрела бы в них нарушение ее специальных интересов, а Россия испытала бы удовольствие от разрыва Германии с ее лучшим союзником и поняла бы, что война из-за Баттенберга не была бы для Германии популярной войной, и была бы совершенно лишена столь необходимого furor teutonicus.

Россия с легкостью создала бы тогда повод для войны, но общественное мнение, конечно, указывало бы на Германию, как на ее инициатора.

Допускаю, что таким образом ускорили бы опасность войны, но какой ценой? Я совершенно чужд намерения добиваться войны. Так как война против Запада имеется постоянно в виду, и в этом направлении сделаны уже приготовления, и так как эта война во всех отношениях сулит больше преимуществ, чем на Востоке, что отмечает и Ваша светлость, то военные власти были бы особенно признательны той политике, которая в состоянии действительно обеспечить ведение войны на Западе, как только она будет признана неизбежной.

Но я точно так же держусь того мнения, что если мы начнем войну на восточной границе, то будем иметь ее с обеих сторон; Франция только в том случае не выступит, если будет переживать глубокий внутренний кризис, или если там произойдут какие-нибудь военные осложнения, какие имели, повидимому, место прошлой осенью (неудача с мелинитовыми орудиями и негодность ружья и т. д.). Однако, нельзя с абсолютной уверенностью предвидеть, что в случае войны с Францией Россия eo ipso будет держаться пассивно по отношению к нам.

Во всякое время, а особенно при обстоятельствах, какие существовали прошлой осенью, долг главного генерального штаба зорко следить за военным положением страны и наших соседей и заботливо взвешивать преимущества и невыгоды, которые могут представить военные условия. Исходя из того, что не направление политики, а подчиненные ей военные мероприятия должны соответствовать политическим задачам момента, глава генерального штаба должен доводить до сведения руководителя политики со всей прямотой и стойкостью военную точку зрения. По моему мнению, этим способом оказывается помощь даже самой миролюбивой политике.

В таком смысле следовало бы истолковать мои одиозные заметки на полях доклада от 28 апреля; они должны были отметить и обязанность Германии вести миролюбивую политику, и право военных авторитетов в Германии и Австрии обратить внимание на благоприятные военные условия, какие осенью представлялись для военных действий обоих государств.

Несмотря на мои marginalia, вызвавшие такое волнение, я все же убежден, что Ваша светлость, в случае перемены правления, будете с спокойной совестью и твердостью направлять, как и теперь, мирный ход немецкой политики.

„В.
кронпринц
Германской Империи
и Пруссии".

15 июня 1888 г. кронпринц стал императором. Ровно неделю спустя я получил косвенные известия об одном высочайшем заявлении, которое сводилось к тому, что император чрезвычайно неприятно удивлен различными статьями германских газет. Главным образом его недовольство относилось к вечернему изданию „Berliner Tageblatt" от 20 июня и к статьям „Berliner Zeitung" и „Berliner Presse" от 21 июня, которые уверяли, что между его величеством и имперским канцлером возникла размолвка из-за графа Вальдерзее, т. е., что в правящих кругах существуют или намечаются трения, какие служили предметом публичного обсуждения при императоре Фридрихе. Его величество опасался, что заграничная пресса станет эти статьи комментировать, и потому настаивал, чтобы правительственная печать изложила действительное положение вещей и дала отпор указанным нападкам: император остается при тех же взглядах, какие развивал еще в мае; несмотря на все

свое уважение к графу Вальдерзее, он не предоставит ему влияния на внешнюю политику; в его царствование не будет придворной камарильи; наоборот, он убежден, что среди людей, которые пользуются его доверием и которые ему служат, нет деления на партии, все следуют по пути, который он избрал для осуществления намеченной им цели.

С 19 по 24 июля император был в Петергофе. Впечатление, которое он произвел, только впоследствии стало мне вполне известно. Что он свое личное неудовольствие перенес на политику, стало заметно лишь в июне следующего года, когда он находился в Петергофе, притом из двух обстоятельств:

Граф Филипп Эйленбург, посол в Ольденбурге, пользовался особой милостью его величества за салонные таланты и часто призывался ко двору. Он поведал моему сыну, что император считает мою политику слишком „руссофильской", и потому не сможет ли мой сын или я путем каких-нибудь уступок или какими-нибудь об'яснениями рассеять недовольство его величества. Мой сын спросил, что значит „руссофильская" политика. Он просил указать, какие шаги признаются слишком руссофильскими, т. е. невыгодными для наших интересов. Наша внешняя политика представляет из себя хорошо продуманное и заботливо расчитанное целое, которого не могут оценить ни аматеры политики, ни милитаристы, нашептывающие императору. Если его величество не доверяет нам и поддается интриганам, то пусть отпустит нас с Богом. Он добросовестно и по мере своих сил работал совместно со мной, его здоровье пошатнулось от всех этих трений, в центре которых ему приходится находиться. Если от него требуют политики, основанной на настроениях, то пусть его отпустят с Богом лучше сегодня, чем завтра. Граф Эйлен-

бург, который ожидал другого ответа, обратился к нему с настоятельной просьбой не придавать его замечаниям значения: он просто выразился неудачно.

Несколько дней спустя, во время посещения Берлина шахом персидским, император указал моему сыну, что следует начать в печати кампанию против русского займа; он не желает, чтобы еще больше немецких денег ушло в Россию на русские бумаги, что Россия оплатит ими лишь свои расходы на вооружение. На эту опасность, как выяснилось в тот-же день, обратил его внимание один из его высокопоставленных милитаристов, военный министр генерал фон-Верди. Мой сын ответил, что дело обстоит не так: имеется в виду конверсия прежних русских займов, следовательно, чрезвычайно благоприятный для немецких владельцев случай получить чистое золото и разделаться с русскими бумагами, по которым в случае войны Россия перестала бы выплачивать проценты. Россия хотела при этом извлечь прибыль—платить за будущий заем одним процентом меньше: денежный рынок этому благоприятствует, следовательно, помешать тут нельзя. Французы возьмут русские бумаги, если их оттолкнут от себя у нас, следовательно, выгоды извлечет Париж. Император настаивал, что немецкая печать должна писать против русских финансовых операций. Мой сын ответил, что, если ему не удалось изложить его величеству сущность вопроса, то он просил бы обратиться к министру финансов; официозные отзывы не могут быть напечатаны без согласия имперского канцлера, так как могут повредить всей его политике. Его величество предложил сыну моему срочно написать мне, что его величество желает открыть в печати кампанию против русских финансовых операций, и приказал через ад'ютанта известить заместителя отсутствующего министра

финансов, что биржевой совет старейшин должен воспретить реализацию займа.

Я лично испытал настроение его величества несколькими месяцами позднее; я не мог не упомянуть о нем раньше, теперь, в виду общей связи, повторяю снова. Когда в октябре 1889 г. закончилось пребывание царя в Берлине, и я с императором возвращался после проводов царя на вокзал, его величество стал мне рассказывать, что в Губертусштоке он сам сел на козлы охотничьей повозки, а царю предоставил удовольствие охоты, и закончил словами: „Ну, похвалите же меня!" Когда я удовлетворил его желание, он стал говорить, что он сделал больше: об'явил царю о своем желании сделать ему продолжительный визит, который он частью проведет совместно с ним в Спале. Я позволил себе выразить сомнение, насколько это будет желательно императору Александру: последний любит покой, изолированность и жизнь в кругу семьи; Спала, маленький охотничий замок, не приспособлен для приемов. Мысленно я взвесил, что обе высокие особы будут вынуждены там к тесному общению в течение продолжительного пребывания, и в замке могут завязаться разговоры, которые затронут щекотливые вопросы.

Я решил принять все меры, чтобы помешать этому визиту. Различие характеров и образа мыслей обоих монархов никому из современников не было так известно, как мне, и это знакомство с их натурою заставляло меня опасаться, что более или менее длительное совместное пребывание без опытного контроля поведет к трениям, отчужденности и недовольству. Причина недовольства уже была налицо, так как обещанный визит, которого царь не мог, из вежливости, отклонить, нарушал его любовь к одиночеству. В интересах единения обоих кабинетов я считал нежелательным без нужды поддерживать длительное и тесное обще-

ние между подозрительностью обороняющегося царя и наступательной любезностью нашего государя, тем более, что таким обещанием визита была дана авансом любезность, какая вряд-ли соответствовала духу русской политики и еще менее подозрительному отношению императора Александра. Насколько обоснованы были мои тревоги, показали тайные донесения из Петербурга, которые, если бы даже признать, что они были преувеличены или подложны, все же обнаруживали знание действительного положения вещей.

Император, ожидавший с моей стороны одобрения, был неприятно задет, довез меня только до дома, не вошел, вопреки обыкновению, ко мне, чтобы переговорить дальше о делах.

Визит, который император с 17 по 23 августа сделал царю в Нарве и Петергофе, повел за собой усиление личной неприязни, которой я и опасался.

После Нарвы последовало свидание в Роништоке и торговый договор с Австрией; поворот его величества в сторону Англии начался еще с осборнского визита в начале августа 1889 г.; над ним с искусным расчетом работали англичане, он повлек за собою договор о Занзибаре и Гельголанде. Морская форма admiral of the fleet может рассматриваться, как символ внешней политики империи за указанный период.

XI.

ДОГОВОР О ГЕЛЬГОЛАНДЕ И ЗАНЗИБАРЕ.

Что гельголандский договор был для нас меновой сделкой на манер заключенной между Главком и Диомедом стало уже общим мнением не только тех кругов, которые являются сторонниками морских завоеваний. В оффициальных сферах оправдание этой неэквивалентной сделки усматривали в неуловимом значении ее, в необходимости поддерживать наши добрые отношения с Англией. При этом указывают, что и я, в бытность свою на службе, придавал большое значение этим отношениям. Это несомненно верно, но я никогда не верил в возможность длительной прочности этих отношений и никогда не предполагал приносить немецкую собственность в жертву чьей-либо благосклонности, которая к тому-же вряд-ли пережила бы срок существования одного кабинета. Политика всякой великой державы будет всегда изменчивой в изменчивом ходе событий и интересов, но английская политика, кроме этого, находится в зависимости от перемен, которые в среднем каждые 5—10 лет происходят в личном составе парламента и министерства. Передо мною стояла задача содействовать укреплению расположенного к нам министерства Сальсбюри, поскольку это было осуществимо путем проявления симпатий.

Но слишком быстро течет жизнь английских кабинетов, чтобы покупать благосклонность и устойчивость английского министерства хроническими жертвами; к тому же их существование слишком мало зависит от отношений Германии, а в гораздо большей степени от Франции, России, даже Италии и Турции.

Отказ от прав на торговый город Занзибар является хронической жертвой, для которой Гельголанд не может служить эквивалентом. Это единственный крупный торговый пункт на восточно-африканской границе, куда мы имели свободный доступ; он служил нам, таким образом, переходным мостом на материк Африки, и, не имея возможности перенести его на другое место, мы не имели права отказаться от него.

Что обладание этим пунктом достанется нам приблизительно таким же путем, как англичанам, я считал, основываясь на успехе немецкого влияния за последние четыре года, если не несомненным, то вероятным, и потому для будущей политики не ставил эту задачу как необходимую, но во всяком случае, как возможную и достойную достижения. При этом мною руководило убеждение, что дружба Англии для нас, конечно, очень ценна, но что дружба Германии для англичан, в виду некоторых обстоятельств, еще ценнее. Если Англии будет серьезно угрожать высадка французов, что не противоречит естественному ходу политики, то помочь ей сможет только Германия; Франция не сможет использовать против Англии даже свое временное превосходство на море, если мы этого не допустим, а Индия и Константинополь лучше защищены от русской опасности на польской, чем на афганской границе. Положения, подобные тем, какие заставили Веллингтона на Belle-Alliançe сказать или подумать: „Я хотел бы, чтобы был вечер, или чтобы пришли пруссаки“, могут скорее

повториться в ходе развития большой европейской политики, чем в такие исторические моменты, когда нам понадобится английская дружба. В семилетнюю войну она прекратилась в тот момент, когда мы больше всего в ней нуждались, и на венском конгрессе Англия приложила бы свою печать к договору между Францией и Австрией от 3 января 1815 г., если бы возвращение Наполеона с Эльбы неожиданно не подняло занавес над политической ареной. Англия судьбой предназначена быть таким государством, с которым не только нельзя заключать прочного союза, но в котором никогда нельзя быть уверенным, потому что основы политических отношений там более переменчивы, чем в какой-либо другой стране; они зависят от выборов и создаваемого ими большинства. Только договор, принятый парламентом, служит некоторой гарантией против изменчивости отношений, но мне кажется, что и эта гарантия стала менее надежной с тех пор, как договор о нейтральности Люксембурга от 11 мая 1867 г. был так ловко истолкован Англией.

По моему мнению, немецкая дружба для того, кто ее добился, более прочна, чем дружба англичан, и в то же время я полагаю, что при правильном ведении немецкой политики, Англия скорее окажется в положении, когда ей потребуется наша дружба, чем английская нам. Под правильным ведением политики я разумею: не упускать из вида попечения о наших отношениях к России, несмотря на то, что мы защищены от нападения России тройственным союзом.

Даже если бы эта защита по прочности и постоянству была несокрушима, мы все - таки не имеем права и основания возлагать на немецкий народ, ради английских и восточно - австрийских интересов, тяжелое и бесплодное бремя русской войны, если этого не требуют собственные инте-

ресы Германии и опасения за целость Австрии. Во время Крымской кампании нам предоставлялось вести войну Англии на правах ее индийских вассальных князей. Разве Германская империя менее независима сейчас, чем во времена Фридриха-Вильгельма IV? Может быть, услужливее? Да, но за счет немецкого государства.

Готовность, с которой Каприви возлагал ответственность за сомнительные политические мероприятия, как, например, за договор с Занзибаром, конечно, по приказанию свыше, на меня, не доказывает его политической честности. 5 февраля 1891 г. он сказал в рейхстаге (Стенографический отчет, стр. 1331):

„Я хочу остановиться еще на одном упреке, который неоднократно делался нам: нам указывали на то, что Бисмарк вряд ли заключил бы подобное соглашение. Сравнивали в этом отношении настоящее правительство с прежним, и сравнение оказалось не в нашу пользу. Я был бы совершенно непонимающим своих обязанностей человеком, если бы, вступив на этот пост и приняв на себя дальнейшее ведение дел, даже не от такого крупного деятеля, каким был мой предшественник, не усвоил себе: что уже сделано, каковы намерения правительства, какова его точка зрения? Ведь эта же обязанность понятна каждому, и вы можете поверить мне, что эту обязанность я выполнил с большим старанием“.

Каким образом Каприви ознакомился со всем этим, я не знаю. Если путем чтения актов, то из них он не мог вычитать, что я посоветовал заключение занзибарского договора. Мысль, что Англия важнее для нас, чем Африка, которую я при случае высказал, по отношению к скороспелым и раздутым колониальным проектам, при известных условиях настолько же верна, как и положение, что Германия для Англии важнее Восточной

Африки; но в то время, когда заключался гельголандский договор, дело обстояло иначе. Англичанам вовсе не приходило в голову требовать или ждать от нас отказа от Занзибара; наоборот, в Англии свыкались с мыслью, что немецкая торговля и немецкое влияние растут, и что в конце-концов они достигнут господства. Сами англичане, проживающие в Занзибаре, когда получили первые известия о договоре, были убеждены, что их вводят в заблуждение, потому что было непонятно, ради чего мы пошли на такую уступку. Нам не приходилось выбирать между утверждением наших африканских владений и разрывом с Англией; у нас не было и необходимости соблюдать мир с Англией: только желание обладать Гельголандом и оказать любезность Англии об'ясняют договор. Итак, обладание этим утесом должно льстить нашему национальному самолюбию, но оно не увеличивает нашей безопасности от французского флота и принуждает нас превратить Гельголанд в Гибралтар.

До сих пор, в случае французской блокады наших берегов, остров был защищен английским флагом, и потому не мог быть превращен французами в угольную станцию или провиантский магазин, но это произойдет, если в будущую французскую войну Гелбголанд не будет защищаться английским флотом или сильными укреплениями. На эти соображения прессы Каприви ответил 30 ноября 1891 г. в рейхстаге следующее:

„У Англии есть нужды в различных частях света, она имеет владения на всем земном шаре, и, пожалуй, не так уже трудно было бы найти предмет для обмена, который был бы Англии угоден, и на который она согласилась бы обменять свой Гельголанд. Но я хотел бы видеть тот взрыв негодования, законного негодования, которое разразилось бы, если бы через год или перед самым

началом войны спустился на Гельголанде английский флаг, и перед нашими глазами взвился бы другой флаг, более отдаленного государства!“

Верил ли он сам в это?

Достойно замечания, что в его речи от 5-го февраля 1891 г. заключается противоречие, которое подвергает сомнению убежденность оратора в правоте его аргументов. Если-бы он считал договор сам по себе и об‘ективно полезным, он не поддался бы искушению перенести ответственность за него на своего предшественника, ему понадобилось бы тогда делить со мною заслугу заключения выгодной сделки, и не стал бы он извлекать из актов мои заявления, которые по времени, связи и цели не имели того смысла, который он им присваивал. В своей речи 30-го ноября 1891 г. он уже не ощущает потребности возложить честь ответственности на меня, он поясняет: одного этого года было достаточно, чтобы показать, как правильно мы действовали.

XII.

ТОРГОВЫЙ ДОГОВОР С АВСТРИЕЙ.

Попытка Австрии использовать для извлечения экономических выгод тесные политические отношения, в которых она находилась с нами в силу немецких традиций и роста Германии, проявилась сперва, во времена князя Шварценберга, в виде настойчивых предложений заключить таможенный союз, и с тех пор натиски в этом роде не прекращались. Однако, попытка таможенного об'единения сразу же натолкнулась на затруднение: нельзя было найти точное мерило для распределения таможенных доходов между народностями, участвующими в уплате пошлины. Признав невозможность таможенного об'единения, Австрия тем не менее не отказалась от своего намерения нажиться за счет Германии, и с этой целью прибегла на этот раз к торговым договорам. Слабость монархической власти, ее погоня за голосами в парламенте—увеличивают требовательность известных групп избирателей. В последнее десятилетие некоторое преобладание в государстве приобрела венгерская часть монархии, и галицийские голоса стали ценнее, чем раньше, не только для образования парламентского большинства и воздействия на заграницу. Аграрные вожделения этих восточных частей Австрии приобрели влияние на политику прави-

тельства: и если последнее сможет эти вожделения удовлетворить за счет Германии и ее неопытности, оно, конечно, воспользуется каждым неудачным шагом ее политики, чтобы самой выйти из внутренних затруднений и склонить на свою сторону венгерских и галицийских аграриев. Издержки этой политики, которых вряд-ли оспорит добродушие немцев, будут нести на себе скорее промышленные, чем аграрные элементы Цислейтании, за вычетом Галиции. Этот элемент менее опасен для австрийской политики и менее строптив, чем недовольные ею венгры и поляки. Немец покорнее и менее изворотлив в вопросах внутренней политики, чем другие национальности, населяющие Австрию: его борьба за конституцию, которая велась с упорным доктринерством, чуть не закончилась разрывом с династией, которая являлась самым естественным и самым сильным союзником немецкого населения.

Таким образом, становится ясным, почему хозяйственная политика Придунайской империи обращает мало внимания на немецкие промышленные классы и больше—на аграрные интересы других национальностей; точно так же и в Богемии—чешский элемент представлен сильнее в аграрных группировках, а немецкий—в промышленных. Неудивительно, конечно, если венгры, поляки и чехи довольны, что об их интересах пекутся в первую очередь, и что издержки несут не они, а немцы Цислейтании, и, главным образом, Германии, но спрашивается, почему германское правительство угодливо предлагает Вене в дар аграрные интересы немцев? Основания, приводимые печатью, будто политическое единение требует слияния экономических интересов—бессодержательная фраза, не имеющая никакого практического смысла. В прошлом мы были в самой тесной дружбе с Россией, затем с Англией, и этой дружбе не ме-

шали тяжелые условия таможенной политики; мы заключили союзный договор без таможенного об'единения, и это не мешало верно соблюдать его в продолжение долгих лет. Нашему союзному договору с Австрией не грозит опасность расторжения его по ее инициативе, даже если бы мы отказались, как 40 лет тому назад, от хозяйственной дани в ее пользу. Австрия больше нуждается в союзе с Германией, чем последняя в союзе с Австрией. Если бы Австрия взамен Германии вступила в союз с Россией, она должна была бы отказаться от тех своих поползновений в восточном направлении, которые поддерживают вражду венгерцев к России. Поворот Австрии в сторону Франции и западных держав Крымской Лиги—обнажил бы ее для нападений со стороны Германии и России, которая стала бы возбуждать и разлагать ее славянофильские элементы, находящиеся в численно большей части населения. Таким образом, союз с Германией, возникший на основе общности происхождения, является наиболее естественным и наиболее обеспечивающим от опасности единением: можно было бы сказать, что это союз, необходимый Австрии при всяком ее положении.

Я очень пожалел бы, конечно, если бы Германская Империя отказалась от союза с Австрией, с таким трудом завоеванного мною, и была предоставлена самой себе; но если наша политическая любовь оставалась бы без ответа со стороны Австрии только потому, что мы отказываемся приносить жертвы в ее пользу, то я предпочел бы иметь развязанными руки: я убежден, что союз, заключенный с такою целью, не был бы длителен и в решительный момент он не устоял бы.

Самые лучшие союзы перестают оказывать свое действие, если взгляды и идеи, под влиянием которых они заключались, изменились к моменту casus foederis, и если уже в настоящее время среди

австро-венгерских аграриев господствует взгляд, что союз с нами не имеет ценности, раз он не дает финансовых выгод, то я опасаюсь, как бы в нужный момент он не оказался таким же реальным, как с 1792 по 1795 г.

Этот союз будет еще менее реальным, если в Германии распространится убеждение, что политический договор с Австрией требует с необходимостью и торгового договора. Этот договор является ничем иным, как обязательством Германии выплачивать Австрии дань, притом в целях сохранения союза более нужного ей, чем нам: он возник из обещаний, которые вырвали у представителей немецких интересов, благодаря своему более зрелому опыту, австрийские государственные деятели во время дружеских переговоров в Силезии и Вене [1]).

Возможно, что Вена, в надежде на большие чаевые—в виде торговых договоров, приняла бы наших гостей еще дружественнее; но общественное мнение народа рано или поздно произведет проверку немецкого счета,—может быть даже через годы, в тяжелый момент, и тогда, оглянувшись назад, оно произнесет свой приговор и установит, что наше внутреннее законодательство пострадало от эксплоататорских поползновений Австрии [2]).

---

[1]) „Pester Lloyd" в корреспонденции из Берлина, повторяя общеизвестный факт, что зачатки торговых договоров относятся к моменту свидания в Роншток в 1890 г., добавляет, что новый канцлер, сейчас же по принятии должности, получил со стороны высочайшей особы соответственные документы о торговой политике. „Münchener Allgemeine Zeitung" комментирует это сообщение следующими словами: „Это сообщение подкрепляет неоднократно высказанное предположение, что действительным инициатором новой торговой политики является г. Миккель и что последняя относится ко времени франкфуртского визита императора в 1889 г. („Бирж. Газета", 16 октября 1891 г.)

[2]) Убытки финансового характера, отказ от ежегодной пошлины в размере 40 миллионов. Центр, поляки, социалисты—друзья Каприви.

Светская ловкость князя Шварценберга, проявленная им в отношении прусских представителей в Ольмюце и на Дрезденской конференции, создала в конце концов ситуацию, которая не могла уже удовлетворяться одним только дружеским союзом.

Об ошибках внешней политики общественное мнение сможет судить, когда пройдут годы, равные человеческой жизни, и Archivi qui plectuntur далеко не всегда современники ошибочных деяний. Задача политики заключается в том, чтобы точно предвидеть поступки людей при данном положении вещей. Способность такого предвидения, чтобы стать плодотворной, должна опираться на деловой опыт и знание людей, и поэтому я не могу освободиться от тревоги, когда подумаю, в какой степени лишены этих качеств наши руководящие круги. Во всяком случае, Вена богаче этими качествами, чем мы, и поэтому справедливо опасение, что при заключении договоров интересы Австрии охраняются лучше, чем наши.

I. ПИСЬМО КРОНПРИНЦА ФРИДРИХА ВИЛЬГЕЛЬМА БИСМАРКУ.

Moris Castle, остров Wight.

17 авг. 1881 г.

Обращаюсь к Вам с вопросом, что собственно означают слухи, распространяемые газетами: „Баден должен стать королевством“.

Вначале я, как и все другие, потешался над этой газетной уткой и высмеивал эту весть, как шутовское измышление от нечего делать. Но так как об этом не перестают говорить, я настораживаюсь. Конечно, я слишком хорошего мнения о своем шурине и слишком уверен в его преданности германским интересам, чтобы предположить такую нелепость с его стороны. Но откуда же в таком случае эта газетная болтовня? [1])

Вы знаете, какого мнения я держусь относительно трех немецких королевств, которые достались нам от Наполеона I в самое позорное для нас время: он хотел этим закрепить навсегда раздробленность Германии. Ведь Вы лучше меня знаете, по личному Вашему опыту, какие затруднения, сколько зла причиняют общим интересам империи

---

[1]) Замеч. Бисмарка на полях: Роггенбах.

кабинеты этих государств, гордящихся своим пустозвонным титулом. Можно ли допустить образование еще одного королевства, которое только увеличит все эти неприятности? Разве не значило бы еще более унизить престиж монархической власти, и без того поколебленный в наши дни, если бы мы маленькое государство, бессильное само по себе, и, следовательно, не способное придать королевской власти ни мощи, ни силы, возвысили до такой степени! А прежде всего, как можно было бы оправдаться перед немецким народом в том, что мы сами же добровольно ставили такие препятствия единству Германии, так медленно и без того укрепляющемуся.

Я говорю с вами так же откровенно, как с глазу на глаз в вашей комнате, в Берлине. Если же, чего Боже упаси, что-нибудь затевается, то вы уже сейчас в праве заявить решительное „нет“ против возведения Бадена в королевство. А затем, немедленно же сообщите мне о положении дела, чтобы я мог активно вмешаться, я надеюсь также, что никакие решения без моего ведома приняты не будут.

Шлецер, говорят, вернулся из Рима, мне было бы интересно знать, каковы его впечатления и нельзя ли как-нибудь использовать его присутствие.

Я покидаю Лондон 23, в Брюсселе буду 23-го: 25-го в Кобленце, 27-го во Франкфурте н/М и с 28 по 30 в Баварии; 1 сентября приеду в Берлин.

Надо надеяться, что в Киссингене Вы отдохнули и окрепли и, прежде всего, забыли весенние боли. Здесь парламент испытывает муки сомнения и беспокойства, будет ли принят для Ирландии земельный билль, который считается необходимым злом во избежание еще горших бед предстоящей осенью.

Некоторые лорды воздержались от голосования, скрывшись на своих яхтах или уехав на охоту

(grouse); другие возражают против билля, но голосуют за него.

Мы чувствовали себя хорошо и на озере, и на берегу его; я покидаю этот прекрасный уголок, чтобы сперва повидать баварцев, потом ганноверцев, Западную Пруссию и, наконец, Шлезвиг-Гольштейн и горю желанием узнать, действительно ли станет „жемчужина Меппена“ [1]) министром Брауншвейга во славу вельфской agitation.

Глубоко преданный Вам

Фридрих Вильгельм
кронпринц.

II. ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО МИНИСТЕРСТВА ОТ 17 МАРТА 1890 Г.

(Ср. выше стр. 90 и след.).

Берлин, 17 марта 1890 г.

Конфиденциальное совещание королевского государственного министерства.

Присутствуют:

Президент госуд. министерства: имперский канцлер, князь фон-Бисмарк.

Вице-президент государственного министерства, государственный министр Д-р фон-Беттихер.

Королевские государственные министры: фон-Майбах, д-р барон Лупиц фон-Баллгаузен, д-р. фон-Госслер, д-р фон-Шольц, граф фон-Бисмарк-Шенгаузен, Геррфурт, д-р фон-Шеллинг, фон-Верди, барон фон-Берлепш.

---

[1]) Избирательный округ Виндгорста с 1869 г. *(Прим. перев.)*.

Младший статс-секретарь: действительный тайный советник Гомейер.

Господин министр-президент пригласил госуд. министерство на конфиденциальное совещание, которое состоялось у него на казенной квартире, и довел до его сведения, что он сегодня подал его величеству императору и королю прошение об оставке от занимаемых им должностей, принятие которой вероятно. Он сомневается в возможности впредь нести возложенную на него конституцией ответственность, так как его величество не оказывает ему необходимой поддержки. Его повергло еще раньше в изумление, что его величество принял окончательное решение относительно так наз. законодательства об охране труда, не спросив предварительно совета ни у него, ни у госуд. министерства. Он уже в то время выразил опасение, что подобная полемика вызовет в стране во время выборов волнения, возбудит несбыточные надежды и в случае неудовлетворения их повредит престижу короны. Он полагал, что единодушные представления госуд. министерства побудят его величество отказаться от своих намерений, но не встретил в министерстве единодушия и убедился, что многие считают желательным план императора.

Уже это обстоятельство принуждает его усомниться, обладает ли он таким же авторитетом, как министр-президент, каким он пользовался в свое время при императоре Вильгельме I.

Ныне император договаривается не только с отдельными министрами, но даже с советниками подчиненных ему министерств. Господин министр торговли сделал его величеству личный доклад, не испросив предварительно мнения министра-президента. В целях укрепления единства в коллегии министров он сообщил названному господину министру неизвестный ему доселе высочайший приказ от 8 сентября 1852 г., а когда он убедился,

что приказ этот вообще известен не всем министрам, он распорядился препроводить каждому копию с него. В препроводительном письме он особенно настаивал на том, что приказ относится только к тем личным докладам, которые касаются изменения законодательства и государственного порядка.

Истолкованный в таком смысле приказ содержит в себе только те предписания, которые необходимы для планомерной деятельности всякого президента госуд. министерства. Ему неизвестно, какими путями этот факт дошел до сведения его величества, но его величество император повелел ему, чтобы этот приказ, т. к. он препятствует министрам делать доклады, был об'явлен потерявшим силу [1]). Он возразил, что это нисколько не мешает министрам. Его величество свободен высказаться против министра-президента и в пользу соответственного министра. Приказ необходим и отменить его сейчас, когда он же напомнил о его существовании, он не может.

Различие мнений, само по себе, не могло бы побудить его к отставке; еще в меньшей степени —разномыслие по рабочему вопросу. В этой области он сделал многое, чтобы планы его величества имели успех: и дипломатические сношения по этому вопросу, и прием международной конференции в помещении министра-президента доказывают, что он печется и об этом.

Дальнейшие знаки недостаточного к нему доверия его величества императора он усматривает в том, что его величество поставил ему на вид прием депутата Виндгорста без его разрешения. Он принимает у себя принципиально всех депутатов и, когда Виндгорст обратился к нему с такой

---

[1]) Редакционная поправка Бисмарка карандашем: „об'явлен ..... силу" вместо „отменен".

просьбой, он принял и его; благодаря этому, он вполне ознакомился с его намерениями. Он не может подчинить контролю его величества свои личные сношения с теми или иными лицами вне службы и на службе.

В своем решении подать в отставку от всех должностей он укрепился еще более сегодня, когда убедился, что не может вести также и иностранную политику его величества.

Несмотря на его доверие к тройственному союзу, он никогда не упускал из вида возможности его распадения: в Италии монархия не прочна, согласию между Италией и Австрией грозит Irredenta; в позиции Венгрии никогда нельзя быть уверенной; она может и сама запутаться и Австрию запутать различными сделками, которых мы должны остерегаться; поэтому он всегда стремился не уничтожать окончательно моста между нами и Россией. Ему удалось в такой степени убедить русского императора в миролюбивых намерениях, что он почти не опасается войны с Россией, которая даже при победном исходе ничего не даст. В крайнем случае мы могли бы ожидать выступления со стороны России, если бы после победоносной войны с Францией потребовали уступок территориального характера. Россия также нуждается в великодержавности Франции, как мы в Австрии.

Между тем германский консул в Киеве прислал 14 донесений, в общем 200 страниц, о русских делах; некоторые из них касаются военных мероприятий. Часть этих донесений политического характера он вручил его величеству, другие, касающиеся военных дел, он направил в главный генеральный штаб, полагая, что последний доведет их до сведения его величества; остальные направил для доклада себе.

Сегодня к нему поступила следующая собственноручная записка его величества:

„Из донесения совершенно ясно следует, что русские выступили в полной боевой готовности в поход, чтобы начать военные действия. И мне приходится пожалеть, что я так редко получал известия. Я уже давно обратил бы внимание на страшно-грозную опасность. Пора предупредить австрийцев и принять какие-нибудь меры. При таких обстоятельствах не может быть речи о моей поездке в Красное.

Донесения превосходны.

В“.

В этой записке содержится упрек в том, что он скрыл от его величества донесения и не обратил своевременно внимания его величества на угрожающую войной опасность; кроме того, его величество высказывает соображения, которые он не разделяет: что со стороны России грозит „страшная“ опасность, что надо предостеречь Австрию, что нужно принять меры самозащиты и, наконец, что должно быть отменено посещение императором русских маневров, которое обещал сам же монарх.

Он вовсе не обязан представлять его величеству всех донесений, которые к нему поступают; ему предоставляется право выбора и оно определяется его ответственностью за то влияние, которое то или другое донесение может оказать на его величество. В данном случае он произвел выбор с лучшими намерениями и должен усмотреть в этой записке незаслуженное, обидное к себе недоверие.

Он остается и ныне непоколебимо убежденным в миролюбии русского императора и не может, потому, проводить мероприятий, каких требует его величество.

Предложенная им тактика в отношении рейхстага и в частности его роспуска, была высочайше одо-

брена, ныне же его величество, как он слышал, держится мнения, что военный законопроект должен быть в такой мере изменен, чтобы можно было расчитывать на его принятие рейхстагом. Господин военный министр еще недавно настаивал на внесении законопроекта в целом и это правильно, если хотят вооружаться против России и оттуда ждут опасности.

Из сказанного ясно, что между ним и его коллегами нет больше полного единомыслия и, что, он не пользуется в достаточной мере доверием его величества. Он радуется, когда король прусский из'являет желание править самостоятельно, признает сам невыгоды своей отставки для государственных интересов, не стремится к праздной жизни, он сейчас здоров; но он чувствует, что стоит императору на дороге, что отставка желательна его величеству и, поэтому, он счел себя вправе просить об отставке.

Господин вице-президент госуд. министерства заявил, что и его, и всех его коллег эти сообщения глубоко огорчили. До сих пор он надеялся, что между его величеством и господином министром-президентом существуют разногласия только в области внутренней политики и, что указанный недавно его светлостью выход—ограничить свою деятельность иностранной политикой, окажется подходящим разрешением вопроса. Оставление всех должностей его светлостью означает неисчислимые затруднения и хотя он понимает неудовольствие его светлости, но настоятельно просит найти способ для примирения.

Господин министр-президент заметил, что оставление прусской государственной службы и сохранение одного лишь поста имперского канцлера неудобно и в отношении об'единенных правительств, и в отношении рейхстага.

Так как на него, как на имперского канцлера, возложено руководство выступлениями прусских представителей, то он не может принять поста, на котором должен будет проводить инструкции госуд. министерства, разработанные без его участия. Следовательно и этот, недавно им же предложенный выход, встречает затруднения.

Господин министр финансов заявил, что высочайший приказ 8 сентября 1852 г. соответствует действительной потребности, в особенности, после пояснений, сделанных в препроводительном письме г-на министра-президента. Что же касается затруднений в области иностранной политики, то он присоединяется к просьбе государственного министра фон-Беттихера найти способ примирения. Раз отставка его светлости вызвана не состоянием здоровья, а политическими причинами, и притом от всех должностей, то госуд. министерство вынуждено обсудить, не должен ли он присоединиться к этому же решению. Может быть, такой шаг содействовал бы устранению злополучного события.

Господин министр духовных дел и юстиции заметили, что разногласия покоятся на недоразумении, которое можно выяснить его величеству, а господин военный министр добавил, что в его присутствии император давно не говорил ни одного слова, которое намекало бы на какое-нибудь военное осложнение с Россией.

Господин министр общественных работ заявил, что отставка его светлости — национальное бедствие, которое грозит безопасности страны и спокойствию Европы, и должно быть сделано все, чтобы его избежать. В таком случае все министры должны сложить свои полномочия. Он, по крайней мере, решил так поступить.

Господин министр земледелия заявил, что если господин министр-президент убежден, что его отставка желательна его величеству, от этого шага

отговаривать нельзя. Но госуд. министерству надо подумать, что ему в таком случае предпринять.

Господин министр торговли заметил, что в данном случае не может быть места для личных вопросов, но так как господин министр-президент затронул его доклад, то он просил бы разрешения пояснить, что содержание этого доклада составляют не новые вопросы, а высочайший указ 4 февраля т. г., который он застал уже при вступлении в свою должность, причем он ограничился только законодательством об охране труда. Высочайший приказ 8 сентября 1852 г. не встречал с его стороны возражений и он не упоминал о нем его величеству.

Господин министр-президент ответил, что он вполне убежден в том, что господин министр торговли был далек от того, чтобы действовать против него.

Господин военный министр заметил, что приказ 8 сентября 1852 г. не распространяется на очередные доклады военного министра, это специальное из'ятие, но независимо от этого он по всем важным вопросам своего ведомства сносился с государственным министром-президентом.

Господин министр-президент ответил, что коллегиальное поведение господина военного министра он, конечно, признает, после чего об'явил заседание закрытым.

Подписи: князь фон - Бисмарк, фон - Беттихер, фон-Майбах, бар. Лупиц фон - Баллгаузен, фон - Госслер, фон - Шольц, граф фон - Бисмарк, Геррфурт, фон-Шеллинг, фон-Верди, барон фон-Берлепш.

Подп. Гомейер.

III. ПИСЬМО ФЛИГЕЛЬ-АД'ЮТАНТА ФОН-БИССИНГА ГРАФУ ГЕРБЕРТУ БИСМАРКУ.

(Ср. выше стр. 146).

Мраморный дворец,
22 июня 1888 г.

Ваше превосходительство.

Честь имею по высочайшему повелению покорно довести до Вашего сведения, что его величество император и король крайне недоволен статьями различных берлинских газет.

Прежде всего, это статья вечернего издания „Berliner Tageblatt" от 20 с. м., затем статьи „Berliner Zeitung" и „Berliner Presse" от 21 с. м. Эти газеты хотят уверить свет, что между его величеством и князем имперским канцлером произошла размолвка из-за генерал-квартирмейстера графа Вальдерзее; статьи эти по своей цели напоминают несколько сообщения свободомыслящих газет перед внезапным падением министра фон-Путткамера.

С одной стороны статьи эти, и в особенности появившаяся в „Berliner Tageblatt", направлены, как будто, против князя имперского канцлера; с другой, они хотят, повидимому, уверить, что в руководящих правительственных кругах существуют или намечаются трения, наподобие тех, о которых писали [1]) во время короткого царствования покойного императора.

В виду того, что затронутый прессой вопрос касается внешней политики и представляет жгучий интерес для всего мира, иностранная печать уделит этим статьям, несомненно, большее или мень-

---

[1]) Заметка Бисмарка на полях: „но которых никогда не было".

шее внимание. Поэтому его величество считает целесообразным, чтобы Ваше превосходительство, при помощи близкой правительству печати, осветили затронутый вопрос правильно и энергичным образом противодействовали бы личным нападкам газет.

Его величество уполномочил меня заверить Ваше превосходительство, что он теперь, как и раньше, стоит на точке зрения, изложенной его величеством князю имперскому канцлеру в мае текущего года, что, несмотря на свое уважение к графу Вальдерзее, он никогда не допустит вмешательства графа во внешнюю политику и что в царствование его величества не будет существовать придворная камарилья; наоборот, он убежден, что среди людей, облеченных его доверием и находящихся на его службе, не будет деления на партии, что все пойдут по пути, который он избрал для осуществления намеченной им цели.

Вашего превосходительства покорно преданный барон фон-Биссинг, обер-лейтенант и флигель-ад'ютант.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ПРИЛОЖЕНИЯ:

